

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 21



РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2023

Редколлегия:

- И. И. Елисеева*, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. И. Бояркина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. А. Галкин, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (зам. гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Н. В. Колесник, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт
здоровья и благосостояния, Хельсинки, Финляндия);
М. В. Масловский, д-р соц. наук, проф. (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Е. В. Тыканова, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
И. Шубрт (Jiří Šubrt), д-р соц. наук, доцент
(Карлов университет, Прага, Чехия)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

*Научное периодическое издание «Петербургская социология сегодня»
выходит с 2009 года.*
Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

*Регистрационный номер СМИ:
ПИ № ФС 77-55387 от 17.09.2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

История социологии

<i>Тукумцев Б. Г.</i> История жизни Будимира Тукумцева, написанная им самим. На территории ГУЛАГа (картинки с натуры), 1941–1943 годы	5
---	---

Индивид, семья, общество

<i>Заостровцев А. П., Ширяева Я. Д.</i> Трансгендерность: поиск ренты	36
---	----

Данные, методы, методология

<i>Корниенко А. В.</i> Национальный корпус русского языка как источниковая база социогуманитарных исследований	58
<i>Каныгин Г. В.</i> Проблемы сетевого подхода в социологии	72

Социология культуры

<i>Бояркина С. И., Титов В. И.</i> Практики чтения в условиях трансформации коммуникационных процессов	89
<i>Шапиро С. В.</i> Интересы студенческой молодежи в сфере социально-гуманитарной проблематики	108
<i>Кудрина Е. В.</i> Цифровая мода: социологические аспекты исследования	117

Научная жизнь

<i>Рассолова Е. Н., Галкин К. А.</i> Будущее, инновации и новые профессии. Обзор научного семинара «Модернизация и инновационное развитие городов и городской сферы труда»	135
--	-----

CONTENTS

The History of Sociology

<i>Tukumtsev B. G.</i> The Life Story of Budimir Tukumtsev, Told by Himself. On the Gulag Territory (Life Pictures) 1941–1943	5
--	---

Individual, Family, Society

<i>Zaostrovtshev A. P., Shiriaeva Ya. D.</i> Transgenderism: Rent Seeking	36
---	----

Data, Methods, Methodology

<i>Kornienko A. V.</i> The National Corpus of the Russian Language as a Source Base for Social and Humanitarian Research	59
<i>Kanygin G. V.</i> Problems of the Network Approach in Sociology	72

Sociology of Culture

<i>Boyarkina S. I., Titov V. I.</i> Reading Practices in the Context of Communication Processes Transformation	89
<i>Shapiro S. V.</i> Interests of Students in the Field of Social and Humanitarian Problems	108
<i>Kudrina E. V.</i> Digital Fashion: Sociological Aspects of Research	117

Scientific Life

<i>Rassolova E. N., Galkin K. A.</i> Future, Innovation and New Professions. Review of the Scientific Seminar “Modernization and Innovative Development of Cities and the Urban Sphere of Labor”	135
--	-----

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-21.0t9x-rb65
EDN: CKCBMK



Б. Г. Тукумцев

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ БУДИМИРА ТУКУМЦЕВА, НАПИСАННАЯ ИМ САМИМ¹

**На территории ГУЛАГа (картинки с натуры),
1941–1943 годы**

Я не то еще сказал бы, —
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы,
Жаль, что лучше не могу.

А. Твардовский «Василий Теркин»

...В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.
Из старинной сибирской песни

На восьмой день пути наш эшелон, в котором мы 16 августа 1941 года выехали из Ленинграда, отправляясь в свою вторую эвакуацию, миновал город Омск и резко повернул на юг. И в тот же день прибыл в областной центр Северного Казахстана, в город Павлодар. Станция была конечной. И состояла она из двух железнодорожных путей и двух служебных зданий. Кругом была степь, а самого Павлодара мы сразу и не увидели. Но нам объяснили, что он находится несколько дальше, за возвышенностями, на берегу реки Иртыш.

Все пространство станции к моменту прибытия нашего эшелона было заполнено повозками, запряженными лошадьми и быками.

¹ Данная публикация продолжает издание разделов автобиографической книги российского социолога Будимира Гвидоновича Тукумцева (1927–2021) «История Будимира Тукумцева, написанная им самим» (малотиражное издание книги осуществлено в 2022 г.). Публикуется с разрешения Ирины Будимировны Олимпиаевой. В последующих выпусках ПСС публикация разделов из книги Б. Г. Тукумцева будет продолжена. — *Редколлегия*.

Не теряя времени, возчики этих повозок — старики-казахи, в необычных для нас шапках-треуголках, приступили к погрузке багажа на подводы.

Уже через час мы были в городе. Местные власти встретили нас весьма организованно. Покормили, сверили документы и тут же распределили по местам назначения. Наша семья была включена в группу, которая направлялась в один из районных центров области, в село Иртышское. И вечером того же дня мы уже отправились туда по реке Иртыш, на большом колесном пароходе.

К месту назначения мы прибыли к концу следующего дня. Нас ждали, и это нас обрадовало. Родители очень боялись, что в суматохе военного времени здесь, в глухих местах, просто будет не до нас. Между тем все проходило четко и «без проволочек». Сложилось впечатление, что в селе уже знали, кто к ним едет и куда нас определять. Родителям сразу же предложили работу в средней школе села. Отца приняли преподавателем русского языка, а маму — учителем литературы в старших классах. Конечно, родители были рады тому, что им предложили работу по специальности.

Поселиться нам предложили в большой комнате рабочего общежития. Включили нас в список на выдачу хлебного пайка (500 грамм хлеба в день на каждого члена семьи). И, наконец, отвезли наши вещи на конной подводе к общежитию, где нам предстояло поселиться.

Лишь позже мы узнали, чем объяснялась столь высокая организованность приема, расселения и обеспечения хлебным пайком эвакуированных ленинградцев и вообще столь высокая подготовленность района к приему иногородних.

Село Иртышское

Прежде чем продолжить рассказ о событиях нашей жизни в этом далеком сибирском селе на Иртыше, было бы логичным сказать о том, каким мы его увидели в первые дни нашего приезда и что о нем успели узнать.

Село Иртышское появилось здесь в первые годы XX столетия. Создали его переселенцы, прибывшие из малоземельных районов центральной России. Они воспользовались возможностями и поддержкой известной в истории России Столыпинской земельной реформы и переехали в эти сибирские края.

Расположилось село на левом, очень высоком берегу Иртыша. Добежав до его откосов, могучая река плавно поворачивала к северу,

образуя гигантскую излучину. Жилые постройки, выстроившись рядами вдоль береговой кромки, растянулись вверх и вниз по течению реки очень далеко. А за селом раскинулась необъятная степь. Там свободно, без пастухов, паслись коровы и прочий домашний скот этого села. Они сами знали, когда идти на пастбище, а когда возвращаться. Утром и вечером, в одно и то же время, двигаясь по сельским улицам, они мычанием сообщали о своем движении к дому или от дома. Заборов у приусадебных участков не было. Но бредущий скот попасть на чужие огороды не мог. Они были защищены глубокими канавами.

Все это было очень непохоже на то, что нам доводилось видеть в сельской местности под Ленинградом. Здесь не было, например, деревянных построек, рубленых изб, оград. Для строительства жилых домов использовался саман. Это смесь глины с соломой. Крыши у многих домов по казахской традиции были плоскими, слегка наклонными. Правда, было немало и двухскатных крыш. В старой части села кое-где возле домов росли деревья. Но их было немного.

К моменту нашего появления в тех краях село Иртышское было одним из наиболее крупных населенных пунктов Павлодарской области, центром большого сельскохозяйственного района. Но при всей своей значимости с внешним миром и своим областным центром сообщалось оно лишь в летние месяцы по реке Иртыш. С апреля по октябрь здесь, хоть и редко, но ходили пароходы. А вот в зимнее время это сообщение прерывалось.

Ни автобусного, ни железнодорожного сообщения для связи с внешним миром не было. Благоустроенных дорог испокон веку не строили. Если автомашины и повозки отправлялись в путь, то двигались они по укатанным степным трактам. И нередко во время дождей застревали в пути. А когда зимой снег скрывал накатанную колею, езду или водителю приходилось двигаться «наощупь», по памяти.

Расстояние от села до Павлодара (областного центра) — 170 км, до Омска — 208 км. Вот такая была это глухомань.

К началу войны население села составляло около трех тысяч человек. Здесь не было промышленных предприятий.

Не было здесь и электрического освещения. Две маломощные электростанции действовали на элеваторе и машинно-тракторной станции, но только для их собственных нужд. Правда, одна из них, электростанция элеватора, обеспечивала работу радицентра. И в селе два раза в день включалось радиовещание — утром и вечером.

Для домашнего освещения часть жителей использовала керосиновые лампы. Но достать керосин, да еще в военное время, могли далеко не

все. Потому обходились светом от жара в печи. Или просто ложились рано спать.

Гуманитарная сфера села была представлена школами (русской и казахской), большим клубом, детским домом-интернатом, больницей и поликлиникой. Причем медицинские учреждения выделялись и своим размером, и состоянием помещений. Там было хорошее оборудование и хорошие специалисты. В аптеке был нормальный выбор лекарств. И сначала нас это очень удивило, но впоследствии мы узнали причину такого медицинского благополучия. И к этому мы еще вернемся.

Село поражало своей большой протяженностью вдоль Иртыша. Оно растянулось более чем на три километра. А его центр был обозначен единственным в селе двухэтажным деревянным домом, в котором располагались властные структуры района. Рядом находилось несколько одноэтажных саманных зданий административных служб и огромный колхозный рынок, работающий по воскресеньям.

Неожиданное открытие

Добравшись до рабочего общежития, где нам предстояло жить, мы обнаружили, что там нас, как и на пристани, ожидают. Это было, конечно, приятно. Мы внесли вещи в предназначенную нам комнату, обогреваемую железной печкой. Набили на матрасники сеном, которое нам разрешили взять из сарая, и получили совет: пока работает магазин, получить свой хлебный паек за день приезда.

Меня тут же отправили в магазин. Путь пролегал по улице, идущей вдоль реки, по широкому краю берегового обрыва. Поражало безлюдье и тишина. Вокруг ни души. И вдруг я увидел, что далеко впереди на улице появилась и движется мне навстречу строем колонна людей, одетых в гражданскую одежду. Они шли по два человека в ряд, держа руки за спиной. Приблизившись к ним, я увидел, что это были женщины среднего и старшего возраста. Их лица были спокойны, с застывшими и устремленными куда-то вперед взглядами. А головы были закутаны темными платками, хотя на улице было тепло.

Колонну сопровождали три пожилых милиционера с винтовками в руках. Они шли по бокам колонны и почему-то смотрели себе под ноги. Я остановился, но они не сделали мне замечания. И я смог рассмотреть и даже пересчитать идущих женщин. Их было двадцать две.

Колонна остановилась возле одноэтажного здания с вывеской «Районный суд» и стала медленно втягиваться в дверной проем. Последними в здание вошли конвоиры. И на улице снова стало безлюдно.

Я двинулся дальше, но никак не мог понять, что же здесь на моих глазах происходило. Первый раз в жизни я увидел в реальности, как людей, да еще в таком количестве, ведут под конвоем с оружием. Это было для меня неожиданно. Впереди показалась вывеска «Магазин райпотребсоюза». На полках было пусто. Лежали только хлебные буханки. Получив паек на два дня, я вернулся домой и, конечно, рассказал о том, что только что увидел. Родители насторожились.

На следующий день они отправились в школу знакомиться. Их встретила директор, женщина средних лет, Мария Федоровна Кадькалова. Она оказалась коренным жителем села. Состоялась беседа, которой, по словам родителей, «обе стороны остались довольны».

А на заданный родителями вопрос о том, кто были женщины, которых их сын увидел около здания суда, они узнали от нее нечто, что заставило их очень удивиться.

Мария Федоровна поведала им, что в начале 30-х годов на территории Иртышского района был создан один из карательных лагерей ГУЛАГа (ГУЛАГ — это Главное управление лагерей НКВД). С тех пор сюда под конвоем прибывают и расселяются в деревнях района люди, осужденные за антисоветскую деятельность на ссылку по статье 58. Срок такой ссылки обычно колебался от 5 до 10 лет. Но большая часть ссыльных попадает в лагерь после отбытия основного срока в «трудовых лагерях». То есть в бараках за колючей проволокой на севере, или, как говорили сами эти ссыльные, «на северах». Таким образом, они отбывают два срока. (Например, 10 лет «на северах» и пять–десять лет ссылки.)

Еще одну группу находящихся в лагере составляли люди, как правило, с семьями, доставленные сюда на поселение (поселенцы). Они были вывезены с мест своего постоянного проживания по какому-то правительственному решению, связанному с политическими или военными событиями. Это были интернированные семьи взятых в плен в 1939 году польских офицеров, немцы Поволжья и кто-то еще. Им был неизвестен срок пребывания здесь: их судьба решалась на политическом уровне.

Порядок поселения, питания, трудовой занятости в лагерях для отбывания срока ссылки отличался от распорядка жизни заключенных в трудовых лагерях. Здесь осужденные жили не в бараках за колючей проволокой, а на частных квартирах в населенных пунктах района. Они не ходили строем на работу, а самостоятельно трудоустраивались на свободные рабочие места, могли вести подсобное хозяйство. Осталось для меня загадкой — выплачивались ли им деньги на содержание или

они сами обеспечивали себя всем необходимым для жизни. Но покидать населенный пункт, где они жили, без разрешения они не имели права. Роль лагеря в их жизни заключалась еще и в том, что все получали хлебный паек (500 гр.) и медицинскую помощь. Вот почему здесь была хорошая поликлиника. В ней тоже работали некоторые ссыльные.

«А женщины, которых днем раньше с конвоем встретил ваш сын, — завершила свой рассказ директор школы, — это граждане Польши, жены польских офицеров, интернированные еще в 1939 году при занятии советскими войсками территории Восточной Польши. И находятся они здесь на поселении (то есть без определения какого-либо срока). Они ничего не знают о судьбе своих мужей. А в суд их водили, понуждая принять советское гражданство».

Так уже с первого дня нашего пребывания в селе Иртышском нам начала открываться неожиданная для нас сторона жизни села, в котором мы оказались, приехав из Ленинграда.

Мобилизован в трудовую армию

В последних числа августа было тепло. Мы обживались на новом месте, знакомились с соседями, приспособливались к приготовлению пищи на общей плите, учились находить топливо. Два раза в день радиорупор, установленный в коридоре общежития, напоминал нам о том, что война продолжается, и не лучшим образом. Наши войска по-прежнему отступали с боями, оставляя один город за другим. И мы очень болезненно воспринимали эти сводки Совинформбюро.

Наконец наступило 1 сентября — начало учебного года. Ранним утром всей семьей мы отправились в школу. У каждого из нас начинался свой новый сибирский учебный год. Родители шли преподавать, мы с сестрой — учиться.

Расстояние от общежития, где находилась наша комната, до школы было большим. Но шли мы медленно. Маме с палочкой трудно было поспевать за нами.

Дошли вовремя. Два больших деревянных одноэтажных здания школы стояли недалеко друг от друга. Здание поменьше было предназначено для учеников начальной школы, в другом — побольше — занимались ученики старших классов.

Войдя в здание, мы оказались в зале, который начинался сразу от входной двери. Здесь рядами стояли обычные скамьи. Двери в классы были еще закрыты, и школьный народ рассаживался на этих скамьях в ожидании начала уроков. Родители ушли в учительскую, а нас стали

настороженно рассматривать сидящие ребята. Они сразу почувствовали, что мы «не свои».

Ожидание длилось недолго. В зал вышли все учителя, а с ними и наши родители. Подойдя ко мне, мама сообщила неожиданную новость. Оказалось, что начало учебного года для меня, как и для всех парней-старшекласников, откладывается на неопределенный срок. Все, кому исполнилось 14 лет, уже завтра должны выехать в колхозы на работы по уборке урожая.

Все дальнейшее происходило очень быстро. Нас, старшекласников, собрали в одном из классных помещений и вручили повестки о призыве в трудовую армию. За получение повестки следовало расписаться.

Высокий седой мужчина, представитель районной власти, подробно рассказал нам, что и почему. Сказал, что поскольку мужское население страны, включая и Иртышский район, мобилизовано в армию, рабочих рук в колхозах и на предприятиях стало не хватать. Поэтому принято правительственное решение о создании трудовой армии. В нее призываются граждане из числа неработающего населения и школьники старших классов. Все призванные должны участвовать в работе промышленных и сельскохозяйственных предприятий по направлению органов советской власти.

Окончил он свое выступление сообщением, что с этого момента мы, старшекласники, мобилизованы в эту самую трудовую армию. И поэтому несем ответственность за невыполнение трудовых обязанностей по законам военного времени. А в заключение пожелал нам удачи.

Так в возрасте 14 лет в первые месяцы войны я оказался мобилизованным. Правда, в трудовую армию. Воспринял я это как что-то естественное в условиях военного положения. Даже с чувством какой-то мальчишеской гордости. Ну а что можно было еще ожидать от ленинградского школьника, выросшего в семье, где в течение поколений сохранялся культ доброжелательного отношения к судьбам России. Как он мог вести себя и думать иначе?

Нас распределили по предприятиям и хозяйствам, где нам предстояло работать. Меня, восьмикласника, и девятикласника Семена направили в колхоз, находившийся в деревне с очень ласковым названием Украинка. Село находилось относительно недалеко, где-то в 40 километрах. Нас предупредили, что отвезут нас туда уже на следующий день. Но для этого в половине шестого утра мы должны быть на постоялом дворе колхоза «Украинка». И мы с Семеном пришли туда вовремя.

Так уже в первый год войны мне пришлось прервать свое школьное обучение и перейти к учебе экстерном, по большей части занимаясь дома, по вечерам, и сдавать экзамены в индивидуальном порядке. Наиболее существенно пострадало от этого мое умение грамотно писать. Не выработался, как это заложено учебной программой в школе, приемлемый стиль изложения мыслей. На долгие годы это осталось «травмой военного времени» и ограничивало меня во многом.

Учителя Иртышской школы

Мобилизация старшеклассников не помешала началу нового учебного года в Иртышской средней школе. Занятия начались во всех классах. Приступили к проведению занятий и наши родители. На первых же переменах началось их знакомство с работающими в школе учителями.

Большая часть учителей были потомственными жителями села, получившими педагогическое образование в ближайших сибирских городах. Учебный процесс в школе осуществлялся, как и во всех школах страны, по единой программе.

Необычным было то, что часть преподавателей были людьми не местными, ранее жившими и работавшими в центральной и западной части страны. Это были те, кого в годы репрессий осудили в специальных судебных процессах за «антисоветскую деятельность». Сроки заключения они отработали в сибирских лагерях, в шахтах, на рудниках, проживая в бараках, за колючей проволокой. А срок ссылки после заключения они отбывали в лагере ГУЛАГа типа Иртышского. Наиболее распространенным был такой срок: «Десять лет лагерей и семь лет ссылки». Вот такая «бухгалтерия репрессий».

Ссылные жили в населенных пунктах района, где им снималось жилье. В самом Иртышском оставались только те, кто по уровню образования или по специальности мог быть здесь востребован. Так, несмотря на «политический характер их судимости», им разрешалось работать и в школе. Даже поощрялось. И это, безусловно, было разумным решением.

Те политические ссылные, которые ко времени нашего приезда работали в школе преподавателями, были высокообразованными специалистами, работавшими ранее в различных учебных заведениях страны, включая вузы и научные организации. Это были разносторонне образованные, талантливые люди, представители послереволюционной российской интеллигенции.

К сожалению, в памяти сохранились далеко не все имена учителей, да и не со всеми я был знаком. Помню, что литературу в школе преподавал писатель Е. Н. Пермитин (из Москвы). Математику в разных классах школы вели П. Г. Руш, ранее работавший доцентом в пединституте г. Энгельса, и учитель математики средней школы из Рязани В. М. Беднягин. Уроки биологии вела биолог Е. Н. Карпова из НИИ г. Воронежа. Ботанику преподавал доцент Саратовского пединститута Г. Е. Солодовников.

Многие имена я, к сожалению, не запомнил, хотя сдавал некоторым из этих специалистов экзамены, иногда на дому. (Я учился экстерном, и некоторые экзамены мне разрешалось сдавать даже летом.) Всего в школе работало 12 преподавателей-ссылных.

Пополнение числа репрессированных преподавателей продолжилось и на следующий год. Ранней весной 1942 года на грузовиках в село прибыла большая группа немецких семей из г. Энгельса (из Республики немцев Поволжья). Шла война, немцы подходили к Волге, и Комитет обороны страны начал опасаться контактов германских войск с жителями этой республики. И тогда было принято типичное для того времени решение о выселении всех немцев с Волги в Казахстан. Причем это была не ссылка, а «поселение». (Диву даешься и решению, и его масштабам, и вариантам карательных мер. Но не в последнюю очередь и тому, что немцев Поволжья после войны так и оставили в Казахстане. В отличие, например, от жителей Чечни.)

Среди прибывших «на поселение» в Иртышский район оказался бывший директор школы города Энгельса Владислав Христианович Лайер. Он был к тому же еще и членом коммунистической партии (ВКП(б)), а также преподавателем физики. Руководство Иртышского лагеря НКВД тут же отделило его от остальных (властных функций им хватало), и уже на следующий день он был назначен директором нашей Иртышской средней школы, что было доброжелательно встречено преподавательским коллективом.

Согласитесь, что при таком педагогическом составе не было ничего удивительного в том, что учебные занятия в Иртышской средней школе проходили на высоком профессиональном уровне, которому могли позавидовать и некоторые городские школы.

Высокая квалификация и культура педагогического состава не могла не повлиять и на содержание внеклассной работы в школе. Гвидон Романович, мой отец, к каждому четвергу готовил вместе со старшеклассниками «Живую газету». После кратких новостей с фронта и событий в районе шла рубрика: «Почему мы так говорим?»

Здесь в доступной форме говорилось об этимологии слов, о фразеологизмах. Причем все это сопровождалось добрым юмором. Послушать эту «газету» приходили даже родители учеников.

Математик П. Г. Руш, имея консерваторское образование, устраивал тематические концерты классической музыки. К всеобщей радости, он создал в школе ученический оркестр, который выступал на вечерах. Писатель Е. Н. Пермитин читал по пятницам, после уроков, новые главы своих повестей.

Школьники не воспринимали этих педагогов как людей чуждых, как преступников. Они были рады их и видеть, и слушать. А значительная часть родителей считала, что их детям и школе в целом крупно повезло, что здесь оказались эти замечательные специалисты и высокообразованные люди.

Только один пример. Внук старика Пономарева, столыпинского переселенца, учившийся в классе моего отца, стал после пединститута доктором филологии и завершил свою жизнь в должности декана филологического факультета Саратовского университета. (И это выпускник Иртышской средней школы!)

В селе Украинка

Утром 2 сентября 1941 года около 6 часов утра, как человек дисциплинированный, я подошел к постоянному двору колхоза «Украинка». Мой напарник — девятиклассник Семен — был уже там. Там же стояла запряженная повозка. Ехали в деревню Украинка мы не одни. Туда направлялось три семьи, а точнее, три женщины с детьми, эвакуированные с Западной Украины. Как удалось выяснить в пути, это были не просто эвакуированные, а жены командиров пограничных застав на западной границе. Весной этого, 1941 года они приехали с детьми к мужьям на побывку. Но во второй половине июня у их мужей, начальников застав, не оставалось никаких сомнений в том, что нападение германских войск начнется с часу на час. Поэтому семьи были срочно отправлены домой. Доехать до дома они не успели, но служба НКВД сумела во Львове посадить их в эшелон эвакуированных. Потом они долго кочевали, но наконец их направили в Сибирь, в Иртышский район. О судьбе своих мужей, оставшихся на границе, они говорить избегали.

Выехали мы с постоянного двора ровно в шесть утра. До полуденной жары предстояло одолеть немалое расстояние. Повозка, на которой мы ехали, была необычно большой, с огромными, около метра в диаметре,

колесами. По длине она была раза в два больше привычной крестьянской телеги. Такие повозки хороши в степях, на хлебных полях для перевозки скошенной пшеницы, сена, соломы. Высота погруженного воза достигает в этом случае двух человеческих ростов. Называют эти телеги бричками.

Я рассказываю столь подробно об этой повозке потому, что в течение двух месяцев моей последующей работы в деревне такая вот бричка была основным орудием моего труда.

Ехали мы быстро. Бричка катилась по накатанному тракту, преодолевая колдобины и подсакивая на ухабах. Благодаря огромным колесам тряска почти не ощущалась. К тому же на полу брички лежало несколько охапок свежего сена, которое смягчало толчки. Две красивые, сильные лошади, запряженные в бричку, почти всю дорогу шли рысью.

По степи я ехал первый раз в жизни и с интересом разглядывал ее необъятные просторы под огромным, почти безоблачным небесным куполом. Никогда раньше мне не доводилось видеть такой объемный горизонт — бесконечную линию, которая, не прерываясь, окружала нас со всех сторон...

Уже через четверть часа постройки села Иртышского, из которого мы выехали, скрылись из глаз, опустившись куда-то вниз. Зато впереди начали возникать непонятные сначала силуэты, которые по мере приближения оказывались то березовыми рощицами, то зарослями камыша, кое-где в низинах, среди этих зарослей и низкорослых кустов, открывались небольшие озерца. Здесь был водопой всего живого, что бегают, летает и ползает вокруг.

Зрелище было новое и захватывающее. Время пролетело быстро. И мы не успели особенно заскучать, как наша поездка подошла к концу. Три часа пролетели незаметно. На горизонте показалась большая группа деревьев. Потом стали видны дома. Мы прибыли к месту назначения, в деревню Украинка.

В центре села находился большой рукотворный котлован, наполненный водой, — главная примета сел, созданных переселенцами. Здесь поили скот, купались ребятишки. Вокруг котлована и домов на всем пространстве деревни раскинулась рукотворная березовая роща. Дома были необычно красивы. Они соответствовали названию деревни. Это были украинские хаты-мазанки, крытые соломой, как на Украине. А стены были аккуратно побелены.

В правлении колхоза быстро определили наше место работы и на той же повозке отправили на большой зерновой ток в степь.

Погонщик быков

Зерновой ток оказался большой утоптанной и освобожденной от какой бы то ни было растительности площадкой в степи, обустроенной на расстоянии примерно километра от села. Здесь обмолачивали скошенную на полях пшеницу, очищали и сушили зерно.

Комбайнов в деревне Украинка не было. Пшеницу и все остальные зерновые культуры косили здесь старыми, еще дореволюционными конными косилками. Они не только скашивали пшеницу, но и укладывали ее в небольшие копны (стожки). Эту технику, запряженную двумя лошадьми, называли почему-то «лобогрейка». Возможно потому, что труд на таком конном агрегате был очень тяжелым. Здесь работали мужчины. В нашей бригаде было трое пожилых мужчин. Молодых мужчин или мужчин среднего, как тогда говорили — призывного, возраста к этому времени в деревне уже не осталось. Все были в армии.

Скошенную пшеницу свозили на зерновой ток и обмолачивали на громоздком агрегате — молотилке. Ее приводила в действие паровая машина. Вся техника была еще дореволюционной, купленной в далекие времена за рубежом. По табличкам можно было установить, что оба агрегата были из Швеции. Когда-то давно они были приобретены переселенцами времен столыпинской эпохи.

Полученное зерно очищали с помощью ручных веялок, которые стояли тут же. А затем расстилали его на всем свободном утоптанном пространстве тока. По мере того как оно подсыхало, его сгребали в кучи и увозили на конных подводах и грузовиках на элеватор, в село Иртышское. Вот таким был уборочный процесс, и такая техника еще использовалась в те годы сибирскими колхозами.

Рядом с зерновым током стояли три глинобитных дома. В одном размещался бригадир, второй занимали механики молотилки и лобогреек, местная «элита». В третьем, самом большом, отдыхали остальные колхозники, которые оставались ночевать на току. Здесь на нарах расположились и мы. У нас было с собой по одеялу, под которое мы подстелили солому. Но пока было тепло. Потом пришлось перелечь на солому, а одеяло использовать по назначению.

Рабочий день продолжался не меньше 14 часов. Начинался он в 6 часов утра с завтрака. На завтрак варили овсяную или пшеничную кашу. Обед был в 13 часов. Готовили постный борщ или щи, правда, густые, и отварную картошку (или кашу). Вечером, в восемь часов, — галушки или блины. И чай из каких-то листьев, но душистый. В хлебе и чае не ограничивали.

Около кухни, под навесом, висел кусок железной рамы трактора, по которой повариха, приглашая к столу, стучала обрезком трубы. Но мы в поле и без этого сигнала чувствовали, когда надо было начинать двигаться к кухне.

Свободного времени не оставалось. После работы, особенно в первые дни, мы старались поскорее добраться до своей «лежанки» и лечь спать.

Вначале нас с Семеном поставили на очистку зерна, крутить веялку. И мы добросовестно крутили ее рукоятку, засыпали в нее сорное зерно ведром и отгребали из-под нее чистое лопатой.

Но неожиданно место работы поменяли, и нас назначили погонщиками на брички. На такие же повозки, на которой мы приехали сюда. Нам теперь поручили перевозить скошенную пшеницу с поля к молотилке, а солому, после ее обмолота, к скирдам, где она хранилась. Таким образом, нас включили в основной уборочный процесс.

Запряжены наши брички были не конями, а рабочими быками. Вначале нас это несколько смутило. Несмотря на небольшой возраст, у меня уже был опыт общения с лошадьми, когда мы жили на даче, в деревне под Ленинградом, а вот с быками нет.

Но мы быстро освоились и пришли к выводу, что в работе с быками есть много позитивного. Их, например, не надо бить и вообще применять к ним какое-либо физическое воздействие. Они оказались добросовестными и толковыми работягами. Если нужно было, например, повернуть бричку направо, надо было просто крикнуть «ЦОБ» и слегка ткнуть палкой левого быка. Когда же надо было ехать влево — надо было крикнуть «ЦОБЕ» и ткнуть правого. Каждый бык знал свою кличку и тут же ускорял свой ход. И бричка неумолимо поворачивала в нужную сторону. А палка была лишь так, напоминанием. Вот такой была технология поворота. Ну а прямо они всегда ходили безупречно. Причем всегда с одинаковой скоростью.

Вечером мы распрягали своих бычков и отводили в степь, пастись. А чтобы они далеко не убежали, спутывали им передние ноги веревочными путами.

В течение дня мы без перерыва перевозили к молотилке скошенную пшеницу. В погрузке и разгрузке пшеницы и соломы главную роль играли работницы бригады. Возле молотилки пшеницу разгружали, а на порожнюю бричку грузили солому. Бычки под нашим управлением везли ее к скирдам, которые стояли вдоль дороги к деревне. Там тоже были грузчики, которые складывали солому на эти скирды. Зимой эта солома была дополнительным кормом для скота. А летом ее использовали в домах как топливо.

Таким образом, работа на бычках оказалась для нас, школьников, не тяжелой. На нас возлагалось участие в погрузке, очистка брички, уход за бычками, но главное — своевременное прибытие на погрузку и разгрузку. Спина, однако, особенно вначале, все-таки побаливала.

Иногда эта монотонная дневная работа перемежалась небольшими вечерними вполне легальными подработками. Это случалось, когда бригадир разрешал кому-то из колхозниц привезти домой воз соломы. Как правило, он давал одновременно два таких разрешения, зная, что у него есть две брички с быками. А оба погонщика не прочь подработать.

Забегая вперед, хочу сказать, что расплачивались заказчицы с нами не деньгами. Но достаточно разумно. Они приносили нам на следующее утро к завтраку по бутылке молока, пирожки с пасленом, свежие огурчики, вареные яйца, творожок. Все это было для нас очень кстати. Appetit на свежем степном воздухе был волчий. И казенной еды, конечно, не хватало.

В такие вечера, когда намечалась подработка, мы не распрягали быков в конце работы, а подъезжали к скирдам соломы и грузили на брички вместе с «заказчицами» столько, сколько можно уместить. Вozy вырастали в высоту не менее чем на три метра. Затем хозяйки самолично увязывали солому жердиной и веревками и уходили короткой дорогой через пшеничное поле домой, чтобы встретить нас. А мы, направив бычков по дороге, забирались каждый на верх своего воза и устраивались там поудобнее.

Я очень любил эти ночные поездки. Лежа на спине на медленно передвигающемся и покачивающемся возу, я видел над собой бескрайнее небо, усыпанное звездами. В степи летом не бывает облаков. И на ничем не прикрытом своде гигантского космического шатра от горизонта до горизонта я разглядывал рассыпанные в бесконечных вариациях миллиарды космических светил. Возникало удивительное чувство причастности к чему-то великому, вечному. Ощущение торжественности при встрече лицом к лицу со Вселенной. В свой степной дом мы возвращались обычно уже за полночь. Как правило, сидели рядышком, на одной бричке, и вели бесконечные разговоры.

Жили мы с Семеном дружно. Вдвоем было не страшно, например, сходить ночью в степь, на озера. Однажды нам довелось в той степи увидеть сказочной красоты атмосферное явление. Это случилось после того, как мы обнаружили в степи диких гусей, и Степан решил поохотиться на них. Ценой бессонной ночи привез из дома охотничье ружье. И поднявшись в 4 часа утра, мы с ним отправились в поля, искать гусей. Гуси, по закону подлости, конечно, не прилетели.

Просидев до рассвета на копне, мы решили возвращаться. Солнце только еще собиралось выглянуть. Как вдруг неожиданно чуть выше линии горизонта мы увидели тот самый мираж, о котором когда-то каждый из нас читал. На кромке неба возникли здания города из яркого белого камня, темно-зеленые пальмы и шагающие мимо этих белых строений верблюды. Как в сказке! Мы стояли оцепенев и наблюдали за этим волшебным явлением, напоминающим кадры кино. Длилось это минуты две-три. Как только солнце за нашей спиной выглянуло из-за горизонта, видения исчезли.

До того случая я считал, что миражи бывают исключительно в пустынях, но никогда не думал, что смогу их увидеть в казахстанской степи.

С наступлением октября пришли холода. Уборка затягивалась, и руководство нервничало. Не хватало ни людей, ни техники. Между тем пшеница созревала по своим законам и начала осыпаться. Работы шли непрерывно.

При низкой температуре ночевать в бригадном доме, где не было отопления, стало нестерпимо. Нас с Семеном поселили в деревне, в одном из частных домов. Спали мы на широком деревянном топчане в кухне, возле русской печи. Утром, еще до восхода солнца, по пути на свой «рабочий маршрут» мы на своих бычках подвозили колхозников из деревни на ток, а вечером — обратно. Так что наш рабочий день теперь увеличился до 15 часов.

Попытались мы отпроситься домой. Самовольно уехать нам было нельзя. Нужна была справка о том, что мы отработали положенное. Главный козырь, на который мы тогда напирали, — это отсутствие у нас теплых вещей. Но не тут-то было! Каждому выдали по старому ватнику. Нашли по старой шапке-ушанке (можно было только гадать, сколько голов они повидали). А еще сшили из старых мешков две подушки, которые мы набили соломой и возили с собой, чтобы не сидеть целый день на холодных досках брочки.

Утешало нас лишь одно. Если не отпускают, значит, оказались мы здесь нужны. Значит, была от нас реальная польза. Это нас в душе радовало. А бригадир успокаивал: «Терпите, ребята, вы же люди мобилизованные». Что поделаешь, но в ватнике и шапке трудиться стало теплее, и настроение улучшилось.

Словом, в Иртышское мы вернулись только в последних числах октября, после почти двухмесячного отсутствия. Не заболели, окрепли и основательно потемнели от осеннего загара. И сразу же приступили к занятиям в школе. Предстояло догонять, набираться ума для сдачи

экзаменов. Хотя уже тогда было очевидно, что нам, мобилизованным, сдавать экзамены вместе с классом все равно не придется. Тогда мы уже знали, что в марте нас опять отправят в колхозы на посевные работы. Но теперь уже в качестве трактористов.

После возвращения всех нас обязали после уроков посещать курсы тракторного дела. Они были организованы тут же, в школе, во вторую смену. Занятия на курсах проводил преподаватель школы механизации, инженер-механик Николай Иванович Покровский (кстати, тоже человек ссыльный), и заниматься у него было очень интересно.

По окончании курсов нам предстояло сдать квалификационный экзамен на право работы трактористом и вслед за этим выехать в начале апреля на посевную.

Что касается экзаменов за 8-й класс, то директор обещала у нас их принять, разумеется, у тех, кто подготовится, в конце лета. Вот такие пироги! И началась учебная зима.

Сообщение о разгроме немцев под Москвой застало нас во время занятий. Прервав уроки, нас собрали в школьном зале и рассказали об этом радостном и, безусловно, историческом событии. Мы долго кричали «ура». Для каждого из нас это было по-своему важно. Наконец-то появилась подкрепленная мощнейшим аргументом уверенность в победе нашей Красной армии. Ведь под Москвой немцы впервые в этой мировой войне вынуждены были отступать. Все их блиц-планы оказались похороненными.

Столыпинские переселенцы

Для моих родителей первые месяцы жизни в селе оказались тяжелым испытанием. Решение бытовых проблем усложнялось с приближением зимы, особенно после моего отъезда в колхоз. В Ленинграде в последнее время именно я был в доме помощником по хозяйству. К тому же здесь они столкнулись с бытовыми шарадами, которые в Питере, в условиях города, им решать не приходилось.

Казалось бы, местные власти сделали для нашей семьи все, что могли. Родители были трудоустроены, получили комнату. И им, и детям назначили хлебный паек. Но у родителей не было практического опыта в том, как организовать быт семьи в необычных для них сельских условиях, в начале наступающей зимы, да еще при их инвалидности.

Сельский образ жизни при отсутствии масштабного государственного снабжения, да еще в условиях военного времени предполагал

полную самостоятельность и самостоятельность всех жителей в обеспечении себя и продовольствием, и топливом, и таким простым, казалось бы, средством жизни, как вода. Местные жители справлялись с этим успешно. Почти во всех дворах были скот, птица, огороды, создавались необходимые запасы к зиме, в том числе запасы топлива (как правило, кизяка, навозных лепешек). Воду, у кого не было своего колодца, носили из Иртыша. У нашей семьи ни запасов, ни подготовленного топлива на зиму, ни опыта организации быта в условиях села не было. Сходяв на базар и увидев цены на продовольствие, они поняли, что их месячной зарплаты может хватить на скромное питание, но только на две недели. Что-то продать из вещей они боялись. Все-таки лагерь НКВД.

Не зная о том, что такое кизяк (и по питерской привычке), они купили очень дорогие здесь, в степи, дрова. Носить воду из Иртыша отцу, с его сердцем, было тяжело. Пришлось нанять водовоза.

В итоге денег на еду у них не осталось, и они через день оказывались на хлебной пайке с чаем. Хорошо, что в их распоряжении был еще и мой хлебный талон.

Коллеги-учителя, наблюдая за бытовыми метаниями моих родителей и сочувствуя им, старались, чем могли, их поддержать. Даже приносили им что-то из своих хозяйств. Но нормальная жизнь не складывалась. Даже дрова в печке не сразу загорались.

Кардинальное изменение внесла директор школы Анна Федоровна Кадькалова. Это ей родители по приезду нанесли свой первый визит. Анна Федоровна уговорила своих родителей, стариков Пономаревых, принять «на квартиру» нашу семью в свой большой саманный дом (разумеется, с оплатой). Для родителей это оказалось и большой удачей, и, может быть, даже спасением.

В доме Пономаревых, впервые за два месяца после приезда, родители оказались в нормальных бытовых условиях. В просторной, теплой комнате им хватало места, чтобы нормально спать, хозяйничать и готовиться к занятиям. А хозяева, по традиции, жили в большой кухне, занимающей большую часть дома. В ее центре стояла огромная русская печь, она поддерживала тепло во всем доме. Там же стояла широкая хозяйская кровать. В доме было тепло, чисто и уютно.

Часть продуктов (молоко, яйца и кое-что еще) родители сразу же стали покупать у хозяев по щадящей (в сравнении с рынком) цене. Не надо было искать дров для отопления, вода была в колодце, рядом с домом. Важным было и то, что и старик Федор Павлович Пономарев, и его супруга с первого дня постоянно проявляли заботу о нашей семье.

В той половине дома, где жили хозяева, продолжалась размеренная, обычная для села жизнь. Хозяева были погружены в заботы о домашнем хозяйстве. Каждое утро на кухне гудел сепаратор, перерабатывая молоко. Лечили больную курицу (шуму-то было!), выпаивали молоком маленького теленка, пекли хлеб.

Вернувшись из колхоза в последних числах ноября, я застал родителей уже в этой квартире. Познакомившись с хозяевами, я был потрясен внешним видом Федора Павловича. Это был высокий могучий мужчина с большой седой бородой, в возрасте за 60 лет. Гигант!

Слово за слово, и неожиданно выяснилось, что Федор Павлович и его супруга Александра Пименовна были одними из первых «столыпинских переселенцев» в этих краях, основателями села Иртышское.

Воистину, это была фантастика, историческая находка! Передо мной сидел живой участник событий, которые для нас уже давно стали далекой историей. Родители присоединились к моему изумлению. Огромное впечатление произвели на нас и рассказы наших хозяев: от них мы узнали, как они обустроивались и обживались на целинной, нетронутой сибирской земле, как в деталях осуществлялась знаменитая столыпинская реформа.

Федор Павлович и его жена перебрались в эти места летом 1904 года, будучи еще молодыми людьми. Прибыв на трех повозках в прииртышские степи с грамотой переселенца, Пономаревы получили здесь в вечное пользование землю в объеме, который они могли, по их расчетам, использовать. Естественно, привлекая наемную рабочую силу.

Их встретил бай, исполнявший функции местного чиновника-землемера. Разумеется, и в те времена дело без взяток не обходилось. Но это, конечно, рассматривалось как поднесение подарка (бакшиша) чиновнику, который определял место земельного владения переселенца. А уж потом губернская власть в г. Омске выправляла необходимые бумаги.

По словам старика Пономарева, бакшиш был пустяковый — рублей пять (стоимость годовалой телки), а земли можно было получить столько, сколько осилишь.

Как исторический анекдот или легенду он рассказал нам о якобы имевшем месте случае, когда прижимистый переселенец решил не давать баю таких денег, а сунул ему рубль. Бай посмотрел на него с усмешкой и, приведя на место, сказал: «Ширина твоей полосы от этого озера на север — четверть версты». — «А в длину сколько?» — спросил переселенец. «А вон солнце на закате видишь? Оно уже почти

село, — отвечал бай. — Вот беги в его сторону, пока оно еще будет на небе. Там, где ты будешь, когда солнце скроется, и будет граница, край твоей земли». Крестьянин, ошавев от возможности получить большой надел, сбросил армяк, шапку и побежал. Вскоре он скрылся из глаз. Наутро его нашли далеко в степи, мертвым. Сердце не выдержало. Говорили, что так бай наказал его за жадность.

Пономаревы довольно быстро стали зажиточными хлеборобами, как и другие переселенцы. Они собрали большой табун отличных лошадей, стадо рабочих быков, современный по тем временам зарубежный инвентарь, главным образом шведскую технику, включая паровую машину. Каждую весну и осень у них на участке собиралась бригада вольнонаемных работников. Как правило, это были молодые люди, которые зарабатывали на свое будущее хозяйство.

Новые хлеборобы часто бывали в Омске, Павлодаре. Посещали ярмарки. Одежду покупали в городах. Ездили на тройках. Интересны были рассказы Федора Павловича о том, как готовились к странствованию по бескрайним степям. Каждый раз, естественно, это было событием и происходило, как правило, зимой. На длинную дорогу готовили еду. Замораживали в мисках борщ, молоко и даже чай — настой степных трав с малиной. Замороженные круги складывали в мешки. К этому добавлялся мешок мороженых пельменей, мешок мороженого хлеба да мешок с овсом. Выезжали двумя-тремя тройками.

По пути останавливались на постоянных дворах. Доставали котелки, разогревали еду. Там же ночевали, и дальше в путь. Своеобразные сибирские гостиницы, постоянные дворы, где принимали на постой путников, стояли в те времена на всех наезженных трактах Западной Сибири.

Родили Пономаревы двадцать одного ребенка. Выжило шестеро. Все удачно вписались в новую советскую реальность. Двое уже в советское время получили высшее образование.

Но в 30-е годы хлеборобная жизнь переселенцев была разорена. Земля была отобрана. Лошади, скот, инвентарь и машины изъяты. Все постройки разобраны и увезены. В стране проводилось всеобщее раскулачивание т.н. «мироедов-кулаков», несущих, по мнению вождей октябрьского переворота, угрозу светлому будущему страны.

Когда мы только прибыли в Иртышское и шли по селу, нам бросились в глаза необычно большие расстояния между жилыми постройками. Они доходили до ста метров. Оказалось, что эти пустые промежутки представляют собой результат того самого «раскулачивания».

До 30-х годов рядом с жилыми домами хлеборобов располагались не только огороды. Здесь находились хозяйственные постройки: мастерские, конюшни, амбары для зерна, сараи для инвентаря, бараки для наемных работников и т.д. Все было реквизировано, разрушено, вывезено и растащено. Оставлены были только жилые дома, поскольку они были глинобитными (из глины с соломой) и их нельзя было разобирать. И вот — пустыри рядом с ними. Остались и сами раскулаченные хлеборобы. В этом было своеобразие раскулачивания в Сибири. Бывших переселенцев не отправили на поселение в глухие районы, как это произошло с репрессированными крестьянами в Европейской части страны. Там их просто вывезли и погубили в северных областях, оставив в лесах в мороз и без пищи.

Тогда правительство рассматривало северные территории и территории за Уралом как места ссылки бывших кулаков и репрессированных граждан. Именно поэтому раскулаченные сибирские хлеборобы не сходя с места становились первыми «поселенцами» лагерей НКВД, которые там начали создаваться. Там они и продолжили свою жизнь. Но теперь уже без права выезда.

Работать в колхоз Федор Павлович не пошел (формально ему позволил так поступить его возраст). А ведь какой был хлебороб! Но не мог он простить советской власти учиненный над ним грабеж. Стал старик огородничать да заниматься кустарным промыслом. Возмущался воцарившейся бесхозяйственностью и безответственностью. Бесстрашно ругал установившиеся порядки и действующую власть.

Однажды рассказал мне такую злую шутку, в которой обыгрывается оценка крестьянином-казахом современной жизни. Чистой воды «контра», вполне достаточная для осуждения по 58-й статье, но он совершенно не боялся такое мне рассказывать.

Был царь Николашка,
Мой носил два рубашка.
А теперь «инын сыгын!»¹
Новый режим, голый лежим.

Он был уверен, что ему, находящемуся в лагере, можно теперь ничего не бояться. Между тем его критика в адрес экономической политики во многом была обоснованной. И она способствовала появлению в моем сознании новых критических размышлений. Спасибо, старик!

¹ Казахское ругательство.

Переезд на новую квартиру и новые знакомые

Зима 1941–1942 годов прошла для нашей семьи без приключений. Как и планировалось, в марте мне пришлось прервать учебу и вновь оставить родителей без своей поддержки. Но теперь у них были уже другие условия жизни. Да и Лада, моя сестра, к тому времени подросла и стала умелой хозяйкой.

Меня предупредили об отъезде и вместе с другими старшеклассниками стали развозить по хозяйствам. Теперь я был командирован в колхоз им. Чапаева. И ехал на посевную уже в качестве тракториста, имея на руках соответствующие права. Их я получил после окончания курсов и сдачи экзамена в районной квалификационной комиссии.

В колхозе им. Чапаева мне довелось поработать на посевной два с половиной месяца. Жил я на полевом стане, работал, как принято, без выходных, по 14 часов в день. А перед самым отъездом умудрился подхватить дизентерию. Это было «не фонтан»! Никогда больше в жизни я так тяжело не болел. Лежал я во дворе местного медпункта, не приходя в сознание пять дней. Но молодой организм выдержал.

Приехав домой к концу мая, родителей в доме у стариков Пономаревых я уже не застал. Пока я был в колхозе, отцу предоставили очень неплохую однокомнатную квартиру в небольшом двухквартирном домике. С кухней, с большой кладовкой и сенями. Домик находился недалеко от школы и почти рядом с рекой Иртыш.

После переезда родители, опираясь на помощь дочери, а также на накопленный опыт сельской жизни, по-хозяйски расположились в новом доме и на его территории. Даже огород вскопали. Обустройство нашего нового дома подвело итог всему тому времени, которое мы пробыли в Иртышском, впитало весь накопленный нами опыт. На радостях мы с сестрой даже закупили навоз и сформировали годичный запас плиток кизяка. Это оказалось очень просто и дешево. Теперь мы могли встречать любую холодную зиму.

Появление новых жильцов не осталось незамеченным. Началось знакомство с ближними и дальними соседями. С постоянными жителями села контакт у родителей установился сразу же, с момента переезда. Как учителя школы, родители были на селе фигурами узнаваемыми. Но тут выяснилось, что почти в каждом из близлежащих домов живут на съёмных квартирах интернированные польские семьи. Мы даже шутили потом, что нам довелось поселиться на территории маленькой сибирской Польши.

Первый контакт с живущими по соседству польскими женщинами установила мама, причем прямо на улице. Для нее это было несложно,

она говорила по-польски (ее мать, а наша «краковская бабушка» Эмилия Станиславовна была полькой и говорила на трех славянских языках). Симпатичные пани отнеслись к маме дружелюбно. Встречи повторялись, становились все продолжительнее. И вскоре модно одетые и причесанные пани стали заходить к нам в гости. Если это было вечером, то в разговоры включался и отец.

Наши польские знакомые оказались, не в пример нам, очень практичными людьми. Они надавали родителям немало ценных советов. Например, как и с кем лучше решать вопросы по хозяйству в этом селе, где, что и когда покупать, кому можно предложить купить золотую брошку, какие степные травы стоит собрать, чтобы получить душистый чай.

Были и курьезные ситуации. Одна из польских дам все уговаривала мою маму, чтобы она поспособствовала моему знакомству с ее дочерью Зосей, которой было в то время 13 лет. Мама не поддерживала эту инициативу, ссылаясь на мои вечерние занятия. Единственное, на чем они сошлись, — попросили меня пару раз сходить с Зосей на танцы, которые по субботам устраивались в нашей школе. Там собиралось много молодежи и было не скучно.

И я выполнил эту просьбу. Раз а три сходили мы с Зосей на танцы, хотя было это хождение несколько необычным. Проходило оно в полном молчании. Потому как по-русски Зося почти не говорила, а я вообще не говорил по-польски. Но танцевала она хорошо и с удовольствием.

Польские поселенцы, наши новые знакомые, жили в Иртышском уже более двух лет. В том кошмарном для них 1939 году они оказались одновременно и свидетелями, и жертвами начала Второй мировой войны в Польше. Началась эта война, как известно, с нападения германского вермахта на Польское государство с оккупацией его западной части. На второй день продолжением этой оккупации стала оккупация советскими войсками восточной части Польши. (Такая удивительная договоренность была достигнута между товарищем Сталиным и г-ном Адольфом Гитлером еще за два года до начала Великой Отечественной войны. И эту странную договоренность поляки до сих пор не могут простить нашей стране.)

После того как в 1939 году Красная армия заняла восточные польские земли (Западную Белоруссию и Западную Украину), все офицеры и солдаты Войска польского, находившиеся на этих землях, оказались у нее в плену. А жены и дети офицеров были интернированы и вывезены в лагерь ГУЛАГа за Урал. Так наши новые знакомые оказались в Иртышском.

Несколько позже выяснилось, что среди интернированных польских семей были такие, в которых мужья не находились в плену у Красной армии. К моменту оккупации Польши эти военнослужащие, в основном офицеры, успели вылететь самолетами либо уйти на кораблях в Англию. Это прежде всего была армейская элита.

Все семьи жили здесь «на поселении» на равных. Жили на частных квартирах, получали хлебный паек, как и все ссыльные, и подрабатывали где придется.

Однако уже осенью 1941 года в их рядах произошло расслоение. Те семьи, чьи мужья оказались в Англии, начали получать денежные переводы от польского правительства в изгнании. А ранней весной 1943 года они покинули село Иртышское и были вывезены в Англию. Их путь лежал через Азербайджан и территорию Ирана.

Наши знакомые польские дамы, которые были женами офицеров, живших в Лондоне, попрощались с нами. Ничего не оставалось, как пожелать им счастливого пути.

В судьбе же оставшихся в селе польских семей тогда ничего не изменилось. Они продолжали свою жизнь на поселении, не получая никакой поддержки ни из-за рубежа, ни от своих мужей. Они по-прежнему не знали, живы ли их мужья или нет. Единственное, что оставалось этим семьям, — ждать окончания войны.

Доктор Вольф

Приближался Новый 1943 год. Мы решили встречать его не по традиции, в полночь, а на следующий день, совместив его с днем моего рождения. А я, именинник, решил в эту новогоднюю ночь, как подарок самому себе, отоспаться. Занятия по вечерам накопили основательную усталость. На этот раз мне исполнялось 16 лет — возраст самостоятельности и ответственности, — предстояло получить паспорт. Но главное — надо было подготовиться и сдать экзамены за 9-й класс. Минувшим летом я сумел отчитаться перед учителями за 8-й класс. И, самое значительное, я с июля был приглашен на работу в районную школу механизаторов, о чем будет рассказано позже.

Для придания праздничности родители объявили первое января 1943 года нерабочим по дому днем. Но я воспользовался этим, чтобы со свежей головой посидеть над учебниками. Вот так теперь приходилось искать время для «экстерна». А в рабочие дни находить время для занятий было совсем нелегко.

По случаю моего дня рождения мама приготовила праздничный обед. Праздничность заключалась в том, что на второе она потушила картошку с курицей, и обед сразу стал совсем довоенным.

К обеду был приглашен гость. Доктор-терапевт, родом из Минска. В Иртышском он жил, отбывая свой срок ссылки в пять лет после отбытия 8-летнего срока заключения «на северах». Было 10, но два года ему скостили за добросовестную работу. В Иртышском он работал в местной поликлинике.

Их знакомство с отцом произошло совершенно случайно. Стоя однажды в очереди в единственном в селе магазине, где по спискам выдавали хлебный паек ссыльным и эвакуированным, отец о чем-то заговорил со стоящим рядом с ним врачом местной поликлиники — Исайей Львовичем Вольфом (как он представился). Вольф получал в хлебном магазине свой паек. Правда, по другому списку — по списку лагеря. Они разговорились, и отец пригласил его к нам домой.

Мы к тому времени уже жили в своей новой половине дома, не бедствовали и могли хоть и скромно, но позволить себе покормить гостя. Это дало нам возможность узнать еще одну историю из эпохи репрессий. На сей раз из жизни «врага народа из Беларуси» (так благодушный Вольф сам себя в шутку называл). История была длинной, но нам довелось услышать ее до конца. А началась она еще до революции 1917 года.

Сын минского успешного купца, будучи еще совсем юным, самостоятельно отправился из родного города Минска в Швейцарию получать медицинское образование. О том, что довелось ему там увидеть неожиданного и интересного, он мог теперь рассказывать часами. Но университет он все-таки окончил. Вернувшись, он стал практиковать как терапевт в родном городе. Сначала частным образом, а затем, в советское время, в государственной поликлинике. Благодаря хорошим знаниям и большому опыту он вскоре заслужил признание пациентов. К этому времени у него уже были и семья, и дети.

Но в середине тридцатых годов предприимчивый и слишком популярный в Минске врач начал мешать своим авторитетом местному медицинскому руководству. Он позволял себе иметь по поводу некоторых общегородских предписаний свое мнение, что, естественно, раздражало. И тогда медицинское руководство города приняло достаточно подлое, но типичное для того времени решение. Оно предположило участие доктора в контрреволюционной деятельности и сообщило о своих подозрениях в компетентные органы.

После того как в городские органы НКВД поступил донос, их сотрудникам «сразу же стало совершенно очевидно», что перед ними агент зарубежной разведки, завербованный во время учебы за границей. Тем более что он сразу же во всем сознался, так как знал, что иначе его будут бить, пока он не сознается.

Ему дали десять лет по 58-й статье (антисоветская деятельность) и пять лет поселения-ссылки (поражения в правах). В сороковом году на Колыме, где он работал в зоне, его досрочно освободили, сократив срок на два года за заслуги в лечении лагерных тружеников, и отправили в Иртышское отбывать ссылку. Здесь он работал в поликлинике участковым врачом.

О том, что стало с его семьей после его ареста и особенно после оккупации Минска немцами, он не мог даже думать. Решил просто ждать. Вот такая, тривиальная для того времени, история.

Родители неоднократно обращались к Исаяе Львовичу за медицинскими консультациями. Он старался проводить их у нас дома. И медицинские консультации одинокого доктора как-то естественно стали завершаться скромным, но приличным для того времени ужином и длинными разговорами за чаем, настоящим на травах, естественно, без сахара. Травы мы по-прежнему собирали в степи, следуя рекомендации наших знакомых польских дам. А возможность нормально пообедать и даже пригласить гостя пришла в наш дом благодаря папиному огороду и моему специальному пайку, который я теперь получал, работая в школе механизации.

Небольшое заключение

Письма в Иртышское приходили. Даже из осажденного Питера. И отец регулярно обменивался письмами с нашими родственниками (по бабушкиной линии) и знакомыми в Ленинграде, друзьями и родственниками в Куйбышевe и в Алма-Ате. Правда, шли эти военные письма очень долго — до двух месяцев. Все письма были вскрыты, а на конвертах (и открытках) стоял штамп — «проверено военной цензурой». Поэтому писать о тяготах жизни никто не решался. Письмо бы просто не пропустили, и оно бы не дошло. Но однажды центр подобную информацию не углядел. В своем очередном почтовом сообщении, намереваясь сообщить отцу об ужасах ленинградской блокады, его коллега Виталий Иванович Устрицкий, оставшийся в Питере, использовал в сообщении на простой почтовой открытке слова «факты

каннибализма». И открытка пришла в Иртышское. Цензор просто не знал, что означает это слово. Зато папа и мама с этого момента поняли, что творится в нашем родном городе. И еще раз поблагодарили судьбу за то, что она способствовала нашей эвакуации из Ленинграда. Останься мы в городе, на чем перед нашим отъездом настаивали практически все наши знакомые и коллеги родителей, нам бы не удалось выжить. Чем больше мы узнавали о гибели наших знакомых и друзей, оставшихся в Ленинграде, тем больше в этом убеждались.

Мое отрочество. Первая профессия

Мне очень хотелось в первом военном учебном году окончить 8-й класс и сдать соответствующие экзамены. Но к занятиям удалось приступить только в начале декабря.

В конце марта 1942 года моя учеба в 8-м классе Иртышской сельской школы вновь была прервана. Пока я зимой посещал занятия в 8-м классе, всех нас, мобилизованных старшеклассников, обязали обучиться тракторному делу и окончить курсы трактористов. Районная комиссия приняла у нас соответствующий экзамен и выдала квалификационные удостоверения. И теперь меня направляли в один из колхозов района как тракториста.

Но когда я прибыл в колхоз им. Чапаева, работа по новой профессии далась мне далеко не просто. Ведь «живой» трактор я в первый раз увидел, только когда туда приехал. И это несмотря на то, что в кармане у меня лежало удостоверение на право им управлять. Так, к сожалению, выглядела в то военное время скоростная система подготовки механизаторов из числа мобилизованных школьников.

Но мне повезло. У меня оказалась замечательная «прицепщица» — это такой помощник тракториста (он обязан обслуживать прицепные орудия пахоты и других операций). Звали ее Люба, и она была лет на 7–8 старше меня. До войны она работала прицепщицей у своего мужа-тракториста, который теперь был в армии. Она вполне могла и сама работать на тракторе, но у нее не было для этого удостоверения. Однако главным было не это. Она боялась брать на себя ответственность за старую технику, за перерасход горючего и т.п. Но сама в то же время была заинтересована в том, чтобы трактор работал, поскольку получала за это свои «трудодни». Вот эта Люба и помогла мне на первых порах приобрести опыт работы на тракторе. После некоторого замешательства все наладилось, и мы с ней без перебоев работали,

успешно перевыполняя установленную норму. Рабочий день продолжался 14 часов, работали без выходных.

Несмотря на мои подростковые годы, относились ко мне в бригаде по-доброму. Правда, не исключено, что еще и потому, что у меня был такой замечательный прицепщик. К ней в бригаде все относились с большим уважением. Работа шла без перебоев. Так незаметно прошло два месяца. Посевная кампания уже подходила к концу. И тут неожиданно я умудрился заболеть чем-то вроде дизентерии, да так серьезно, что чуть не отправился на тот свет. Сутки провалялся в бригаде, а потом по настоянию Любы меня отвезли в деревню в медпункт. Слава Богу, мой гибели не допустил старик-фельдшер колхозного медпункта, который буквально выходил меня. Причем с четвертого дня, когда я уже начал приходить в себя, стал по своей инициативе меня подкармливать. В его обязанности это никак не входило. Так я провалялся семь дней у него во дворе на деревянной скамейке (в деревенских медпунктах мест для больных не предусматривалось), а затем дошел до правления колхоза и отправился на попутной машине домой, долечиваться. Единственное, что меня радовало тогда, — это то, что уезжал я тогда из колхоза уже опытным механизатором.

Новое назначение

Так я вернулся в село Иртышское, к родителям. Отлежавшись пару дней, я начал принимать участие в обустройстве нашего нового дома. Пока я работал в деревне, в нашей семье произошел ряд существенных событий. Отец работал все это время в селе учителем средней школы. Призыву он не подлежал по возрасту и по зрению. Между тем местные власти, узнав, что он известный специалист в области филологии и что к нему на занятия, проводимые в школе, и на лекции ходят учителя и работники райисполкома, существенно изменили свое отношение к нему.

Сначала его назначили завучем школы, а затем дружно поддержали его инициативу стать шефом местного детдома.

Чтобы оценить масштаб этой затеи, следует иметь в виду, что в этом детдоме находился одновременно и интернат для старшеклассников из «глубинки», из тех деревень, где не было школ второй ступени. Отец по собственной инициативе стал регулярно, вечерами по четвергам, приходить в интернат. Он читал ребятам рассказы классиков, сообщал о событиях войны, о жизни страны, о ее истории. Рисовал на доске

(а он был неплохим художником) величественные здания и памятники Ленинграда, Москвы, Екатеринбурга. Дети бережно охраняли доску с его рисунками до следующего занятия и только тогда стирали старый рисунок. На селе об этих четвергах знали очень многие. А власти стали приглашать отца читать лекции руководителям и чиновникам района, в том числе даже по таким далеким от его специализации темам, как «Международное положение». С этого момента нам в дом стали приносить все газеты, которые поступали в район. И беспартийный отец вошел в состав районного «актива». На фоне такого признания и после года кочевания по съемным квартирам ему было предоставлено отдельное «казенное жилье» с территорией. Именно это жилье мы в то лето и обустраивали.

Но на первом месте у меня в эти июньские дни был вопрос о сдаче экзаменов за восьмой класс. Я же их «пропахал» на тракторе! И помимо хлопот по дому, я засел за учебники и за сборники упражнений. И даже сдал первый экзамен. В школе были каникулы, сдавать экзамен пришлось преподавателю на дому.

Однако не прошло и десяти дней со времени моего возвращения, как из школы сообщили, что меня в канцелярии ждет повестка на новое место работы. «Быстро, однако, власти узнали, что я уже вернулся!» — подумал я тогда. Сходил в школу, расписался в почтовом журнале и получил повестку.

На этот раз меня направляли на работу на машинно-тракторную станцию (МТС) на дальнем восточном краю села. Родители мою очередную мобилизацию восприняли молча. Радости у них это не вызвало, а говорить что-либо иное они избегали. Меня тревожил лишь один вопрос: когда же готовиться и сдавать экзамены за минувший учебный год? Забегая вперед, скажу, что экзамены я все-таки сдал. Другое дело — с каким качеством. К большому сожалению, тогда этот вопрос был не самым актуальным.

Уже на следующий день, одетый во «все рабочее», с повесткой в кармане, я отправился по главной дороге села к новому месту работы. До него было километра два с половиной. Однако судьбе не было угодно, чтобы я туда дошел. Совершенно неожиданно мне повстречался преподаватель, который вел у нас в школе уроки тракторного дела, Николай Иванович Покровский. В нашей семье знали, что сам он был, как и мы, ленинградцем. В селе отбывал ссылку после лагерного срока «на северах» по 58-й статье. Он был инженером по образованию и работал в Школе механизации сельского хозяйства.

Узнав, что меня мобилизовали в МТС, Николай Иванович внимательно прочитал мою повестку, задумался, а потом сказал: «Ты ведь не очень спешишь? Давай зайдем к нам в Школу механизации, поговорить надо». Спеху, действительно, не было, а побывать в Школе механизации было даже интересно. И я согласился. А по дороге рассказал ему о своей работе в колхозе.

Подойдя к конторе школы, Николай Иванович попросил меня подождать. Минут через пять он позвал меня, и мы вошли в кабинет директора. Мне предложили сесть, и начался удивительный для меня разговор. Мне сказали, что меня приглашают (!) на работу в Школу механизации в качестве инструктора-преподавателя (!), и если я не против (!), то обещают решить вопрос с районным руководством об отмене моего направления в МТС. И очень надеются, что я не буду возражать.

Надо сказать, что я был настолько поражен таким предложением и особенно формой, в которой оно было преподнесено, что в первый момент, как говорится, лишился дара речи. О работе почти рядом с домом, да еще с преподавательским уклоном, я не мог даже мечтать. Заметив мое замешательство, мои собеседники восприняли его как сомнение и принялись меня уговаривать. Но я быстро пришел в себя и сказал, что согласен на работу в школе и благодарен за такое предложение. Тут же, не сходя с места, по телефону был решен вопрос о моем переназначении.

Меня оформили на должность тракториста-инструктора Школы механизации. Новоиспеченному инструктору было от роду 15 лет. В моем первом в жизни личном деле появилась запись: «Образование 8 классов. Сдал экзамен по материальной части трактора в Госкомиссии школы механизации в феврале 1942 года. Работал трактористом на весенне-полевых работах в колхозе им. Чапаева Иртышского района Павлодарской области».

Завершая описание этого неожиданного для меня события, следует сказать, что, как выяснилось в дальнейшем, новое место работы оказалось еще и «хлебным». Помимо заработной платы работавшие здесь получали продовольственный паек. В его состав входил, если оценивать по местной ситуации, «дефицит», которому в этих местах не было цены: мука, керосин, плиточный чай, мыло. Для нашей семьи это стало полной неожиданностью, но с этого времени мы наконец перестали недоедать. Стали жить, как жили другие люди в селе в то военное время.

Новоиспеченный инструктор

Уже на следующий день после моего официального оформления инструктором я пришел на свое новое место работы. Школа занимала немалую территорию. По ее периметру стояли одноэтажные здания и сооружения разного времени постройки. Большая мастерская, учебное помещение, контора и несколько капитальных гаражей. В гаражах размещалась техника, здесь же проходили практические занятия.

Кроме директора, бухгалтера и моего «тракторного учителя» Покровского, с которыми я уже был знаком, в школе работало три инструктора. Двое из них были сорокалетними мужчинами, по разным причинам освобожденными от призыва в армию. Они, как тогда говорили, имели «бронь». Третий инструктор был пенсионного возраста, хотя внешне на старика похож не был. Это был могучий сибиряк, и фамилия у него была звучная — Лобода.

По сложившемуся здесь распределению обязанностей мой учитель Николай Иванович, инженер по профессии, проводил занятия в аудитории. Инструкторы вели практические занятия по ремонту и обслуживанию техники и обучали работе на ней.

В этом распределении труда мне достался колесный трактор У-2, очень похожий на тот, что был у меня в колхозе. Он стоял в небольшом гараже и был единственным агрегатом школы, который курсанты могли и должны были разбирать и собирать. Моя обязанность заключалась в организации этого действа.

Кроме инструкторов в Школе механизации работало два слесаря-ремонтника значительного возраста. Но это были уникальные специалисты, на которых был возложен ремонт всего парка машин. Выполняли они его безупречно. Это выглядело как чудо, если учесть, что запчастей в те годы в стране не производили. Их мастерство было известно далеко за пределами школы. К тому же они слыли еще большими юмористами. Сохранив в своей памяти массу историй и шуток сибирского края, они нередко заставляли своих слушателей смеяться до слез. Правда, особой остроты их юмор достигал еще и потому, что в нем была немалая доля ненормативной лексики. Матерились они искусно!

У школы в течение года было три основных периода работы: учебный, полевой и ремонтный. Учеба курсантов (учебный период) проводилась только в зимнее время, с октября по апрель, когда на полях наступало затишье. Полевой период приходился на весну и осень, когда вся школьная техника вместе со специалистами были задействованы

на полях. Когда я появился в школе, здесь был ремонтный период, и до начала учебных занятий было еще далеко. Технику готовили к уборке урожая и к обучению курсантов.

Меня руководство весьма разумно, как я понял в дальнейшем, направило в мастерскую, где как раз шел ремонт двигателя одного из комбайнов. Ремонт вел старик-слесарь, которого звали Корнеич. Еще только войдя в дверь мастерской, я тут же, от порога, получил от него задание: «Снимай головку двигателя и начинай притирку клапанов».

Работа была не тяжелой, но ужасно нудной. Периодически старик подходил ко мне и, взглянув на состояние клапанов, отходил, не сказав ни слова. Было очевидно, что нужного результата пока не случилось. Сам он занимался в это время другими узлами двигателя. Через три дня этой занудной работы, осмотрев в очередной раз мои клапана, Корнеич неожиданно сказал: «Хватит!» и бережно протер их чистой тряпкой. Мы начали сборку двигателя.

Так постепенно приходил опыт, которого раньше у меня не было. После того как двигатель установили на комбайн, наше сотрудничество с Корнеичем продолжилось, чему я был очень рад. Я все время учился у него чему-то новому. И вот что меня особенно поражало. На людях Корнеич слыл острословом, шутником, но в мастерской он работал молча, не произнося ни слова. Даже команды иногда давал жестом. Здесь он был Мастер, и даже просто наблюдать за тем, как он работает, было одно удовольствие!

Прошло чуть больше месяца, и в жизни школы наступила осенняя половина полевого периода. С большим обозом техники мы отправились в степной колхоз «Кызыл Жол». Там мы поработали на уборке и осенней вспашке полтора месяца. Жили на полевом стане в степи. Я попеременно работал то на комбайне, который освоил прямо в поле, то на большом гусеничном тракторе. Как правило, работал один, но «под приглядом» старика Лободы. Иногда мой Лобода уезжал домой на денек, на побывку к семье, оставляя все на меня. Но я его ни разу не подвел.

Заработал я за это время немного пшеницы, два мешка проса. Дома все оказалось очень кстати. Но осенняя работа на полях дала мне не только продукты. Я впервые почувствовал уверенность в себе, работая с техникой. Появились новые знания, новый опыт. Я почувствовал себя совершенно другим человеком.

ИНДИВИД, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-21.hcw8-0d64
EDN: AKSVLQ
УДК 316.37



А. П. ЗАОСТРОВЦЕВ, Я. Д. ШИРЯЕВА

ТРАНСГЕНДЕРНОСТЬ: ПОИСК РЕНТЫ¹

В первой части статьи раскрываются истоки гендеризма как разновидности социального конструктивизма. Показано, что идеология трансгендерности занимает в нем очень важное место. Под лозунгом борьбы с угнетением меньшинства и пропагандой антинаучных взглядов она превращает его в касту избранных, от имени которой императивно вменяет обществу исключительно социально-конструктивистское видение мира. Во второй части статьи трансгендерность описывается в экономических терминах как поиск ренты. Она рассматривается как борьба за привилегии и их реализацию, включающую и их монетизацию. В заключительной, третьей, части статьи исследуются основания гендерной революции. Стремительный рост доли трансгендеров в последнее десятилетие во многом обусловлен поиском ренты, а не изменившейся природой человека. Этот поиск определяет и поведение извлекающего из этого выгоду бизнеса. Однако первичны все-таки идейные основания гендерной революции. Они трактуются в статье как трансформированные революционные идеалы XX в., нацеленные на мобилизацию «новых угнетенных» в лице меньшинств как инструмента разрушения правового общества.

Ключевые слова: гендер, трансгендеры, меньшинства, поиск ренты, привилегии, гендерная революция.

ANDREY P. ZAOSTROVTSEV, YAROSLAVA D. SHIRIAEVA

TRANSGENDERISM: RENT SEEKING

The first part of the article reveals the origins of genderism as a variety of social constructivism. It is shown that the ideology of transgenderism occupies a very important place in it. Under the slogan of the struggle against the oppression of the minority and the propaganda of anti-scientific views, it turns this minority into

¹ Авторы выражают благодарность за ценные замечания и предложения доктору медицинских наук, профессору Александру Петровичу Коцюбинскому и кандидату исторических наук Даниилу Александровичу Коцюбинскому.

a caste of the elect, imputing to society its vision of the world. In the second part of the article, transgenderism is described in economic terms as a rent seeking. It is considered as a struggle for privileges and their implementations, including their monetization. In the final third part of the article, the foundations of the gender revolution are reviewed. The rapid growth of the share of transgender people in the last decade is largely due to the rent seeking, and not the change in human nature. Also rent seeking determines business behavior, extracting rents from this growth. However, ideological grounds are still primary. They are treated in the article as transformed revolutionary ideals of the 20th century, aimed at the mobilization of the “new oppressed” as the instrument of the rule of law destruction.

Keywords: gender, transgender, minorities, rent seeking, privileges, gender revolution.

В настоящее время значительная часть мира (причем не только та, которую мы привычно называем Западом) переживает гендерную революцию. Это, разумеется, не разовая акция, а процесс. Поэтому ее можно назвать «ползучей». Она представляет собой одну из составляющих современной культурной революции, направленной против правовой цивилизации со всеми ее атрибутами (верховенством права, равенством перед законом, суверенитетом личности, правами собственности, свободным рынком). Это — культурно-разрушительная революция. Ее гендерная компонента призвана демонтировать семьи как ячейки социализации, в которых плохо приживаются коллективистские ценности левых идеологов. Она представляет собой начальный этап обобществления семей, до которой так и не дошли революционные режимы XX в. Их последователи принципиально изменили тактику, но не цель. И на этом пути добились известных результатов.

В своем стремлении к свободе человек искал возможности ослабить свою зависимость от природы, отбросить накладываемые ею ограничения. В отдельные периоды оно выражалось в сильном желании ее покорить. Символизировать его могут знаменитые слова советского селекционера И. В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача». В настоящее время в странах Запада и близких к ним произошла удивительная вещь: фактическое обожествление таких компонентов окружающей природы, как вода, воздух, растения и животный мир, зелеными радикалами, ратующими за их неприкасаемость, с одной стороны, а с другой стороны, нарастающее «мичуринское» отношение к собственной половой принадлежности,

рассматривающее ее как навязанные природой оковы, избавление от которых — дело достойное.

Гендерную революцию связывают с формированием так называемого экспрессивного индивидуализма, согласно которому человек есть набор внутренних чувств (Trueman 2023: 3). Как полагают социальные конструктивисты, именно этот произвольно возникающий «набор внутренних чувств», а не врожденная предрасположенность (как это происходит на самом деле), составляет персональную идентичность и может конфликтовать с биологическим полом. В этом случае индивид ощущает себя как бы в чужом теле, навязанном ему не зависящими от него обстоятельствами. И тогда половая принадлежность расщепляется: та, что связана с внутренними ощущениями, становится гендером, отличным от биологического пола.

В то же время пол еще ранее был объявлен социальным конструктом. Началось все с книги известной представительницы французской философской мысли и феминизма Симоны де Бовуар «Второй пол» (Бовуар 1997). Основная ее идея заключалась в следующем: женщина — это не персона с набором XX-хромосом, это культурные нормы и ожидания, которым надо соответствовать. Можно сказать и иначе: женщина — это социально детерминированная ролевая игра. То есть пол, согласно такому взгляду, — это исключительно социальный конструкт, получающий отражение в психике.

Идеология де Бовуар нашла продолжательницу в США в лице Джудит Батлер (Батлер 2022). В данной книге она однозначно заявляла, что гендер — это социально сконструированное действие (performance). Для нее биологические тела полностью иррелевантны индивидуальной гендерной идентичности. Отсюда следовало, что если биологическое начало целиком отделено от гендера, а гендер — это действие, то гендеров может быть столько же, сколько разнообразных действий. В этом заключается основополагающий тезис идеологии небинарности и трансгендеризма¹, где по факту в одну кучу сваливаются пол / гендер и гетеросексуальность / гомосексуальность (то есть совершенно разные вещи: осознание себя — и влечение к другому).

¹ Кроме трансмужчин (биологических женщин) и трансженщин (биологических мужчин) трансгендеризм в широком смысле может включать и «небинаров». Последние суть некие гибриды, которые не связывают свою гендерную идентичность только с мужскими или женским началами, разновидностей которых — великое множество, и которые совокупно определяются сторонниками гендерного конструктивизма как «третий пол».

Представленные выше доктрины воплотились в установки. Достаточно обратиться к разъяснениям Национального центра за равенство трансгендеров (США). «Трансгендер — это широкий термин, который может быть использован для описания людей, чья гендерная идентичность отлична от гендера, который предполагался при рождении». Там же говорится: «Гендерная идентичность — это внутреннее знание вашего гендера, например, знание того, что вы мужчина, женщина или же принадлежите к другому гендеру» (NCTE (a) 2023).

При этом пол (sex) — чисто биологическое понятие, которое врач определяет при рождении по гениталиям, — рассматривается как не имеющий ничего общего с гендером.

Гендерное самовыражение, согласно видению все того же Центра, проявляется в том, как человек презентует себя вовне. Эта презентация может включать поведение, имя, одежду, прическу, голос, телесные характеристики. При этом очень важно заметить, что гендерный переход может быть как связан, так и не связан с осуществлением перехода из одного пола в другой. И по этой причине медицинское вмешательство для смены гендера, согласно гендерному конструктивизму, вовсе необязательно. Заметим, что это вполне отвечает концепции экспрессивного индивидуализма, когда «фулит» не объективная биологическая предрасположенность (в том числе к трансгендерности), а произвольный и спонтанный «поток чувств», которыми человек «субъективно управляет». При таком подходе достаточным оказывается биологическому мужчине просто вообразить (или ощутить себя) себя женщиной, а биологической женщине, соответственно, мужчиной, и общество должно сразу же оценить это как проявление трансгендерности, хотя на самом деле вполне могут иметь место истерические или просто игровые / ролевые феномены.

Теперь стоит взглянуть на проблему с точки зрения науки, не отягощенной модными социологическими доктринами. Как она отвечает на вопрос: что такое трансгендерность? «Трансгендерность представляет собой ненормативный вариант психологического (личностного) расстройства (что с некоторых пор стало официально отвергаться в угоду скорее социально-политическим, а не научно-медицинским соображениям)², нуждающегося в психологической / психотерапевтической

² Здесь подразумевается то, что в Международной классификации болезней (МКБ-11), принятой Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в 2018 г., позиция «трансгендерность» была убрана из раздела «Психические расстройства и расстройства поведения», где она находилась в предшествующей МКБ-10, и передвинута в новый раздел — о сексуальном здоровье (ICD-11 2023).

поддержке на каком-то этапе своего существования (порой весьма длительном), а также эндокринной терапии и хирургической коррекции»¹ (Коцюбинский, Коцюбинский 2023: 20).

Таким образом, трансгендерность оценивается как аномальное состояние человеческой личности. Сама по себе она не опасна для третьих лиц, поэтому гендерный выбор может быть исключительной прерогативой человека. Винсент Ван Гог отрезал себе ухо, но этим актом не причинил никакого вреда окружающим и остался великим художником (хотя и был помещен родственниками в психиатрическую клинику). Однако при этом он не требовал законодательного признания специальных прав одноуших или даже просто особо уважительного отношения к ним. Разумеется, этот пример не означает «буквальной метафоры»: причины, которые побудили Ван Гога отрезать себе ухо, по сей день остаются достаточно туманными, а предполагаемые медицинские трактовки — очень расплывчатыми и различными.

Не так обстоит дело с трансгендерностью. Выше было замечено, что обретение отличного от рождения гендера трактуется как акт самореализации, обретения идентичности. Если цисгендеры (те, у кого биологический пол и его психологическое восприятие совпадают) ничего не предпринимают в этом плане из-за отсутствия необходимости (им как бы и так все дано по велению природы), то трансгендеры выступающими от их имени социальными активистами (зачастую это происходит под антинаучным по сути флагом Gender Studies²) начинают рассматриваться как выдающиеся люди, которые сумели пробиться сквозь преграды и сделать каминг-аут (coming out), отстояв тем самым собственную самость (selfhood). В этой связи целый месяц — июнь — объявляется «месяцем гордости». Предполагается, что и все прочие люди, не относящиеся к трансгендерам, гомосексуалам, «небинарам», «квирам» и прочим сексуально инаким, должны испытывать

¹ Вполне закономерно, что на стадии общественного обсуждения профессор А. П. Коцюбинский выступил против позже принятых законодательных актов о запрете смены пола (Кладов 2023). Поправками в законы были запрещены как юридический, так и медицинский трансгендерный переход (Федеральный закон... 2023).

² «Критическая теория» породила целый веер дискурсивных направлений — критическую расовую теорию, мультикультурализм и постколониальные исследования, Gender studies и феминизм, а также множество других «областей знания», ставящих целью не постижение истины, а помощь «слабым» в их эмансипации по отношению к «сильным». Все это есть не что иное, как идеология, прикидывающаяся наукой» (Коцюбинский 2023).

совокупную с ними радость и гордость. А те, кто не согласен с такой постановкой вопроса, рискуют попасть под пресс негативного общественного мнения как гомофобы³. Понятно, что формально речь идет о дестигматизации сексуально нетрадиционных людей (и сам по себе этот мотив не вызывает сомнений), но в леворадикальном варианте «архаический» гендерно-сексуальный диктат заменяется не менее тоталитарным постмодернистско-трансгендерным диктатом, что уже выглядит неприемлемым.

«Вряд ли способствует лучшей социализации людей с диссоциированными полом и гендером ситуация, когда таких персон „возвышают“ и противопоставляют бинарам (мужчинам и женщинам). Начиная пропагандой убеждать людей в том, что трансгендерность — не просто одна из проблемных личностных особенностей, к тому же нуждающаяся в психологической, а порой и хирургической коррекции, — но чуть ли не предмет гордости и основание для получения социальных преференций» (Там же: 20–21). Вот о преференциях и пойдет речь в дальнейшем.

Что такое поиск ренты и где ее ищут трансгендеры?

Превращение в трансгендеров для значительной части совершающих переход может описываться такой экономической концепцией, как поиск ренты (rent-seeking). Теорию поиска ренты изобрели экономисты, которые заметили, что конкуренцию можно вести не только привычными методами за счет улучшений и инноваций, но и борясь за предоставляемые обществом (государством) привилегии. Тогда фирмы инвестируют как в лоббирование появления привилегированного статуса, так и в его получение, ежели таковой уже существует.

Рональд Толлисон дал краткое и одновременно весьма емкое определение поиска ренты. «Поиск ренты — это расход редких ресурсов ради захвата искусственно созданного трансферта» (Tollison 1982: 578).

³ Сразу вспоминается скандал с игроком клуба НХЛ «Филадельфия Флайерс» Иваном Проворовым, который не захотел участвовать в так называемом вечере гордости и кататься на разминке в свитере и с обмоткой клюшки цветов радужного флага ЛГБТ+ (Gaydos 2023). Обратим внимание, что людей, не разделяющих их демонстративную гордость нетрадиционной сексуальной ориентацией, активисты ЛГБТ+-сообщества именуют гомофобами (ненавистниками людей). Отсюда имплицитно следует, что, согласно такой точке зрения, люди — это только сторонники ЛГБТ+-сообщества; все остальные из категории людей исключаются. Таким образом конструируется «гендерный расизм».

Другой экономист, Гордон Таллок, отмечал, что «индивид, который инвестирует в нечто, что в действительности не улучшит производительность или же в действительности ее ухудшит, но таким образом повысит свой доход, поскольку это даст ему особое положение или монопольную власть, осуществляет поиск ренты» (Tullock 1980: 17).

Первое определение описывает поведение фирмы или человека, которые стремятся заполучить некие выгоды, созданные искусственно. Под последними понимаются, как правило, выгоды, создаваемые государством. Это могут быть как прямые, так и косвенные субсидии, а также особые статусы (привилегии), позволяющие извлекать дополнительную прибыль (ренту) за счет усиления рыночной власти. Однако эту ренту надо еще заполучить (найти), что достигается за счет вложения в этот поиск редких ресурсов. Это могут быть ресурсы, затраченные на убеждение государства (лоббирование) с целью обеспечить те или иные привилегии. Например, типичный случай, когда лоббируются импортные тарифы или квоты, защищающие отечественную отрасль от конкуренции иностранных товаров. Если же обратиться к индивидам (о них речь идет во втором определении), то это может быть борьба за различные социальные трансферты и льготы.

Следует заметить, что поиск ренты распадается как бы на две составляющие. Во-первых, надо добиться, чтобы государство создало привилегии (особые статусы) для той или иной категории акторов. Во-вторых, когда таковые уже существуют, нужно приложить усилия, чтобы попасть в число наделенных ими.

Предположим, что встал вопрос о наделении особыми правами людей с рыжими волосами. Тогда рыжим надо объединиться в какую-то ассоциацию, чтобы найти ресурсы для убеждения политиков в необходимости этой меры. Например, прибегнуть к услугам лоббистов, вести кампанию в СМИ, нанимать ученых и лидеров общественного мнения и т.п. Далее, когда привилегии утверждены государством, нужно попасть в число привилегированных. Скажем, тем гражданам, волосы которых от природы не имеют рыжий цвет, требуется затратить ресурсы в виде краски для волос и времени на окрашивание.

С точки зрения общественной пользы все эти затраты ресурсов рыжими и теми, кто ими становится, являются чистой потерей для общества. Как минимум (согласно определению Таллока) они не повысят производительность этих людей. А редкие ресурсы (имеющие альтернативную ценность) будут израсходованы ради получения негативных последствий для экономики. Например, в форме создания

монополии рыжих на том или ином рынке труда, где они начнут получать монопольно высокие зарплаты (ренту), никак не улучшая свои качества как работников. Все прочие же (их потенциальные конкуренты) не получают доступ к рабочим местам из-за искусственно созданного входного барьера.

С условных рыжих перейдем на реальных трансгендеров, а точнее, «гендерных активистов», требующих привилегий для ЛГБТ+ и, в частности, для трансгендерных персон, что является перехлестом имевшей ранее дискриминации — искусственными привилегиями для выбранной когорты людей. Идентичность трансгендеров как группы, нуждающейся в привилегиях, требует общественного и законодательного признания. «Гендерная идеология доводит до экстремальности тенденцию расценивать внешние отношения и власти как существующие для обслуживания их индивидуального счастья» (Trueman 2023: 3). Идеологи привилегий для трансгендеров внедряют в общество мораль, согласно которой оно им «должно» как нуждающемуся в защите и поощрении меньшинству. И, кроме всего прочего, как группе, требующей компенсации за прошлые обиды.

В отдельных случаях это «должно» приобретает гротескные формы прямых трансфертов. Естественно, что впереди планеты всей шагает самый «прогрессистский» штат США — Калифорния. В конце 2022 г. власти города Сан-Франциско запустили специальную программу — Гарантированный доход для трансгендерных людей. Она соединяет идеологию гарантированного базового дохода с поддержкой трансгендеров. Программа предусматривает выплаты по 1200 долларов в месяц в течение 18 месяцев для трансгендеров, чей доход ниже черты бедности. Одновременно реципиентам будет предоставляться связанное с их трансгендерностью бесплатное медицинское обслуживание, а также ряд других услуг, вплоть до советников по управлению финансами. Для участия в программе надо просто заявить о себе как о трансгендере, «небинарной персоне», интерсексуале или даже просто как о человеке, испытывающем гендерный дискомфорт (!). При этом в извещающей об этой программе публикации газеты «Лос-Анджелес таймс» приводится ссылка на исследование, согласно которому 33% трансгендеров в Калифорнии живут в бедности при среднем уровне бедности в штате 12% (Martinez 2022).

Последние цифры, впрочем, заставляют задуматься: не лежит ли причина этого в самих трансгендерах (вспомним о приведенном выше определении трансгендерности как личностного расстройства,

нуждающегося в медицинской помощи и коррекции, а не в социальных предпочтениях, лишь усугубляющих их личностную проблематику), а не в обществе, которое их якобы продолжает притеснять? Да, патриархальное общество (там, где оно сохраняется) действительно таких людей притесняет, но это не аргумент, чтобы, в противовес этому, устраивать для этих лиц повсеместную вип-зону.

Обратимся к гендерным квотам. Они получили широкое распространение во всем мире и затрагивают рынок труда, политическое представительство, доступ к образованию и т.д. Государство осуществляет принуждение к формальному равенству. Не выполняющим требования организациям и фирмам грозят различного рода административные кары. Не вдаваясь глубоко в эту проблему, заметим, что первоначальный замысел этих квот был основан на представлении о гетеросексуальном мире и традиционной роли женщины в семье. Из-за тяжелого бремени домашних обязанностей (включая уход за детьми) женщины (биологические) объявлялись дискриминируемым классом. Однако, как мы видели, сегодня, чтобы стать женщиной, мужчине, по существу, иногда достаточно просто публично заявить об этом. И на основании данного заявления получить доступ к традиционным женским льготам. Поэтому затраты на поиск «женской ренты» с мужской стороны ничтожны. А выигрыш — значительный.

В то же время очевидно, что высокая прибыльность от таких манипуляций будет привлекать все больше и больше искателей ренты, что обострит их конкуренцию за льготы как с биологическими женщинами, так и между собой. Логично ожидать давления на государство и администрации с целью не столько увеличения объемов существующих, сколько изобретения новых категорий льгот.

Политика расширения практики квотирования характерна для левых. Особо на этом поприще сегодня отличается правительство президента Бразилии Лулы да Силвы (Luiz Inácio Lula da Silva). Бразильский министр труда и занятости Луиз Марино (Luiz Marinho) предложил, наряду с повышением существующих квот найма черного и смешанного населения до 45%, инвалидов до 6%, ввести и новые квоты: 2% для трансгендеров и 2% для коренного населения (Gortázar 2023). Тут следует не пройти мимо того факта, что само по себе квотирование создает условия для поиска ренты не только со стороны претендентов на льготы, но и со стороны претендующих на места в бюрократическом аппарате. Соблюдение квот кто-то должен

контролировать. Чем больше разнообразие квот — тем больше требуется контролеров.

Касается гендерное квотирование и поступления в университеты. В норвежских СМИ появилось сообщение, что студент в Норвегии прошел через юридическую смену пола, чтобы поступить в Норвежский университет естественных и технических наук (NTNU) по квоте для женщин. По словам студента, «сменить пол» оказалось «почти так же легко», как и изменить тарифный план телефона. Вся процедура заняла у него около семи недель. Входной барьер оказался очень низким. И не исключено, что не он один воспользовался программой гендерного равенства и «сменил пол», чтобы поступить в вуз.

В NTNU действует «План развития по гендерному равенству и разнообразию». Эта стратегия предлагает бороться с гендерным дисбалансом во многих дисциплинах и недостаточной репрезентацией женщин на высших академических должностях. Для этого по некоторым дисциплинам девушкам-абитуриенткам начисляют дополнительные «гендерные баллы». Университет гордится тем, что в результате программы гендерного равенства доля женщин в университете выросла с 30 до 41,9% (Норвежский студент... 2023). Осталось, правда, уточнить, что такое, с точки зрения NTNU, женщина и о каких женщинах идет речь.

В ходе борьбы за женские привилегии со стороны трансженщин встает проблема пенсионных прав. В Великобритании еще в 2004 г. был принят Акт признания гендера (Gender Recognition Act). Согласно закону, трансгендеры должны получить специальный сертификат. Его получение требует свидетельства о медицинской интервенции в той или иной форме. При этом обладатель сертификата приобретает пенсионные права женщин. Здесь инвестиции в поиск ренты заметно выше, чем в случаях с калифорнийским социальным трансфертом или норвежским студентом. Зато и выгоды заметно выше. Пенсионный возраст женщин в Великобритании 60 лет, мужчин — 65 лет. Средняя государственная пенсия составляет 691 фунт в месяц (Пенсии... 2023). Следовательно, размер ренты для трансженщины составляет в среднем $691 \times 60 = 41\,460$ фунтов.

В странах, где имеет место военная служба по призыву и нет гендерно-нейтральной армии, рента для трансженщин также достаточно велика. Правда, в разных странах этот вопрос решается по-разному. В России пошли по самому простому пути: в условиях вооруженного конфликта с Украиной и проведения мобилизационных мероприятий юридически отменили самих трансгендеров, о чем свидетельствует

упоминавшийся выше ФЗ № 386. Там же, где трансженщины не подлежат призыву, их ренту можно приблизительно вычислить умножением среднемесячной зарплаты в стране на число месяцев службы¹.

В США гендерные переходы и связанная с ними гендерная терапия подлежат страховому покрытию в обязательном порядке. Если мы обратимся к материалам вышеназванного Центра, защищающего равные права трансгендеров, то там говорится следующее: «Федеральный закон и законы штатов запрещают большинству общественных и частных планов (имеются в виду программы медицинского страхования. — *А. З.*) дискриминировать вас, поскольку вы трансгендер. За некоторыми исключениями это означает, что незаконно для вашего плана медицинского страхования отказывать вам в относящихся к переходу медицинских услугах» (NTCE (b) 2023). Эти расходы покрывают две крупнейшие в США программы общественного страхования — Медикэз (Medicare) и Медикэйд (Medicaid). Первая предназначена для лиц 65+, вторая — для нуждающихся. Также услуги, связанные с медобеспечением трансперехода и трансперсон, навязываются в качестве обязательных и программам частного страхования.

Известно, что все страховые программы (как общественные, так и частные) финансируются по принципу «одного котла». Все их участники (неважно, частные лица или наниматели) платят страховые взносы в общий пул, из которого при наступлении страхового случая оплачиваются перечисленные в страховом договоре медицинские услуги нуждающимся в них. Страхование работает тем лучше, чем меньше клиент может манипулировать наступлением страхового случая. Так, землетрясение абсолютно не подвержено манипуляциям. В случае же пожаров, например, манипуляции не исключены: открываются возможности искусственного создания страхового случая ради получения выгоды от покрытия ущерба за счет прочих участников программы страхования от огня. В экономической теории такие ситуации описываются как моральный риск (moral hazard)².

¹ Например, в Израиле срок обязательной военной службы для мужчин на 6 месяцев превышает аналогичный срок для женщин. В армию призываются и трансгендеры. Армия обороны Израиля позволяет служить трансженщинам в женских подразделениях. Очевидно, что трансженщины здесь выигрывают (получают ренту), в отличие от трансмужчин. Однако последние также не остаются без выигрыша: они выгадывают за счет того, что оборонный бюджет финансирует мужской транспереход (гормональную терапию и гендерно-утверждающую хирургию) (Sexual Orientation... 2023).

² Моральный риск возникает, например, при предоставлении пособий на детей матерям-одиначкам. Фиктивный развод с супругом ради получения выплат — типичное поведение, подпадающее под данное определение.

Если принять определение трансгендерности, содержащееся в новой Международной квалификации болезней (ICD-11), где, как отмечалось, она перешла из разряда психических расстройств в разряд вариации сексуально здорового поведения, то в этом случае открывается самый широкий простор для возникновения морального риска, притом ничем не меньший (а скорее, куда больший), чем при страховании по безработице, где порой трудно отличить вынужденную потерю работы от добровольного увольнения. Если трангендерность — вариант нормы, то становятся ненужными медицинские процедуры, направленные на выявление ее подлинности. И тогда получается, что не тестируемая разновидность здорового поведения становится страховым медицинским случаем и открывает доступ к выплатам из фондов медицинского страхования (!). Звучит абсурдно. Добровольные БДСМ-сообщества тоже признаются разновидностью нормы, но никто пока еще не поставил вопрос о необходимости покрытия затрат на их хобби услугами медицинского страхования.

Отказ от традиционной классификации людей по биологическому полу порождает весьма своеобразные виды поиска ренты, поскольку трансгендерам все чаще позволяется выбирать себе место в соответствии с заявленной гендерной идентификацией там, где традиционно предполагалось раздельное пребывание мужчин и женщин в соответствии с их половой принадлежностью. Дело доходит до абсурда, когда обвиняемые в изнасиловании женщин мужчины срочно начинают трансгендерный переход и претендуют на заключение в женской тюрьме³.

Представители трансгендерного сообщества закономерно растут количественно. Такое же явление роста рентоискателей в экономике наблюдается с появлением льгот всякого рода. Число претендентов на них множится. Вместе с этим увеличивается их лоббистский потенциал. И, как уже отмечалось, в результате им удается создать условия для получения трансгендерных рент в новых сферах человеческой

³ В Шотландии состоялся суд над Айслой Брайсон, которая(ый) ранее, будучи Адамом Грэхэмом, изнасиловал двух женщин в 2016 и 2019 гг. В ожидании суда он поменял пол и претендовал на отбывание восьмилетнего срока в женской тюрьме. Первоначально он был туда помещен, но разразившийся скандал не позволил ему там остаться. В результате, он будет отбывать срок с мужчинами в тюрьме Саутон (Saughton), где содержатся самые опасные преступники. Куда больше повезло убийце Питеру Ланге, ставшему Пэрис Ланге. В женской тюрьме он занимался сексом с сокамерницами и в наказание был переведен в Саутон, но тоже в женское отделение (Mailonline 2023).

деятельности, причем таких, где появление трансгендеров ранее трудно было предугадать.

Одной из таких сфер является спорт. Участие трансженщин в профессиональных соревнованиях в женском разряде приносит им преимущества, которые расцениваются как несправедливые. Достигшие половой зрелости мужчины обладают 15-кратным превосходством по содержанию тестостерона в крови. Одно это (не говоря о конституционных особенностях строения тела) обеспечивает им 10–12-процентное преимущество в беге и 20-процентное преимущество в прыжках. При трансгендерном переходе содержание тестостерона снижается, но не столь значительно, чтобы заметно сократить это преимущество (особенно если гормональная терапия проводится в зрелом возрасте). При этом остаются естественные биологические преимущества в структуре костей, мышц, размере сердца и емкости легких (Weisman 2022: 18).

Очевидно, что участие трансженщин в женских соревнованиях — это типичное рентоискательство. Занимавшие далекие от первых мест в мужских соревнованиях становятся призерами в женских¹. В профессиональном спорте это денежная рента. Женщины же при этом утрачивают наработанный годами человеческий капитал в виде натренированного тела. Резко снижаются шансы на его монетизацию. Да и у зрителей пропадает интерес к женским соревнованиям, поскольку победитель в этом случае заранее известен. В США на данный момент эта проблема решается так: спортивные федерации, не получающие государственную поддержку, вправе действовать на свое усмотрение. Однако получающие (такие как NCAA) должны принимать во внимание государственные директивы.

Основания гендерной революции

Что породило гендерную революцию как часть современной культурно-разрушительной революции на Западе? А сегодня далеко и не только на Западе. Политика трансгендерных и иных ЛГБТ+-преференций почти повсеместно признана в Латинской Америке и даже на

¹ В США символом проникновения трансженщин в женский спорт стал пловец Лия Томас. В мужских национальных состязаниях по линии Национальной ассоциации спортсменов колледжей (NCAA) он ранжировался 65-м на дистанции 500 ярдов фристайлом. В аналогичных женских соревнованиях он занял 1-е место (Weisman 2022: 18).

юге Африки (ЮАР). Эта тенденция характерна и для такой огромной страны, как Индия (Spartacus 2023).

Если посмотреть на количество персон ЛГБТ+ (к ним относятся все, кроме гетеросексуалов) в мире в целом, то оно, что неудивительно, растет и уже может представлять значительную электоральную силу. Это подтверждает и недавнее обследование ЛГБТ+-сообщества в США Институтом Гэллага.

К сообществу ЛГБТ+ принадлежало 7,2% населения США в 2022 г. С 2012 г. эта цифра более чем удвоилась (тогда оно составляло 3,5%). Однако нас интересуют не все это сообщество, а лишь трансгендеры. Их же численность совсем невелика. В населении США они составляют 0,6% и не являются самой распространенной категорией в ЛГБТ+-сообществе. В 2022 г. они уступали по этому показателю бисексуалам (4,2%), геям (1,4%) и лесбиянкам (1,0%). Что же касается перспектив, то для трансгендеров их можно оценивать двояко. В поколении Z (1997–2004 гг. р.) доля ЛГБТ+ составляет примерно 19,2%, что почти в 3 раза выше их доли в населении США в целом. К трансгендерам в этом поколении относят себя 1,9% от его численности. Это более чем в 3 раза выше их доли в населении США во всех поколениях. И тем не менее разрыв с лидирующими бисексуалами (13,1%) остается очень большим, хотя несколько сокращается в относительном выражении с геями (3,4%) и особенно лесбиянками (2,2%). В более старшем поколении миллениалов (1981–1996 гг. р.) трансгендеры составляют 1%, а в поколении X (1965–1995 гг. р.) — 0,3% (Jones 2023)².

Можно, конечно, объяснять успехи трансгендеров в продвижении выгодной им политической повестки дня солидарным голосованием всего ЛГБТ+-сообщества. Вероятно, имеет место логроллинг (обмен голосами): ты голосуешь за мои предложения, а я — за твои. И вместе мы выигрываем. Однако это статика на сегодняшний день. Нужно же объяснить динамику. Доля ЛГБТ+ в самом старшем поколении, называемом «тихим» (1945 г. р. и старше), всего лишь 1,7% от населения страны, а доля трансгендеров просто ничтожна (менее 0,05%). Аналогичные цифры для поколения бэби-бумеров (1946–1964 гг. р.) — 2,7 и 0,2% соответственно (Ibid.).

² Этот межпоколенческий рост доли трансгендеров за очень короткое историческое время есть лучшее доказательство того, что он обусловлен не несовместимостью внутреннего восприятия самого себя с биологическим полом (природа человека так быстро не меняется), а социальными обстоятельствами. В частности, поиском ренты. «Мухи летят на мед».

Вполне логично предположить, что лоббирование трансгендерного движения идет не только со стороны спроса, но и со стороны предложения.

Посмотрим на цифры, описывающие финансовую сторону различных форм хирургического вмешательства, связанных с трансгендерными переходами. Всего в США за период с 2016 по 2020 г. было осуществлено 48 019 «гендерно-утвердительных» хирургических интервенций разных типов, из них 3678 приходилось на пациентов в возрасте 12–18 лет¹ (O'Neil (b) 2023).

Интересный доклад представила исследовательская и консалтинговая компания «Акумен» (Acumen). Она специализируется на анализе и прогнозах различных рынков. Один из докладов касался глобального рынка гендерно-утвердительных хирургических операций. Авторы его предполагают, что он вырастет с 519,8 млн долларов в 2022 г. до 3 171,3 млн долларов в 2032 г. Ежегодный темп роста составит 20%. Хорошие перспективы для рынка открывает тот факт, что только в США в 2021 г. насчитали 42 000 детей и подростков с гендерной дисфорией². И еще немаловажная цифра, подтверждающая рентоискательство как один из мотивов гендерной трансформации. В 2022 г. на переделку мужчин в женщин пришлось 312 млн долларов, или 60% общей стоимости трансгендерных операций (Acumen... 2023). Как было показано выше, переход в этом направлении приносит большие выгоды, чем в обратном.

Пресловутая «биг фарма» получает никак не меньшие доходы от лекарственного сопровождения гендерных переходов. Оно требуется и до, и особенно после хирургического вмешательства. Чаще всего это пожизненное лекарственное сопровождение. Заинтересованные компании спонсируют гражданские организации, которые отстаивают права на трансгендерство. При этом дети-трансгендеры преподносятся как герои и служат прекрасной рекламной моделью (Financial... 2022).

¹ Все в той же «прогрессивистской» Калифорнии принимаются и готовятся к принятию законодательные акты, позволяющие фактически принудительно изымать из семей детей в случае, если «садисты»-родители препятствуют публично выраженному желанию детей сменить гендер. Изолированные от родителей дети подвергаются трансгендерным манипуляциям (O'Neil (a) 2023). Практика очень напоминает практику «компрачикос» из романа Виктора Гюго «Человек, который смеется».

² Не случайно бегущие впереди планеты всей калифорнийские законодатели так «сочувствуют» детям. Они — будущее рынка гендерно-утвердительных операций.

В то же время материальные интересы не первичны. Не интересы порождают идеи, а наоборот. Поэтому поиск истоков культурной революции на современном Западе правомерно ведется в области идей, а не бизнес-интересов. Суть «прогрессивности» состоит в том, чтобы превратить исторически маргинализированные группы в священные. Эта «новая религия» составляет содержание идеологии, которую стоило бы назвать «культурным социализмом». В России ее стали называть «новой этикой»³, и в книге Д. А. Коцюбинского она представлена как новый тоталитаризм. В ней автор объясняет его происхождение культом безопасности и связывает его распространение с Интернетом (Коцюбинский 2022).

В США недавно вышли две интересные монографии, анализирующие происхождение этого явления. Первая из них написана Ричардом Ханания — политологом из Техасского университета. Он также является создателем собственного Центра изучения партийности и идеологии (Center for the Study of Partisanship and Ideology). На английском книга называется «The Origin of Woke» (Hanania 2023). На русский это заглавие лучше всего перевести как «Происхождение прогрессизма»⁴.

Р. Ханания определяет прогрессизм как идеологию, опирающуюся на три принципа: неодинаковость равносильна дискриминации, для достижения равенства необходимо ограничить свободу слова, а для исполнения этих указов требуется постоянная бюрократия. Автор считает, что рост прогрессизма связан не с навязыванием неомарксизма и постмодернизма активистами, а с непреднамеренным побочным эффектом двухпартийного законодательства о гражданских правах. Этим эффектом явилась позитивная дискриминация, основанная на суждении «различия равносильны дискриминации», и которая обозначила идею «равных результатов вместо равного отношения». Понятно, что все это имеет отношение далеко не только к трансгендеризму, а охватывает всю систему новой этики. Тем не менее он прекрасно в эту систему вписывается, постоянно заявляя о своих представителях как дискриминируемом меньшинстве и требуя для него компенсаций от общества.

Другой работой является книга известного писателя и консервативного активиста, научного сотрудника Манхэттенского института

³ В английском языке она обозначается словом *woke*. По смыслу его можно передавать на русский и как прогрессизм.

⁴ Речь идет, разумеется, не о традиционном для США, а о новейшем прогрессизме.

исследования политики Кристофера Руфо «Американская культурная революция» (Rufo 2023). Согласно его точке зрения, революционные, зачастую марксистские радикалы перенесли свой утопизм с рабочего класса на расовые (а затем — сексуальные) меньшинства. Книга подчеркивает роль ключевых исторических фигур и организаций, чьи корни уходят в 1960-е: Герберт Маркузе и «Синоптики», Анджела Дэвис и «Черные пантеры», Паулу Фрейре и его ученик Генри Жиру¹. К. Руфо прослеживает прямую связь между этими революционерами и их более современными последователями — Антифа и Black lives matter (BLM).

К. Руфо утверждает, что эти интеллектуалы-утописты стремились завоевать общество «снизу» при помощи захвата таких институтов социализации, как школы и университеты. С этого плацдарма они перешли на другие смыслообразующие центры. Этот переход немецкий марксист Руди Дучке называл «длительным маршем сквозь институты». Р. Дучке опирался на идеи Франкфуртской школы и Антонио Грамши, которые утверждали, что необходимо провести культурную трансформацию, чтобы отучить людей от гегемонистской идеологии капиталистического строя. Лишь тогда они смогут обрести политическое сознание, необходимое для свержения системы и установления социализма².

В этом плане прав был Фридрих фон Хайек, когда писал, что «социализм нигде и никогда не был изначально рабочим движением» (Хайек 2012: 229). И продолжал: «Это построения теоретиков, выросшие из некоторых тенденций развития абстрактных размышлений, с которыми были знакомы только интеллектуалы» (Там же). Речь здесь идет о «старых» социалистах и рабочем движении, но

¹ П. Фрейре — бразильский педагог-маоист — хотел «деколонизировать умы» при помощи социалистической пропаганды, отказываясь признавать гуманитарную и экономическую катастрофы культурной революции в Китае. Эмигрировав в США, сумел повлиять на молодого университетского интеллектуала Г. Жиру, который со временем стал одним из столпов современной американской педагогической мысли. Результаты, как говорится, налицо.

² Объявление угнетенными представителей меньшинств «позволяет всем ресентиментно заряженным людям в обществе (а таких всегда большинство), которым хочется взять реванш у „сильных и успешных“ (а таких всегда меньшинство), поработать „изнутри“ — т.е. посредством жесткого контроля за социальным поведением — всех. Но в первую очередь — именно сильных и успешных, поскольку именно они в условиях свободы имеют возможность максимально полно пользоваться своими законными правами» (Коцюбинский, Коцюбинский 2023: 21).

от этого суть не меняется. Идеи, сформулированные теоретиками и распространяемые интеллектуалами, захватывают негативно настроенные массовые слои, и тогда они движут историей. И будь они с точки зрения биологии и медицинской науки мифом (например, таким, как социально-конструктивистские Gender studies), от этого их роль в общественной жизни не становится ничтожной. Скорее, наоборот. Здесь вполне уместно выражение, приписываемое римскому христианскому богослову Квинту Тертуллиану: Credo quia absurdum («Верую, ибо абсурдно»).

Источники

Батлер Дж. Гендерное беспокойство. Феминизм и подрыв идентичности. — М.: V-A-C Press, 2022. — 272 с.

Бовуар С. де. Второй пол: в 2 т. — М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. — 832 с.

Кладов Д. Психиатр Коцюбинский просит президента РФ В. В. Путина не подписывать закон о запрете смены полов // Город 812 [сайт]. — 2023. — 17 июля. — URL: <https://gorod-812.ru/ne-podpisyvat-zakon/> (дата обращения: 25.09.2023).

Коцюбинский А. П. Где в разговорах о «поле и гендере» кончается наука и начинается квазинаучный «активизм» // Росбалт [сайт]. — 2023. — 7 марта. — URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2023/03/07/1984961.html> (дата обращения: 25.09.2023).

Коцюбинский А. П., Коцюбинский Д. А. Где в разговорах о «поле и гендере» кончается наука и начинается квазинаучный активизм // Независимый психиатрический журнал. — 2023. — № 2. — С. 13–21.

Коцюбинский Д. А. «Новый тоталитаризм» XXI века. Уйдет ли мода на безопасность и запреты, вернется ли мода на свободу и право? — СПб.: Страта, 2022. — 440 с.

Норвежский студент «сменил пол», чтобы поступить в вуз по женской квоте [Электронный ресурс]. — URL: <https://svtv.org/news/2023-08-09/norviezhskii-student/> (дата обращения: 25.09.2023).

Пенсии в Великобритании в 2023 году. — 2023. — 16 авг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://visasam.ru/emigration/pension/pensiya-v-anglii.html#> (дата обращения: 25.09.2023).

Федеральный закон от 24.07.2023 г. № 386-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49598> (дата обращения: 25.09.2023).

Хайек Ф. Капитализм и истории. — Челябинск: Социум, 2012. — 397 с.

Financial interests make transgender movement successful // Christian network Europe. — 2022. — Oct. 3. — URL: <https://cne.news/article/1788-financial-interests-make-transgender-movement-successful> (access date: 25.09.2023).

Gaydos R. Flyer's Ivan Provotorov labeled "homophobic" as he faces backlash for boycotting team's Pride Festivity // Fox News. — 2023. — Jan. 18. — URL: <https://www.foxnews.com/sports/flyers-ivan-provovor-labeled-homophobic-faces-backlash-boycotting-teams-pride-fetivities> (access date: 25.09.2023).

Gortázar M. G. Brazilian Minister Proposes Government Hiring Quotas for Transgender and Indigenous People // El País International. — 2023. — June 30. — URL: <https://english.elpais.com/international/2023-06-30/brazilian-minister-proposes-government-hiring-quotas-for-transgender-and-indigenous-people.html> (access date: 25.09.2023).

Hanania R. The Origin of Woke: Civil Rights Law, Corporate America, and the Triumph of the Identity Politics. — Broadside e-books, 2023. — 280 p.

ICD-11. International Classification of Diseases 11th Revision. The Global Standard for Diagnostic Health Information. — URL: <https://icd.who.int/en/> (access date: 25.09.2023).

Jones J. M. U.S. LGBT Identification Steady at 7.2%. — URL: <https://news.gallup.com/poll/470708/lgbt-identification-steady.aspx> (access date: 25.09.2023).

MailOnline. — 2023. — URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11804209/Notorious-Scottish-mens-prison-transgender-rapist-Isla-Bryson-sentence.html> (access date: 25.09.2023).

Martinez C. San Francisco Launches Guaranteed Income Program for Transgender Residents // Los Angeles Times. — 2022. — Nov. 18. — URL: <https://www.latimes.com/california/story/2022-11-18/san-francisco-launches-guaranteed-income-program-for-transgender-residents> (access date: 25.09.2023).

NCTE (b). (National Center for Transgender Equality). Know Your Rights in Health Care. — URL: <https://transequality.org/know-your-rights/health-care> (access date: 25.09.2023).

NCTE (a). (National Center for Transgender Equality). Understanding the Transgender People: the Basics. — URL: <https://transequality.org/issues/resources/understanding-transgender-people-the-basics> (access date: 25.09.2023).

O'Neil T. (a). BEWARE: California Bills Headed to Newsom's Desk Will Launch a Transgender Inquisition Targeting Parents // Daily Signal. — 2023. — Sept. 10. — URL: <https://www.dailysignal.com/2023/09/10/californias-coming-inquisition-targeting-anti-trans-parents> (access date: 25.09.2023).

O'Neil T. (b). THOUSANDS of Minors Went Under the Knife to 'Affirm' a Transgender Identity, Study Shows // Daily Signal. — 2023. — Sept. 1. — URL: <https://www.dailysignal.com/2023/09/01/exposed-more-3500-minors-underwent-transgender-surgeries-5-years-study-says/> (access date: 25.09.2023).

Rufo C. E. America's Cultural Revolution: How the Radical Left Conquered Everything. — New York: Broadside Books, 2023. — 352 p.

Sexual orientation and gender identity in the Israeli military. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sexual_orientation_and_gender_identity_in_the_Israeli_military#cite_note-21 (access date: 25.09.2023).

Spartacus Gay Travel Index. — 2023. — URL: <https://spartacus.gayguide.travel/blog/spartacus-gay-travel-index/> (access date: 25.09.2023).

Tollison R. Rent-Seeking: A Survey // *Kyklos*. — 1982. — Vol. 35, no. 4. — P. 575–602.

Trueman C. R. Gender Ideology and the Future of Human Person // *First Principles*. — 2023, March. — No. 89. — P. 1–14.

Tullock G. Rent Seeking as a Negative-Sum Game // J. M. Buchanan, R. D. Tollison, G. Tullock (eds.). *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*. — College Station: Texas A & M University Press, 1980. — P. 16–36.

Weisman D. L. Transgender Athletes, Fair Competition and Public Policy // *Regulation*. — 2022. — Vol. 45, no. 3. — P. 18–21.

References

Beauvoir S. de. *Vtoroi pol* [The Second Sex]. 2 vols. Moscow, Progress; St.-Petersburg, Aleteiya, 1997, 832 p. (In Russ.)

Butler J. *Gendernoe bespokojstvo. Feminizm i podryv lichnosti* [Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity]. Moscow, V-A-C Press, 2022, 272 p. (In Russ.)

Federalnyi zakon ot 24.07.2023 g. № 386-ФЗ “O vnesenii izmenenii v otdel’nye zakonodatel’nye akte Rossiiskoi Federatsii” [Federal Law of 24.07.2023 No. 386-ФЗ “On Making Changes to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49598> (access date: 25.09.2023). (In Russ.)

“Financial interests make transgender movement successful”. *Christian network Europe*, 03.10.2022. URL: <https://cne.news/article/1788-financial-interests-make-transgender-movement-successful> (access date: 25.09.2023).

Gaydos R. Flyer’s Ivan Provotorov labeled “homophobic” as he faces backlash for boycotting team’s Pride Festivity. *Fox News*, 18.01.2023. URL: <https://www.foxnews.com/sports/flyers-ivan-provorov-labeled-homophobic-faces-backlash-boycotting-teams-pride-festivities> (access date: 25.09.2023).

Gortázar M. G. Brazilian Minister Proposes Government Hiring Quotas for Transgender and Indigenous People // *El País International*, 30.06.2023. URL: <https://english.elpais.com/international/2023-06-30/brazilian-minister-proposes-government-hiring-quotas-for-transgender-and-indigenous-people.html> (access date: 25.09.2023).

Hanania R. *The Origin of Woke: Civil Rights Law, Corporate America, and the Triumph of the Identity Politics*. Broadside e-books, 2023, 280 p.

Hayek F. *Kapitalizm i istoriki (Capitalism and Historians)*. Chelyabinsk, Sotsium, 2012, 397 p. (In Russ.)

ICD-11. *International Classification of Diseases 11th Revision. The Global Standard for Diagnostic Health Information*. URL: <https://icd.who.int/en/> (access date: 25.09.2023).

Jones J. M. *U.S. LGBT Identification Steady at 7.2%*. URL: <https://news.gallup.com/poll/470708/lgbt-identification-steady.aspx> (access date: 25.09.2023).

Kladov D. Psikhiatr Kotsyubinskii prosit prezidenta RF V.V.Putina ne podpisivat' zakon o zaprete smeny polov [The psychiatrist Kotsyubinsky asks the president of the Russian Federation V. V. Putin do not sign the law on the ban on the change of floors]. *Gorod 812*, 15.07.2023. URL: <https://gorod-812.ru/ne-podpisivat-zakon/> (access date: 25.09.2023). (In Russ.)

Kotsyubinskii A. P. Gde v Razgovorakh o "Pole i Gendere" Konchaetsya Nauka i Nachinaetsya Kvazinauchnyi "Aktivizm" [Where in conversations about the "sex and gender" science ends and quasi-scientific activism begins]. *Rosbalt*, 07.03.2023. URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2023/03/07/1984961.html> (access date: 25.09.2023).

Kotsyubinskii A. P., Kotsyubinski D. A. Gde v razgovorakh o "pole i gendere" konchaetsya nauka i nachinaetsya kvazinauchnyi aktivizm [Where in conversations about the "sex and gender" science ends and quasi-scientific activism begins]. *Nezavisimiy psikhiatricheskii jurnal*, 2023, no. 2, pp. 13–21. (In Russ.)

Kotsyubinsky D. A. "Novyi totalitarizm" XXI veka. Uidet li moda na bezopasnost' i zaprety, vernetsya li moda na svobodu i pravo? ["New totalitarianism" of the XXI Century. Will the Fashion for Security and Prohibitions Go Away, Will the Fashion for Freedom and Law Return?]. St.-Petersburg: Strata, 2022. 440 p. (In Russ.)

MailOnline, 2023. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11804209/Notorious-Scottish-mens-prison-transgender-rapist-Isla-Bryson-serve-sentence.html> (access date: 25.09.2023).

Martinez C. San Francisco Launches Guaranteed Income Program for Transgender Residents. *Los Angeles Times*, 18.11.2022. URL: <https://www.latimes.com/california/story/2022-11-18/san-francisco-launches-guaranteed-income-program-for-transgender-residents> (access date: 25.09.2023).

NCTE (b). (National Center for Transgender Equality). *Know Your Rights in Health Care*. URL: <https://transequality.org/know-your-rights/health-care> (access date: 25.09.2023).

NCTE (a). (National Center for Transgender Equality). *Understanding the Transgender People: the Basics*. URL: <https://transequality.org/issues/resources/understanding-transgender-people-the-basics> (access date: 25.09.2023).

Norvezhskii student "smenil pol", chtoby postupit' v vuz po zhenskoi kvote [The Norwegian student "changed the sex" to enter the university in a female quota]. URL: <https://svtv.org/news/2023-08-09/norvezhskii-student/> (access date: 25.09.2023). (In Russ.)

O'Neil T. (a) BEWARE: California Bills Headed to Newsom's Desk Will Launch a Transgender Inquisition Targeting Parents. *Daily Signal*, 10.09.2023. URL: <https://www.dailysignal.com/2023/09/10/californias-coming-inquisition-targeting-anti-trans-parents> (access date: 25.09.2023).

O'Neil T. (b) THOUSANDS of Minors Went Under the Knife to 'Affirm' a Transgender Identity, Study Shows. *Daily Signal*, 01.09.2023. URL: <https://www.dailysignal.com/2023/09/01/exposed-more-3500-minors-underwent-transgender-surgeries-5-years-study-says/> (access date: 25.09.2023).

Pensii v Velokobritanii v 2023 godu [Pensions in Great Britain in 2023]. 16.08.2023. URL: <https://visasam.ru/emigration/pension/pensiya-v-anglii.html#> (access date: 25.09.2023). (In Russ.)

Rufo C. E. *America's Cultural Revolution: How the Radical Left Conquered Everything*. New York, Broadside Books, 2023, 352 p.

Sexual orientation and gender identity in the Israeli military. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sexual_orientation_and_gender_identity_in_the_Israeli_military#cite_note-21 (access date: 25.09.2023).

Spartacus Gay Travel Index, 2023. URL: <https://spartacus.gayguide.travel/blog/spartacus-gay-travel-index/> (access date: 25.09.2023).

Tollison R. Rent-Seeking: A Survey. *Kyklos*, 1982, vol. 35, no. 4, pp. 575–602.

Trueman C. R. Gender Ideology and the Future of Human Person. *First Principles*, March 2023, no. 89, pp. 1–14.

Tullock G. Rent Seeking as a Negative-Sum Game. *J. M. Buchanan, R. D. Tollison and G. Tullock (eds.). Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*. College Station, Texas A & M University Press, 1980, pp. 16–36.

Weisman D. L. Transgender Athletes, Fair Competition and Public Policy. *Regulation*, 2022, vol. 45, no. 3, pp. 8–21.

Заостровцев Андрей Павлович, кандидат экономических наук, профессор департамента государственного администрирования Национального исследовательского университета — «Высшая школа экономики» и старший научный сотрудник МЦСЭИ «Леонтьевский Центр», Санкт-Петербург, Россия.
zao-and@yandex.ru

Ширяева Ярослава Дмитриевна, кандидат экономических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия.
y-sh@yandex.ru

Zaostrovtssev Andrey P., PhD, professor, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation.
zao-and@yandex.ru

Shiriaeva Yaroslava D., PhD, Independent Researcher, St. Petersburg, Russian Federation.
y-sh@yandex.ru



А. В. Корниенко

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Название статьи непосредственно отражает ее целевую установку: представить действующий и размещенный в интернете Национальный корпус русского языка (НКРЯ, Корпус) как информационную базу для исследований социогуманитарного профиля. В настоящее время Корпус имеет объем свыше двух миллиардов словоупотреблений и являет собой информационно-справочную систему, основанную на собрании русскоязычных текстов, созданных с начала XVIII в. по 2010 г., репрезентирующих русский язык в указанных временных границах. НКРЯ отражает все многообразие жанров, стилей, социальных и территориальных вариантов нашего языка, охватывая художественную и научную литературу, эссеистику, публицистику, публичные выступления и пр. Наиболее полно и разнообразно в Корпусе представлены тексты второй половины XX — начала XXI в. В статье выделены два основных направления современных научных изысканий, использующих НКРЯ и как источник эмпирической информации, и одновременно как инструмент исследования. Первое имеет отчетливую лингвистическую ориентацию и связано с обращением к Корпусу при обучении русскому и иностранным языкам, в анализе диалектов и социолектов, при погружении в область теории и практики языкового перевода. Корпус также дает возможность отслеживать на протяжении определенного периода времени изменения языковой нормы и другие языковые параметры. Второе направление образуют исследования четко социального профиля, сопряженные с диагностикой общественного сознания и его трансформациями. С помощью НКРЯ, его огромных, в тысячах и десятках тысяч единиц анализа, массивов данных, снабженных необходимой статистикой, надежно верифицируются выводы, полученные в социологических опросах, дискурсных изысканиях, ассоциативных экспериментах, выполненных на достаточно ограниченных выборках. Неоспоримую ценность имеют и автономные обращения к Корпусу, дающие важнейшую информацию об отношении носителей русской лингвокультуры к различным социальным институтам, процессам, явлениям и субъектам. В статье приводятся примеры подобных исследований, сопряженных

с целым рядом ключевых политических концептов, таких как чиновники, правоохранительные органы, коррупция, политики, элита и соотечественники.

Ключевые слова: Национальный корпус русского языка (НКРЯ), направления корпусных исследований, лингвистическая тематика, социальная проблематика, носители русской лингвокультуры, политические концепты.

ALLA V. KORNIENKO

THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS A SOURCE BASE FOR SOCIAL AND HUMANITARIAN RESEARCH

The title of the article directly reflects its purpose: to present the National Corpus of the Russian Language (NCRL, Corpus) as an information base for research in the socio-humanitarian profile. Currently, the Corpus has a volume of over two billion words usages and is an information and reference system based on a collection of Russian-language texts created from the beginning of the 18th century to 2010, representing the Russian language within the specified time limits. The NCRL reflects the whole variety of genres, styles, social and territorial variants of our language, covering fiction and scientific literature, essays, journalism, public speaking, etc. The texts of the second half of the 20th — early 21st centuries are presented in the Corpus most fully and diversely. The article highlights two main areas of modern scientific research using NCRS both as a source of empirical information and at the same time as a research tool. The first has a distinct linguistic orientation and is associated with turning to the Corpus when teaching Russian and foreign languages, in the analysis of dialects and sociolects, when immersed in the field of theory and practice of language translation. The corpus also makes it possible to track changes in the language norm and other language parameters over a certain period of time. The second direction is formed by studies of a clearly social profile, associated with the diagnosis of social consciousness and its transformations. With the help of the NCRS, its huge, in the thousands and tens of thousands of units of analysis, data arrays, equipped with the necessary statistics, the conclusions obtained in sociological surveys, discourse studies, associative experiments performed on fairly limited samples are reliably verified. Autonomous appeals to the Corpus are also of indisputable value, providing the most important information about the attitude of the bearers of Russian linguistic culture to various social institutions, processes, phenomena and subjects. The article provides examples of such studies associated with a number of key political concepts, such as officials, law enforcement agencies, corruption, politicians, the elite and compatriots.

Keywords: National Corpus of the Russian Language (NCRL), areas of corpus research, linguistic themes, social issues, carriers of Russian linguistic culture, political concepts.

Цель настоящей статьи — представить национальный корпус русского языка (НКРЯ, Корпус) как ценный источник социально значимой информации, актуальной для социально ориентированных исследований. Размещенный в интернете по адресу www.ruscorpora.ru, он функционирует с 2004 г., постоянно наращивая свой объем. На текущий момент Корпус насчитывает более двух миллиардов слов, являя собой собрание текстов на русском языке, созданных в продолжении более чем трех столетий, с 1701 по 2010 г. НКРЯ — не электронная библиотека, предназначенная для чтения текстовых источников, а информационно-справочная система, призванная быть инструментом в руках исследователя, в связи с чем помещенные в Корпус тексты оснащены специальной разметкой и инструментами поиска.

Согласно выработанным канонам, нынешний НКРЯ — это электронная информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на русском языке, репрезентирующая наш язык в указанных выше временных рамках и во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов (Что такое национальный корпус русского языка? 2023). Наиболее полно и разнообразно в ней представлен современный период — тексты второй половины XX — начала XXI в. в разных социолингвистических вариантах: литературном, разговорном, просторечном и отчасти диалектном. Помимо художественной литературы в Корпус включены мемуары, эссеистика, публицистика, научная и научно-популярная литература, публичные выступления, дневники, документы, сценарии кинофильмов и пр. жанры и типы (Там же).

Принятая в Корпусе разметка (или аннотация) содержит особые дополнительные сведения о свойствах входящих в него текстов и их компонентов. Разметка — главная характеристика Корпуса, отличающая его от простых коллекций и библиотек текстов, размещенных в современном интернете. Различаются два типа разметки: экстралингвистическая (внешняя) и лингвистическая (внутренняя). Последняя заключается в приписывании хранимым в Корпусе текстам или их фрагментам специальных морфологических, синтаксических, акцентных или семантических меток. Внешняя разметка может включать информацию об авторе (его имя, пол, возраст, годы жизни и многое другое) и сведения о самом тексте (название, год и место издания, жанр, тематика) (Захаров 2005).

По своему составу НКРЯ подразделяется на целый ряд независимых подкорпусов, каждый из которых нацелен на решение определенных

задач и служит ценным материалом для количественных и качественных исследований. Специфика решаемых задач определяет состав каждого подкорпуса и используемую в нем разметку. Наиболее общий по своим задачам — Основной корпус (374 млн слов), охватывающий прозаические письменные тексты самых разных жанров, относящиеся, повторим, к периоду 1701–2010 гг. и ориентированные на языковой стандарт, т.е. литературный язык конкретной эпохи. Репрезентативность Основного корпуса с точки зрения письменного русского языка обеспечивается двумя главными текстовыми массивами этого корпуса: Массивом ранних текстов (середина XVIII — середина XX в.) и Массивом современных письменных текстов (середина XX в. — начало XXI в.) (Основной корпус 2023). Самый объемный в НКРЯ — Газетный корпус (790 млн слов) — хранилище текстов центральных СМИ начиная с 1980-х гг. до 2021 г. В Корпусе устной речи (13 млн) сосредоточены расшифровки магнитофонных записей публичной и бытовой повседневной устной речи, а также транскрипты кинофильмов и театральных спектаклей. Корпус, именуемый «Социальные сети» (157 млн), вмещает в себе записи в блогах и сообщения в мессенджерах, собранные из открытых источников: VK, Telegram, Livejournal, Liveinternet, Blogspot. Всего в настоящее время наряду с Основным корпусом работает 15 подкорпусов (и это не предел), среди которых функционирует сориентированный на преподавание русского языка и литературы в средней школе Обучающий корпус (664 тыс.) и так называемый Параллельный корпус (173 млн), предлагающий сопоставительный перевод текста на другой язык, что облегчает освоение русского или иностранного языка. Часть корпусов обслуживает сугубо лингвистическую тематику: исследования синтаксиса, акцентологию, язык Древней Руси; другая их часть имеет более широкое применение (Состав и структура Корпуса 2023). Все сопроводительные материалы, касающиеся описания НКРЯ в целом и его отдельных составляющих, а также алгоритмы поиска нужной исследователю информации легкодоступны и размещены по адресу www.ruscorgpora.ru.

Старт разработкам НКРЯ был дан еще в конце 1970-х гг. академиком А. П. Ершовым, инициатором создания в нашей стране Машинного фонда национального языка. Особенно активно они продолжились на исходе века, и уже в 2004 г. Корпус был открыт для пользования, что дало в распоряжение исследователей новый мощный инструмент анализа языка и дискурса. В первую очередь этим новым инструментом стали пользоваться, конечно, лингвисты, которые получили в руки

средство, позволившее решать задачи, сопряженные с обследованием огромных текстовых массивов. Ранее подобные задачи считались нерешаемыми из-за их трудоемкости. Корпус многократно повысил скорость и надежность лингвистических исследований. Он подарил, как утверждает академик Плунгян, возможность отслеживать «микро-эволюцию» языка на протяжении одного-двух столетий, фиксировать изменения языковой нормы, частотности различных языковых единиц, семантических сдвигов в значениях слов, регистрировать появление и угасание отдельных языковых явлений (Плунгян 2008: 14). Кроме перечисленного Корпус оказался надежным помощником в обучении русскому и иностранным языкам, анализе диалектов и социолектов, равно как и в исследованиях по теории и практике языкового перевода. В настоящее время, к примеру, упомянутый выше Параллельный корпус предлагает своим пользователям переводы как иноязычных текстов на русский, так и русских текстов на 25 европейских и азиатских языков (Параллельный корпус 2023).

Попутно заметим, что появление во многих странах национальных Корпусов серьезно изменило науку о языке и привело к отчетливой смене ее теоретических приоритетов. Был пересмотрен, казалось бы, незыблемый постулат докорпусной лингвистики, гласящий, что она должна в первую очередь заниматься системой языка (языковой компетенцией), а не дискурсивной практикой (речевым узусом). Однако язык, как известно, ненаблюдаем и являет собой некую теоретическую абстракцию. В определенном смысле, как констатирует один из создателей НКРЯ В. А. Плунгян, лингвистика занимает особое место среди других наук, каждая из которых имеет свой собственный объект, который она может предъявить, в то время как традиционный объект науки о языке нематериален и недоступен. Корпус же переориентировал лингвистику на материальный доступный и предъявляемый объект — тексты (Плунгян 2009). Произошедший в современной лингвистике радикальный переход от системы к узусу и от языка к речи подтолкнул исследователей для подтверждения своих гипотез обращаться к представительным собраниям текстов, репрезентирующих тот или иной язык в определенный временной период. А это и есть не что иное, как национальные Корпуса. Огромные потоки данных, заключенные в них, заставили исследователей пересмотреть их прежние взгляды на язык и то, как он существует и изменяется. Так первоначально сугубо прикладная область составления электронных корпусов сделала современную лингвистику корпусной (Иргизова 2019).

Применение НКРЯ в социально ориентированных исследованиях

С течением времени область применения Корпуса значительно расширилась, к нему начали обращаться аналитики социальной проблематики. Результаты социологических опросов, ассоциативных экспериментов, дискурсных исследований, направленных на диагностику общественного сознания или позиций отдельных социальных групп, стали все чаще соотноситься с данными, предоставляемыми Корпусом или его подкорпусами, релевантными решаемым задачам. Ведь, обращаясь к НКРЯ, исследователь получает обширный унифицированный структурированный массив информации, организованной в соответствии с заданной аналитиком разметкой в нужную ему форму и снабженный искомой статистикой. Ценными здесь оказываются как случаи совпадения результатов предпринятых в социальных изысканиях эмпирических процедур с данными Корпуса, так и выявляемые расхождения. Последние способствуют выработке более объемного видения изучаемой проблемы и стимулируют поиски дополнительных объяснительных схем. Вместе с тем неоспоримую пользу имеют и автономные обращения к Корпусу с хранимой в нем в языковой форме важнейшей социальной информацией, нацеленные на анализ различных социальных явлений, процессов, институтов. Ведь одно дело, когда аналитик работает с выборкой, ограниченной несколькими сотнями или даже одной-двумя тысячами респондентов либо текстов, но другое дело, когда в его распоряжении массивы данных, увеличенные на порядки, и инструмент, помогающий многократно ускорять работу, одновременно повышая ее надежность. К тому же Корпус открыл возможность ставить новые исследовательские задачи, которые в докорпусные времена казались невыполнимыми в силу их трудоемкости.

Приведем примеры вышеупомянутых изысканий.

Общеизвестно, что отношение к чиновникам у нас нелицеприятное, об этом говорят многие социальные изыскания, проведенные на разных группах населения. Данные Корпуса, к примеру его Газетного подкорпуса, наиболее объемного и охватывающего статьи СМИ вплоть до 2021 г., хранящего свыше 204 тысяч примеров употребления слова «чиновник(и)», только укрепляют расхожее мнение. Вполне типичными выглядят в материалах подкорпуса высказывания вроде «хотя мой муж и перевел деньги на общеизвестный счет, мне хотелось знать, что моя

помощь попала по назначению, а не была растащена чиновниками», или «сейчас интересы совокупности чиновников, бандитов, магнатов абсолютно противоречат интересам общества в целом, интересам России как таковой». На языке лингвистики сказанное означает, что переносное значение концепта «чиновник», указывающее на «должностное лицо, выполняющее свою работу формально, без живого участия в деле, бездушного формалиста, бюрократа» (Большой толковый словарь русского языка 1998: 1480), встраивается в его непосредственно прямое главное значение как государственного служащего.

Другой пример — комплексное исследование образа российских правоохранительных органов, выполненное на базе медиатекстов 1990–2004 гг., также установило доминирование негативного восприятия носителями русской лингвокультуры работников названных органов и их деятельности (Чудинов, Сегал, Мищенко 2023), что говорит о парадоксальности сложившейся в указанный временной период ситуации. Обращение к Корпусу в наши дни удостоверяет наличие в языковом портрете правоохранителей, бытовавшем в последующие годы, всех выявленных ранее характеристик. А именно: личных качеств, таких как жестокость, жадность, непрофессионализм, безответственность, злоупотребление властью. Сохраняется бывшая самая частотная связка «правоохранительные органы — источник коррупции», равно как и преимущественно негативно окрашенное отношение к последним. Следовательно, упомянутая расхожая связка есть не просто временная оксюморонная семантическая аномалия, а освоенный многими носителями языка длящийся факт осмысления ими реальности.

Сам же концепт коррупция с течением времени расширяется и срастается все с большим количеством других концептов. Так, по данным Корпуса, его самой внушительной газетной составляющей, к настоящему времени в общественном сознании упрочено убеждение о связи коррупции с государством, чиновничеством (бюрократией), органами правопорядка, бизнесом, полицией, ГАИ и многими другими обобщенными социальными субъектами (Сурикова 2012). Наезды и крышевание, распил и откат вошли в число часто упоминаемых разновидностей коррупции, которая «стала градуироваться по уровням: раньше, по определению, она была принадлежностью высших эшелонов власти и государственных служащих, а теперь появилась низовая коррупция, бытовая коррупция — поборы и вымогательство со стороны врачей, учителей, коммунальщиков и др. специалистов, с кем мы сталкиваемся ежедневно» (Там же). Но все же носителями русской лингвокультуры

коррупция мыслится как явление, спаянное прежде всего с чиновничеством. И это обстоятельство добавляет новые смысловые оттенки в периферийную (переносную) зону значения концепта «чиновник», встраивающуюся, как уже было сказано, в его ядерную семантику и усиливающую его негативный ореол.

Обратный предыдущему феномен обнаруживается с помощью НКРЯ применительно к концепту «политик». Взгляды на коррупцию ширятся за счет причисления к ней с течением времени все новых и новых фигурантов (оборотней в погонах, субъектов в пиджаках, Басманного суда) и новых форм поведения (пилинг и откатинг). Взгляды на людей, профессионально занимающихся политикой, наоборот, расщепились и получили зафиксированную в Корпусе двоякую маркировку. С одной стороны, по-прежнему в ходу сузившаяся номинация «политик», которой все больше присущи отрицательные оценочные коннотации. С другой стороны, набирает обороты выражение «государственный деятель» с приписанным ему общественным сознанием устойчивым положительным звучанием. Как не вспомнить здесь высказывание У. Черчилля, цитируемое автором исследования проблематики взаимоотношений власти и общества в их языковой репрезентации Т. И. Суриковой: «Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель на следующее поколение» (Сурикова 2012). Не секрет, что и сами видные политические персоны порой отрешиваются от номинации «политик», называя себя то гражданами России, то управленцами высшего звена. Выявленное благодаря Корпусу явление, сводящееся к сужению области референции концепта «политик», именуется в лингвистике номинальным расщеплением концепта. В итоге такого расщепления занимающийся политикой человек, думающий о благе своей страны и живущего в ней народа и сумевший достичь заметных успехов на государственном поприще, приобретает новое устойчивое языковое обозначение «государственный деятель».

Другой пример подтверждаемого Корпусом расщепления — расщепления оценочного, приводящего к энантиосемии — внутрисловной оценочной антонимии, способности слова эксплицировать противоположные оценочные значения, — демонстрирует лексема «элита». Ядерный компонент ее значения «лучший, избранный, отборный» (Большой толковый словарь русского языка 1998: 1521) сохраняется во множестве ее словосочетаний (рабочая, культурная, научная элита), а также в выражениях с производными от нее прилагательными

«элитный» и «элитарный» (элитная пшеница, элитарное образование). Но позитивная оценка все чаще переходит в свою противоположность, когда речь идет о современных властных имущих. Подобные обозначения привилегированного слоя общества нередко граничат с иронией, которая, по определению, есть тонкая насмешка, лишь прикрытая внешне положительной оценкой (Культура русской речи 2003: 227). Одновременно концепту «элита» массово приписывается новый элемент значения — «супербогатый» (Сурикова 2012).

Применение НКРЯ в исследованиях юридической ориентации

Отдельное направление социально ориентированных исследований, реализованных на базе Корпуса, имеет непосредственную привязку к юридической проблематике. Оно заключается в сличении двух информационных рядов. Один из них — принятые в основополагающих юридических документах (законах, распоряжениях, постановлениях) толкования некоторых ключевых юридических понятий, которые определяют векторы внутренней и внешней российской политики. Другой ряд — массовые представления об этих понятиях, зафиксированные в материалах Корпуса. Выявляемые таким путем принципиальные расхождения демонстрирует исследование С. Т. Золяна, сфокусированное на юридическом термине «соотечественники» и бытовании релевантного ему концепта в языковых репрезентациях Корпуса (Золян 2021).

Анализ юридических дефиниций вскрывает семантическую гетерогенность рассматриваемого понятия и сохраняющуюся в нем и поныне неопределенность, обусловленную очень широким набором детерминирующих его признаков. Среди них гражданство РФ; проживание в одном государстве; общность языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев. Указанные признаки действительны и по отношению к потомкам по прямой нисходящей линии тех лиц, которые отвечают установленным законом критериям. Еще более туманна дефиниция производного от понятия «соотечественники» понятия «соотечественники за рубежом», гласящая, что в последнее включаются в том числе лица, «сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории РФ» (Там же). Таким образом, признание соотечественником исходит не от государства или общества, а является актом самоидентификации субъекта. В этом

смысле действующий в наши дни процитированный Закон вторит введенной в силу еще в 1995 г. Декларации «О поддержке российской диаспоры и покровительстве российским соотечественникам» — первой попытке новой России, объявившей себя преемницей СССР, идентифицировать соотечественников. Декларация даровала каждому выходцу из Союза ССР и России или его прямым потомкам, не являющимся гражданами РФ, исключительное право на волеизъявление о принадлежности к российским соотечественникам. Введенное же позже в ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» предписание подтверждать сделанный выбор своей общественной либо профессиональной деятельностью осталось чистой декларацией. Оно и по сей день не имеет никакой дальнейшей юридической проработки.

Однако, несмотря на многозначность термина «соотечественники» и нечеткость остающегося в силе Закона, утверждающего, по сути, что бывших соотечественников у России не бывает, в рассматриваемом юридическом документе фигурирует один существенный признак, не вызывающий у законодателей никаких сомнений. И это гражданство. Вместе с тем проведенный профессором Золяном на материалах НКРЯ семантический анализ концепта «соотечественники» обнаружил среди прочего важные расхождения его юридически закрепленных трактовок с общеязыковыми толкованиями — расхождения, как раз и затрагивающие массовые представления о гражданстве. На данных Основного и Газетного корпуса, охватывающих совокупно свыше трех тысяч употреблений слов «соотечественник» и «соотечественники», было выяснено, что не все имеющие российское гражданство субъекты мыслятся носителями русской лингвокультуры соотечественниками. К ним не причисляются проживающие в России нерусские ее граждане, те, кого презрительно именуют «хачами» или «чурками».

Демонстрируемая Корпусом семантическая разнородность лежащих в основе идентификации соотечественников различительных признаков, а именно гражданства, этничности и культуры, оборачивается наблюдаемой в наши дни амбивалентностью семантики концепта «соотечественники». С одной стороны, сохраняется сформированное уже к XIX в. высокое гражданское его значение, заимствованное из послужившего когда-то образцом галлицизма *compatriote*. С другой стороны, укоренено и первичное исконно русское значение, тяготеющее к этничности, которое в словоупотреблениях XIX в. дополнилось новым смысловым акцентом «русские за рубежом». Оба эти значения — сограждане

и соплеменники — составляют два основных прототипических ядра семантики концепта «соотечественники». Третьим же прототипическим ядром следует считать комплекс признаков, объединенных понятием «культурное наследие», включающим общность языка, обычаев, традиций и истории. Таким образом, как констатирует С. Т. Золян, семантика анализируемого концепта представляет собой «разнородное поле перемещающихся, а иногда и конфликтующих, доходящих до энантиосемии смыслов» (Золян 2021: 168). Подобное референциальное расщепление концепта чревато возможными социально-политическими коллизиями. Пример их и являет собой фиксируемое Корпусом игнорирование гражданско-правового статуса нерусских российских граждан и отказ видеть в них соотечественников, о чем говорилось ранее. Заметим, что в действующем юридическом определении термина «соотечественники» принадлежность к русскому этносу вообще не упоминается, что соответствует международной юридической практике, однако акцент делается на особом типе культуры.

Второй болевой момент сопряжен с положением Закона о распространении статуса соотечественников на лиц, состоявших в гражданстве СССР, проживающих в государствах, входивших в состав СССР, и имеющих гражданство этих стран, а также потомков названных лиц (Федеральный закон от 23.07.2010 г. № 179-ФЗ). Однако данные Корпуса свидетельствуют о том, что считают соотечественниками граждан бывшего СССР, вне зависимости от национальности, люди старшего поколения. Молодежь мыслит уже иначе: для нее соотечественники — это русские на территории ближнего и дальнего зарубежья (Бараш 2011: 17).

Заключение

Приведенных примеров обращения к НКРЯ, думается, вполне достаточно для доказательства уместности и действенности его использования в социально ориентированных исследованиях. В них аналитик концентрируется не на чисто лингвистической тематике влияния социальных факторов на речевую деятельность, публичный дискурс и, в конечном счете, язык, а на проблематике социальной, затрагивающей состояние общественного сознания и / или сознания отдельных социальных групп в определенный временной период и то, какие языковые изменения это состояние вызывает. Иными словами, исследователь сосредоточен не на языке, обслуживающем

коммуникативные потребности пользующихся им людей, в том числе не на пересемантизации отдельных важных политических концептов с ее референциальным расщеплением, развитием новых значений, сменой оценочных коннотаций, энантиосемией. Исследователь нацелен в первую очередь на диагностику сознания носителей русской лингвокультуры, обуславливающего те или иные языковые трансформации. Подобная смена поисковых установок, по сути, обеспечивает переход из социолингвистики — одной из языковедческих дисциплин — в лингво-социологию (или социологию языка) — выделяемое рядом аналитиков языка и дискурса самостоятельное направление научных изысканий (Крысин 1969; Швейцер, Никольский 1978), несомненно включенное в социологическое поле.

Источники

Бараиш Р. Э. Концепция «соотечественников» — смысл и значение в контексте растущего этнического национализма в России // Мониторинг общественного мнения. — 2011. — № 6 (106). — С. 15–24.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998. — 1536 с.

Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учебно-методическое пособие. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. — 48 с.

Золян С. Т. Соотечественники — семантический портрет по данным Национального корпуса русского языка // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 166–180.

Иргизова К. В. Корпусная лингвистика в отечественном и зарубежном языкознании на современном этапе [Электронный ресурс]. — 2019. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnaya-lingvistika-v-otechestvennom-i-zarubezhnom-yazykoznanii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 11.07.2023).

Крысин Л. П. Проблема социальной дифференциации языка в современной лингвистике // Вопросы социальной лингвистики / Под ред. А. В. Десницкой, В. М. Жирмунского. — Л.: Наука, 1969. — С. 73–91.

Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 840 с.

Основной корпус НКРЯ [Электронный ресурс]. — 2023. — URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/main> (дата обращения: 19.07.2023).

Параллельный корпус НКРЯ [Электронный ресурс]. — 2023. — URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/para-eng> (дата обращения: 21.07.2023).

Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. — 2008. — № 2 (16). — С. 7–20.

Плунгян В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов [Электронный ресурс]. — 2009. — URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/10/23/corpus.html> (дата обращения: 14.07.2023).

Состав и структура НКРЯ [Электронный ресурс]. — 2023. — URL: <https://ruscorpora.ru/page/corpora-structure/> (дата обращения: 19.07.2023).

Сурикова Т. И. Власть и общество: что с нами происходит [Электронный ресурс] // Г. Я. Солганик. Язык СМИ и политика. — М.: Изд-во МГУ; Ф-т журналистики МГУ, 2012. — URL: <https://lib.sale/jurnalistika-knigi/vlast-obschestvo-chto-nami-71590.html> (дата обращения: 11.07.2023).

Что такое национальный корпус русского языка? [Электронный ресурс]. — 2023. — URL: <https://ruscorpora.ru/media/uploads/2022/04/21/instruction-main.pdf> (дата обращения: 18.07.2023).

Чудинов А. П., Сегал Н. А., Мищенко А. Н. Правоохранительные органы в зеркале постсоветского медиапространства // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2 (98). — С. 104–108.

Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику: Учебное пособие. — М.: Высшая школа, 1978. — 216 с.

References

Barash R. E. Kontseptsiya “sootchestvennikov” — smysl i znachenije v kontekste rastushchego etnicheskogo natsionalizma v Rossii. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 2011, no. 6 (106), pp. 15–24. (In Russ.)

Boľshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Coll. & ed. by S. A. Kuznetsov. St.-Petersburg, Norint, 1998, 1536 p. (In Russ.)

Zakharov V. P. *Korpusnaya lingvistika: Uchebno-metodicheskoye posobiye*. St.-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, 2005, 48 p. (In Russ.)

Zolyan S. T. Sootchestvenniki — semanticheskij portret po dannym Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka. *Politicheskaya lingvistika*, 2021, no. 2 (86), pp. 166–180. (In Russ.)

Irgizova K. V. *Korpusnaya lingvistika v otechestvennom i zarubezhnom yazykoznanii na sovremennom etape*. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnaya-lingvistika-v-otechestvennom-i-zarubezhnom-yazykoznanii-na-sovremennom-etape> (access date: 11.07.2023). (In Russ.)

Krysin L. P. *Problema sotsial'noy differentsiatsii yazyka v sovremennoy lingvistike Voprosy sotsial'noy lingvistiki*. Ed. by A. V. Desnitskaya, V. M. Zhirmunskiy. Leningrad, Nauka, 1969, pp. 73–91. (In Russ.)

Kul'tura russkoy rechi: Entsiklopedicheskij slovar'-spravochnik. Ed. by L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, Ye. N. Shiryayeva i dr. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, 840 p. (In Russ.) *Osnovnoy korpus NKRYA*. 2023. URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/main> (access date: 19.07.2023). (In Russ.)

Parallel'nyy korpus NKRYA. 2023. URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/para-eng> (access date: 21.07.2023). (In Russ.)

Plungyan V. A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008, no. 2 (16), pp. 7–20. (In Russ.)

Plungyan V. A. *Pochemu sovremennaya lingvistika dolzhna byt' lingvistikoy korpusov*. 2009. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/10/23/corpus.html> (access date: 14.07.2023). (In Russ.)

Sostav i struktura NKRYA. 2023. URL: <https://ruscorpora.ru/page/corpora-structure/> (access date: 19.07.2023). (In Russ.)

Surikova T. I. *Vlast' i obshchestvo: chto s nami proiskhodit*. G. Ya. Solganik. Yazyk SMI i politika. Moscow, Izdatel'stvo MGU; Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2012. URL: <https://lib.sale/jurnalistika-knigi/vlast-obschestvo-chto-nami-71590.html> (access date: 11.07.2023). (In Russ.)

Chto takoye natsional'nyy korpus russkogo yazyka? 2023. URL: <https://ruscorpora.ru/media/uploads/2022/04/21/instruction-main.pdf> (access date: 18.07.2023). (In Russ.)

Chudinov A. P., Segal N. A., Mishchenko A. N. Pravookhranitel'nyye organy v zerkale postsovetskogo mediaprostranstva. *Politicheskaya lingvistika*. 2023, no. 2 (98), pp. 104–108. (In Russ.)

Shveytser A. D., Nikol'skiy L. B. *Vvedeniye v sotsiolingvistiku. Uchebnoye posobiye*. Moscow, Vysshaya shkola, 1978, 216 p. (In Russ.)

Корниенко Алла Владимировна, научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия.
av.kornienko@mail.ru

Kornienko Alla V., Senior Research.
The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences (SI RAS — FCTAS RAS),
Saint Petersburg, Russia.
av.kornienko@mail.ru



Г. В. Каныгин

ПРОБЛЕМЫ СЕТЕВОГО ПОДХОДА В СОЦИОЛОГИИ

Сетевой подход в социологии рассматривается как идея сетевой организации знания применительно к социологическим исследованиям. В литературе можно встретить многочисленные версии сетевого подхода, типичными из которых могут считаться: анализ социальных сетей, реляционная социология и акторно-сетевая теория. В то же время существуют попытки объяснить специфику сетевого подхода в терминах общей теории систем. Статья исследует проблемно-ориентированное основание для сетевого подхода в социологии. В качестве ключевой проблемы анализируется рассогласованность научных принципов создания и функционирования, с одной стороны, нарратива, общепринятого социологического инструмента, с другой — представления о сети, сугубо информационного понятия, артикулированного в разных социологических исследованиях с разной степенью формальности. Статья трактует сетевой подход в социологии как проблематику концептуального перехода от нарратива, согласно социологической традиции изначально описывающего те или иные социальные процессы, к специфическому сетевому представлению этих процессов. Анализируются причины, по которым представление о сети, словесно закрепленное в названии всего подхода, мыслится по преимуществу метафорически. Основной причиной названо отсутствие общепризнанного понятия сети, способного соединить в единой аналитической процедуре, с одной стороны, смысловые отношения социологического нарратива, с другой — аппарат дискретного представления социологического знания, называемый сетью в рамках рассматриваемого подхода.

Ключевые слова: сетевой подход в социологии, нарратив, проблема построения дискретного знания в социологии.

GENNADY V. KANYGIN

PROBLEMS OF THE NETWORK APPROACH IN SOCIOLOGY

The network approach in sociology is considered as the idea of the network arrangement of sociological knowledge. Numerous versions of the network approach can be found in the literature, typical of which can be considered:

social network analysis, relational sociology and actor-network theory. At the same time, there are attempts to explain the specifics of the network approach in terms of general systems theory. The article explores the problem-oriented basis for the network approach in sociology. As a key problem, the author analyzes the inconsistency of the scientific principles of creation and functioning of, on the one hand, a narrative, i.e. a generally accepted sociological tool, and on the other hand, the idea of a network, i.e. a purely informational concept, articulated in various sociological studies with varying degrees of formality. The article interprets the network approach in sociology as a problematic of the conceptual transition from the narrative, which, according to the sociological tradition, initially describes certain social processes, to a specific network representation of these processes. The reasons why the idea of a network, verbally included in the name of the entire approach, are thought of primarily metaphorically are analyzed. The main reason is the lack of a generally recognized concept of a network that can combine in a single analytical procedure, on the one hand, the semantic relations of the sociological narrative, on the other hand, the apparatus of discrete representation of sociological knowledge, called the network within the framework of the approach under consideration.

Keywords: network approach in sociology, narrative, the problem of constructing discrete knowledge in sociology.

Введение

Сетевой подход в социологии характеризуется тем, что применительно к социологической тематике выражает собой эпистемологический императив современной науки — описывать социальные процессы посредством дискретного знания (Noy, McGuinness 2000). Сетевой подход, используя представление о сети в качестве исходного «инструментального лозунга», ищет пути перехода от смыслового связывания социологических понятий, внутренне присущего традиционному нарративу, к структурным моделям оперирования гуманитарной терминологией. Как показывает динамика развития и внедрения современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), приведшая к созданию информационного общества, такие модели, в рамках самого подхода обобщенно называемые сетью, требуют времени для своего развертывания. Сетевой подход в социологии (СПС) — это одно из направлений осознания представителями гуманитарных дисциплин необходимости использования специальных информационных методов, способных дополнить нарратив в качестве основного средства артикулирования и развития гуманитарных теорий.

Проблема

Проблема, на решение которой нацелен сетевой подход в социологии, рассматривается в статье в двух актуальных методологических дискурсах. Во-первых, согласно сложившейся социологической традиции, характеризуемой составом автором и соответствующими публикациями (см. ниже, Разработанность сетевого подхода как научного метода применительно к социологии). Во-вторых, в более широком спектре социологических и информационных подходов, объединенных вокруг научной проблемы, которую в собственной лексике стремятся решить адепты сетевой терминологии в социологии. Эта трактовка представлена в разделе «Переформулирование научной проблемы сетевого подхода в социологии в терминах смысла».

Для обоих научных дискурсов мы используем единую словесную формулировку. Эпистемологической проблемой, на решение которой нацелен СПС, является противоречие между принципами создания и функционирования, с одной стороны, нарратива, общепринятого социологического инструмента, с другой — представления о сети, сутобо информационного понятия, артикулированного в разных социологических исследованиях с разной степенью формальности.

Разработанность сетевого подхода в социологии как научного метода

Версии сетевого подхода в социологии

Начнем с рассмотрения разработанности сетевого подхода в рамках сутобо социологической традиции с ориентацией на основательные работы Д. Мальцевой (Мальцева 2017; Мальцева 2018) и указанную в них литературу. В рамках этой традиции сеть понимается автором социологического исследования в т.н. метафорическом смысле. Суть метафоры в том, чтобы ввести в авторский социологический нарратив (возможно, с помощью простых поясняющих рисунков) общепонятные структурные модели, как правило, основанные на представлении об узлах и ребрах между ними. Эта традиция строится на словесной декларации сетевой репрезентации социологической предметной области и не требует ожидаемой структурной реализации этого представления в виде известных сетевых моделей, например семантической сети или когнитивной карты.

Введение образа сети в свой аналитический аппарат упрощает для социолога пояснение свойств социальных отношений, на которых он

сосредотачивает свое внимание. Так, уподобляя узел метафорически понимаемой сети индивиду, действующему в составе общества, Granovetter (Granovetter 1973) рассматривает ребра такой сети как социальные связи между индивидами. Тем самым оказывается возможным интерпретировать, например, рассматриваемый социальный процесс, скажем, распространение слухов в социуме как перемещения по сети (Ibid.: 1366), даже без конкретизации ее вида. В целом опора на визуальные образы упрощает для автора словесного повествования объяснение представленных в нем смысловых связей. Например, обращение к сетевой идее позволяет Granovetter наглядно ввести отношение транзитивности между рассматриваемыми им индивидами (Ibid.).

Более того, использование в СПС метафорического представления о сети, т.е. фактический отказ от конкретного инструментального воплощения понятия сети в рамках подхода, который уже в названии упоминает об этом понятии, кажется вполне релевантным современной стадии развития инструментальных методов социологии. Для того чтобы понять причину, рассмотрим три сетевых подхода, которые, согласно Мальцевой, могут считаться типичными образцами этого направления социологической мысли. Начнем с понятия «реляционной реальности» П. Донати (Donati 2007), которое является одной из разновидностей сетевой идеи. С одной стороны, концепция релятивной социологии не содержит какой-то определенной модели сети, которая выражала бы специфику авторского подхода к рассмотрению реляционно организованного социума (Ibid.; Маркина 2015). В этой связи на первый взгляд такая незавершенность способна посеять сомнение в релеванности самих сетевых взглядов в гуманитарных науках.

Однако существует и другая сторона метафоричных рассуждений о сети в социологии. Широко распространенное в рамках сетевого подхода исследовательское соглашение использовать представление о сети метафорически свидетельствует о методологической неудовлетворенности, обусловленной применением нарратива в качестве основного инструментального социологического ресурса. Выдвигая сетевую идею, социолог неявно соглашается с необходимостью перехода в социологии от нарратива — инструмента синкретической организации социологических понятий, к дискретным моделям знания, составляющим основу современной информатики (Noy, McGuinness 2000).

Еще более радикальную эпистемологическую позицию можно усмотреть, анализируя акторно-сетевую теорию Б. Латура (Латур 2017). В рамках этой теории также не существует какого-либо инструментально определенного сетевого представления о взаимодействии

акторов и объектов, выявлению социальных связей между которыми посвящена сама теория. Более того, поясняя особенности своего подхода, французский социолог прямо отмечает, что сеть — это метафора, которая позволяет объяснить особенности социальных взаимодействий (масштабируемость, расширенное представление об измерении, инверсию глобального и локального и т.п.) (Ibid.), но не отчетливо сформулированная социальная доктрина со своим инструментальным аппаратом, способная предложить модели социальных взаимодействий на провозглашаемых ею принципах.

Авторское кредо Латура в данном случае состоит в том, что в нынешней методологической ситуации в гуманитарных науках релевантным методом описания их предметных областей остается нарратив. Существующие версии сетевой идеи (семантическая сеть, когнитивная карта, графы различных видов) не устраивают мэтра социологии, в связи с чем он остается приверженцем метафорического понимания сетевой идеи. На первый взгляд такая склонность к «разговорно неопределенному» пониманию сети при одновременной приверженности сетевому подходу, который имеет многочисленные инструментальные воплощения, является недостатком взглядов признанного мэтра. Однако в этой противоречивости известного теоретика можно также увидеть его призыв к разработке более совершенного сетевого представления, которое, с одной стороны, не будет уступать нарративу в возможности описывать любые социологические предметные области на основе общепонятных смыслов. С другой — позволит соединить метафорическое и визуально-инструментальное представление о сети в рамках одной аналитической процедуры. Перед нами вполне отчетливый призыв к разработке новых аналитических моделей, способных выразить сложно структурированные социологические предметные области на характерных для нарратива смысловых принципах оперирования словесным знанием.

В связи с третьим типичным примером сетевого подхода, рассматриваемого Мальцевой (Мальцева 2018), возникает важный концептуальный нюанс. Со времени начала 2000-х, которым датируется учебное пособие Г. Градосельской, адресующееся к понятию «социальная сеть», это понятие приобрело характерную двусмысленность. Представление о сети получило еще одного автора, который не принадлежит социологическому сообществу. Сегодня понятие социальной сети оказывается ассоциировано в первую очередь с реально функционирующей социальной структурой, созданной помимо гуманитарного исследования. Современное восприятие термина

«социальная сеть» понимается не столько посредством нарратива, сколько как название социальной реальности, которая имеет различные версии — ВКонтакте, Telegram и т.д.

Авторами этого нового сетевого представления оказываются ИТ-специалисты, предложившие свой инструмент социального взаимодействия — ИКТ, которые позволили организовать соответствующую социальную практику. Практика в этом случае представляет собой типичную словесную коммуникацию (story telling) (Charmaz 2000), основанную на смыслах и организуемую посредством сетевых взаимодействий между ее акторами (людьми, администраторами, членами разных социальных отношений). Именно эта практика представляет собой предметную область, которую исследуют социологи, воспринимая социальную сеть как факт, подлежащий анализу.

Проблемно-ориентированные основания сравнения версий сетевого подхода

Отдавая должное обстоятельности обзоров сетевой тематики, выполненных в работах, указанных выше и серьезно способствовавших внедрению проблематики сетевого подхода в отечественные исследования, автору трудно удержаться от вопроса, содержащего в себе сомнение. В чем состоит научная проблема, для решения которой предназначен сетевой подход в социологии?

В работе (Мальцева 2018) на этот счет сказано о трех «блоках проблем»: «1. Время и контекст появления, основные представители; 2. Основные теоретические положения (исходные теоретические предпосылки, объект и предмет исследования, понимание основных и специфических социологических концептов, отношение к дихотомиям социологической теории, связи с другими теоретическими направлениями); 3. Методология и методы эмпирических исследований».

На взгляд автора этой статьи, цитата заявляет о важных особенностях социологических исследований, использующих сетевую терминологию, которые могут служить основаниями для сравнений (как об этом и сказано самой Мальцевой в аннотации (Ibid.)). Однако термины «[научная] проблема» и «основания [для сравнений сетевых подходов в социологии]» вряд ли оправданно считать синонимами в данном изложении. Выбранные характеристики позволяют сопоставлять многочисленные сетевые подходы между собой. Они способствуют пониманию читателем особенностей сетевых подходов и позволяют ему ориентироваться в классификации версий сетевой идеи в социологии, предложенных Мальцевой.

Однако остается не ясным, какую научную проблему пытаются решить многочисленные исследователи, выражающие свои методологические предпочтения посредством сетевой идеи. Затруднения возникают из-за того, что не вполне прояснен ключевой смысл слова «проблема», т.е. «разрыв в существующих знаниях» (Что такое проблема исследования 2023), наличие которого, осознанно или нет, толкает сторонников сетевой идеи в социологии на всё новые исследования.

Еще раз подчеркнем, что указанные основания сравнений позволяют создать впечатляющую общую картину сетевого подхода в социологии, ориентируясь на полный перебор основных исследователей СПС и предлагая углубленный анализ их взглядов в виде нарратива, описывающего три типичные версии сетевого подхода. Однако таким «надпроблемным» образом трудно преодолеть «путаницу на концептуальном уровне», характерную сегодня для принципов и методологических оснований, которых придерживаются исследователи, занятые разработкой сетевого подхода в социологии (Мальцева 2018: 4). Для устранения этой неясности необходимо артикулировать стороны «разрыва в знаниях» или полюса научной коллизии, которую стремятся разрешить сторонники сетевой идеи в социологии.

Теория систем

Прежде чем изложить собственный проблемно-ориентированный взгляд на основания СПС, заметим, что существуют современные попытки примирить инструментальную и метафорическую трактовки понятия «сеть» в духе общей теории систем. Подоплека этих попыток вполне понятна — предложить аналитический аппарат, способный унифицировать нарративы конкретных социологических теорий, описывающих сложившиеся сферы социальных взаимодействий. Общая идея сетевого подхода состоит в том, чтобы использовать сетевую структуру в качестве инструментального средства для описания произвольных отношений между аналитическими единицами исследования (акторами, объектами, ситуациями и т.п.). «В общем случае сетевой анализ основывается на представлении исследуемой системы в виде сети элементов, соединенных различными связями» (Калинина 2018; Сетевой анализ: методы для решения актуальных задач 2017).

Преимущества использования понятия сети современные исследователи видят прежде всего в наглядности представления связей, которые возникают между отдельными структурами, компонентами и подсистемами (Методы сетевого анализа 2020). Этот прагматический

вывод давно осознан в информатике как предпочтительность визуального представления информации (Gavrilova, Alsufyev, Yanson 2014). Более того, наличие таких преимуществ любой современный человек может понять из собственного опыта. Каждый из нас, будучи пользователем компьютера, оперирует графом папок в качестве сетевого инструмента, помогающего упорядочивать информацию вне зависимости от ее типа.

Также возникновение сетевого представления может породить надежду на применение математического аппарата, который поможет гуманитарным исследователям в изучении разноплановых социальных процессов (Калинина 2018). Однако в этой связи заметим, что не вполне понятно, почему именно математического аппарата, а, скажем, не информационных технологий, основанных на онтологических методах? Откуда возникает уверенность, что сетевая репрезентация социальных процессов более релевантна, чем их нарративное описание, общепринятое в социологии?

*Иллюстративность сети в качестве инструмента
социологического исследования*

Как метафорический подход к толкованию сети в составе социологической теории, так и попытки выполнить такое толкование на основе общей теории систем, иначе говоря, словесное изложение неформальных и формальных подходов в социологии недооценивают методологический факт. Применение понятия сети в составе социологического исследования, т.е. сетевое представление социологической предметной области, — это всегда только концептуальная реконструкция того, что уже выражено акторами социологического исследования, например исследователями, информантами, реципиентами научных результатов. Сеть, даже если она существует не в виде явной структуры, а представляет собой метафору в составе исследовательского повествования, способна только с большей или меньшей степенью наглядности реконструировать, в частности, расширить смысловые связи уже существующего нарратива. Разумеется, при этом визуальная наглядность получаемого результата является достоинством сети. Но в процессе достижения такой наглядности крайне желательно не потерять смыслы, исходно артикулируемые нарративом.

Сеть не является непосредственной репрезентацией предмета социологического исследования. Сеть — это дополнительный концептуальный инструмент, который строится на основе нарратива, уже

выразившего с той или иной степенью полноты предмет социологического внимания. Такое «предсуществование» нарратива наблюдается всегда на стадии разработки социологической концепции (Каныгин 2022). Но часто, например, в качественном социологическом исследовании также на стадии получения и анализа данных, представляющих собой повествование информанта (Pierre, Jackson 2014; Thompson 2002). Осознание этого факта способствует пониманию проблемы, которую стремятся решить социологи, обращаясь к сетевой идее в рамках своих проектов изучения социальных процессов. С одной стороны, нарратив, который представляет собой практический и основательно исследованный способ выражения и связывания социологических понятий. С другой — способ структурного связывания уже словесно выраженных понятий, основанный на кибернетической традиции, игнорирующей категорию смысла при своем зарождении, развитии и применении.

Сетевой подход в социологии кажется нам интересным ходом мысли как раз из-за ощущаемого противоречия между заявленным уже в названии инструментальным представлением знания в виде сети и метафорическим пониманием термина «сеть» в рамках социологического исследования, использующего это понятие. Даже без введения явного вида сети сама идея описывать социальные процессы в терминах связного графа оказывается вполне продуктивной для целей прояснения концептуальных связей многочисленных социологических теорий, которые иллюстрируются с помощью сетевой репрезентации.

Методы

Наша статья рассматривает и использует нарратив как базовый метод представления знания в социологии, основанный на смысловом связывании отдельных словесных утверждений, представленных носителем знания — человеком — в виде текстового потока. Альтернативным методом представления знания служит его дискретное выражение, на котором строятся современные информационные технологии. Одним из таких выражений служит понятие сети, лежащее в основе сетевого подхода в социологии. В качестве инструментального метода, совмещающего смысловое оперирование знаниями посредством нарратива и дискретное представление социологического знания, мы предлагаем аналитическую версию кодирования в анализе качественных данных (Kanygin, Koretckaia 2021).

Задачи

Сформулировать научную проблему, на решение которой направлен СПС.

Показать эпистемологическую связь концептуальных затруднений, на разрешение которых нацелен СПС, с научными проблемами, формулируемыми в терминах других научных традиций, в частности, в исследованиях нарратива, в области анализа качественных данных, в методах управления знаниями в информатике.

Обратить внимание коллег на использование нарратива в качестве основного средства описания социальных процессов в социологии, которое предшествует внедрению сетевой метафоры в гуманитарный дискурс.

Основные результаты

Показано сущностное сходство научных проблем, решаемых в разных эпистемологически разобщенных подходах — сетевом анализе в социологии, анализе качественных данных социологического исследования, нарративном анализе, управлении знаниями в информатике. Предложен проблемно-ориентированный подход к анализу сетевых методов в социологии, представляющий проблематику эпистемологически разобщенных подходов с общенаучных позиций построения междисциплинарного знания о социологической предметной области. Раскрыта инструментальная роль нарратива как прагматического средства описания социальных процессов, основанного на категории смысла и предшествующего применению в социологическом исследовании сетевого представления изучаемых процессов.

Переформулирование научной проблемы сетевого подхода в социологии в терминах смысла

Социологическая традиция

В рамках социологической традиции существуют еще по крайней мере два сложившихся направления методологических исследований, которые, каждый в своей редакции, реализуют исходную идею сетевого подхода — переход от нарратива, отличающегося синкретичностью высказываемых с его помощью исследовательских утверждений, к их

структурной наглядной репрезентации. Одним из таких направлений является изучение самого нарратива как инструмента социологического исследования (Berger, Quinney 2004). В этом случае проблема переформулируется в терминах двух полюсов этого исконного социологического метода. С одной стороны, ничем формально не стесненное словесное повествование (story telling), основанное на смыслах, которое способно воспроизвести любой объект или процесс, изучаемый в социологии: от шепота ребенка до законов социального развития. С другой — смысловые структуры нарратива (story structure), которые распознаются в нем человеком благодаря своим неформальным естественно-языковым умениям.

Еще одним направлением выступает анализ качественных данных, реализуемый посредством современных компьютерных пакетов, основным специфическим инструментом которых служит кодирование (Kanygin, Koretskaia 2021; Evers 2018; Pierre, Jackson 2014). Специфика кодирования как исследовательского метода состоит как раз в том, что, основываясь на смыслах свидетельств информанта, исследователь переформулирует сказанное другим человеком в виде системы собственных словесных обозначений (кодов), называемой codebook (Ibid.). Таким образом, исходный нарратив, представленный в виде текста, оказывается выраженным структурно, например, в виде графа или сети в зависимости от инструментальных предпочтений разработчиков пакета анализа качественных данных. Неформальной основой такого «сетцентрического» описания служит понимание исследователем смыслов, выражаемых информантами, как правило, в текстовом виде.

Управление знаниями в информатике

Однако еще более интересная и более общая эпистемологическая картина складывается вокруг анализируемой проблемы, т.е. перехода от нарратива к его структурному представлению без потери выражаемых смыслов, в области управления знаниями в современной информатике (Dragicevic et al. 2020). В этом случае речь идет о несоответствии принципов организации знания, которым обмениваются акторы, взаимодействующие между собой в рамках современных ИКТ. С одной стороны, человеческие агенты (акторы) этих систем оперируют знаниями на основе смыслов. С другой стороны, компьютерные агенты (роботы), которые воплощают собой сложноструктурированные системы управления знаниями, принципы работы которых игнорируют категорию смысла. Перед нами оказывается известная концептуальная

коллизия, которая на языке кибернетики имеет давно высказанную формулировку: может ли компьютер думать? Но эта коллизия возникает в новых условиях всепроникающей информатизации общества, приведшей как раз к сетевой организации (grids) взаимодействий его акторов (Ibid.).

Суть проблемы, которую затрагивает сетевой анализ, может быть выражена разными словами, возникшими в разных, не обязательно социологических предметных областях. Цитата из предыдущего абзаца «знания на основе смыслов» в своем инструментальном воплощении представляет собой осмысленный текст или нарратив. «Структурированные системы управления знаниями» (Ibid.) — это онтологии, тезаурусы, языки спецификации и многие другие информационные методы представления знаний. В их число, разумеется, входят модели графов разных видов, включая сети. Оказывается, что совершенствование информационных методов сдерживается нерешенностью той же проблемы, которую намереваются решить сторонники СПС. Как свидетельствуют сами разработчики ИКТ, в настоящее время эту проблему нельзя считать решенной (Dragicevic et al. 2020).

Обратим внимание, что в случае информационных методов искомое дискретное представление человеческого знания не ограничивается понятием сети или словесного рассказа о сети (как это имеет место в СПС). Возможными решениями могут оказаться, например, языки спецификации знания (UML 2015) или генератор осмысленной речи chatGPT (Блог про нейросети 2023).

Еще раз подчеркнем, что при всей разобщенности информационных и социологических подходов при описании единого для них объекта — общества, научная проблема этих подходов оказывается одной и той же. Как передать смыслы, на которых построен нарратив, в виде формальных моделей знания, не использующих смысл в качестве основы своего функционирования? Как свидетельствуют исследования в области управления знаниями, эту проблему приходится решать на путях разработки и согласования многообразных терминологических систем (Dragicevic et al. 2020). Сетевой подход выступает как идея, способная внести вклад в такую разработку постольку, поскольку его сторонники видят в сетевом представлении возможность релевантного выражения смыслов (Мальцева 2018: 7).

Обратим внимание, что проблема состоит не в том, чтобы объяснить, что такое смысл словесных выражений, которые составляют нарратив. Сегодня социолог, как любой другой человек, успешно выражает смыслы и оперирует ими с помощью нарратива, не давая

определений, что такое смысл. Отсутствие общепринятых определений смысла не мешает одному человеку понимать другого человека посредством осмысленного текста. Проблема как раз в том, чтобы сохранить для человека возможность строить и распространять свои знания на основе словесных смыслов, сколь бы неуловимой ни была эта категория для научного педанта от информатики. И одновременно поставить такое исконно смысловое общение под управление общепринятых научных принципов. Инструментально задача состоит в смене текстового выражения нарратива на более совершенные структурные модели, обеспечивающие: смысловое общение социальных акторов без нарушения закона тождественности обозначений; учет контекстной зависимости отдельных словесных утверждений; аналитическое согласование смыслов нарратива для разных лиц, использующих его в процессе концептуального общения.

Заключение

Сетевой подход в социологии мыслится его адептами одним из вариантов дискретного представления знаний, широко распространенного в информатике. Возможная ориентация подхода на современные тенденции развития компьютерных наук делает его многообещающим направлением в развитии методов социологического исследования.

При разработке сетевого подхода применительно к социологии следует стремиться к устранению коллизии между смысловым способом связывания научных утверждений, принятым в гуманитарных науках и осуществляемым с помощью нарратива, и техниками управления знаниями, наиболее полно разработанными в виде онтологических методов в информатике.

В качестве следующего шага изучения проблемно-ориентированных оснований сетевого подхода имеет смысл проанализировать, что дает переход на дискретное представление знаний в плане реализации общепринятых научных методов, применяемых с учетом нарративной специфики социологической теории. В числе этих методов планируется рассмотреть применительно к сетевому подходу в социологии и представить в последующих выпусках данного издания три основополагающих научных процедуры: обоснование научных утверждений и выводов на основе фактов; декомпозицию сложных социальных явлений посредством нарратива; координацию коллективной концептуальной деятельности исследователей, выполняемой посредством нарратива в междисциплинарных проектах.

Источники

Блог про нейросети // ChatGPT на русском [сайт]. — 2023. — URL: <https://trychatgpt.ru/> (дата обращения: 23.08.2023).

Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. — М.: Новый учебник, 2004.

Калинина Е. Сущность сетевого анализа в гуманитарных науках // Изучаем Digital Humanities [сайт]. — 2018. — URL: <https://dhumanities.ru/?p=1880> (дата обращения: 02.08.2023).

Каныгин Г. В. Проблемы смысловой реконструкции социологического нарратива // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия: Социология. — 2022. — Т. 15, вып. 3. — С. 224–237. — DOI: 10.21638/spbu12.2022.303.

Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // ЛОГОС. — 2017. — Т. 27, № 1. — С. 173–200.

Мальцева Д. В. Сетевой подход в социологии: генезис идей и применение: монография / Рос. гос. гуманитарный ун-т. — Новосибирск: Новосибирский гос. технический ун-т, 2017.

Мальцева Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. — 2018. — № 4. — С. 3–14.

Маркина И. В. Реляционная социология Пьерпаоло Донати // Научный результат. Социология и управление. — 2015. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/relyatsionnaya-sotsiologiya-pierpaolo-donati> (дата обращения: 30.06.2023).

Методы сетевого анализа. — ИТ-компания Help IT.me. Точный сервис [сайт]. — 2020. — 20 авг. — URL: <https://helpit.me/articles/metody-setevogo-analiza> (дата обращения: 02.08.2023).

Сетевой анализ: методы для решения актуальных задач // Высшая школа экономики [сайт]. — 2017. — URL: <https://www.hse.ru/news/admission/207895702.html> (дата обращения: 02.08.2023).

Что такое проблема исследования [Электронный ресурс]. — Запрос Google. — 2023. — URL: <https://rb.gy/b3wvs> (дата обращения: 02.08.2023).

Allais M. La science économique d'aujourd'hui et les faits // Revue des Deux Mondes. — 1990, Juin. — P. 54–74.

Arnason J. Civilizational Patterns and Civilizing Processes // International Sociology. — 2001. — Vol. 16, no. 3. — P. 387–405.

Bazeley P. Regulating qualitative coding using QDAS? // Sociological Methodology. — 2012. — Vol. 42, no. 1. — P. 77–78.

Berger R. J., Quinney R. The Narrative Turn in Social Inquiry // Storytelling Sociology: Narrative as Social Inquiry / R. J. Berger, R. Quinney (eds.). Lynne Rienner Publishers, 2004. — P. 1–13.

Charmaz K. Grounded Theory: Objectivist and Constructive Methods // Handbook of Qualitative Research / N. K. Denzin, Y. S. Lincoln (eds.). — 2nd ed. — Thousand Oaks, Ca.: Sage, 2000. — P. 509–535.

Donati P. Building a Relational Theory of Society: A Sociological Journey // M. Defflem (ed.). *Sociologists in a Global Age. Biographical Perspectives.* — Aldershot: Ashgate, 2007. — P. 159–174.

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E., Gronau N. A Conceptual Model of Knowledge Dynamics in the Industry 4.0 Smart Grid Scenario // *Knowledge Management Research & Practice.* — 2020. — Vol. 18, no. 2. — P. 199–213.

Evers J. C. Current issues in qualitative data analysis software (QDAS): A user and developer perspective // *The Qualitative Report.* — 2018. — Vol. 23, no. 13. — P. 61–74.

Gavrilova T., Alsufyev A., Yanson A.-S. Modern Notation of Business Models: Visual Trend // *Foresight-Russia.* — 2014. — Vol. 8, no. 2. — P. 56–70. — URL: <http://foresight-journal.hse.ru/data/2014/07/10/1311938700/5-Gavrilova.pdf> (access date: 02.11.2021).

Granovetter M. The strength of weak ties // *American Journal of Sociology.* — 1973. — Vol. 78, iss. 6. — P. 1360–1380.

Kanygin G., Kononova O. Conceptual Approach to Express Tacit Knowledge by Human-Machine Interactions // *Digital Transformation and New Challenges. Lecture Notes in Information Systems and Organisation* / E. Zaramenskikh, A. Fedorova (eds.). — 2021. — Vol. 45. — N. Y., Springer, Cham. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-71397-3_5 (дата обращения: 09.11.2023).

Kanygin G., Koretskaia V. Analytical Coding: Performing Qualitative Data Analysis Based on Programming Principles // *The Qualitative Report.* — 2021. — Vol. 26, no. 2. — P. 316–333.

Noy N. F., McGuinness D. L. *Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology.* — 2000. — URL: http://protege.stanford.edu/publications/ontology_development/ontology101.html (дата обращения: 02.11.2021).

Pierre E. St., Jackson A. Y. Qualitative Data Analysis after Coding // *Qualitative Inquiry.* — 2014. — Vol. 20, no. 6. — P. 715–719.

Thompson R. Reporting the Results of Computer-assisted Analysis of Qualitative Research Data [42 paragraphs]. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research* [On-line Journal]. — 2002, May. — Vol. 3, no. 2. — Retrieved 20.10.2020 from <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/864/1878>.

UML: Unified Modeling Language 2.5. — 2015. — URL: <https://clck.ru/SMAJH> (access date: 01.11.2021).

References

Allais M. La science économique d'aujourd'hui et les faits. *Revue des Deux Mondes*, 1990, Juin, pp. 54–74.

Arnason J. Civilizational Patterns and Civilizing Processes. *International Sociology*, 2001, vol. 16, no. 3, pp. 387–405.

Bazeley P. Regulating qualitative coding using QDAS? *Sociological Methodology*, 2012, vol. 42, no. 1, pp. 77–78.

Berger R. J., Quinney R. The Narrative Turn in Social Inquiry. *Storytelling Sociology: Narrative as Social Inquiry*. R. J. Berger, R. Quinney (eds.). Lynne Rienner Publishers, 2004, pp. 1–13.

Blog pro neyroseti. ChatGPT na russkom. 2023. URL: <https://trychatgpt.ru/> (access date: 23.08.2023). (In Russ.)

Charmaz K. Grounded Theory: Objectivist and Constructive Methods. *Handbook of Qualitative Research*, 2nd ed. Ed. by K. N. Denzin, Y. S. Lincoln. Thousand Oaks, Ca., Sage, 2000, pp. 509–535.

Chto takoye problema issledovaniya. Google query. 2023. URL: <https://rb.gy/b3wvs>. (access date: 02.08.2023). (In Russ.)

Donati P. Building a Relational Theory of Society: A Sociological Journey. *Sociologists in a Global Age. Biographical Perspectives*. M. Deflem (ed.). Aldershot: Ashgate, 2007, pp. 159–174.

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E., Gronau N. A Conceptual Model of Knowledge Dynamics in the Industry 4.0 Smart Grid Scenario. *Knowledge Management Research & Practice*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 199–213.

Evers J. C. Current issues in qualitative data analysis software (QDAS): A user and developer perspective. *The Qualitative Report*, 2018, vol. 23, no. 13, pp. 61–74. URL: <http://nsuworks.nova.edu/tqr/vol23/iss13/5>. (access date: 02.11.2022).

Gavrilova T., Alsufyev A., Yanson A.-S. Modern Notation of Business Models: Visual Trend. *Foresight-Russia*, 2014, vol. 8, no. 2, pp. 56–70. URL: <http://foresight-journal.hse.ru/data/2014/07/10/1311938700/5-Gavrilova.pdf> (access date: 02.11.2021). (In Russ.)

Gradoselskaya G. V. *Network measurements in sociology: textbook*. Ed. G. S. Batygin. Moscow, Novyy uchebnik, 2004. (In Russ.)

Granovetter M. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, 1973, vol. 78, no. 6, pp. 1360–1380.

Kalinina E. The essence of network analysis in the humanities. *Izuchayem Digital Humanities* (access date: 02.08.2023). (In Russ.)

Kanygin G. V. Problems of semantic reconstruction of the sociological narrative. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, 2022, vol. 15, iss. 3, pp. 224–237. (In Russ.)

Kanygin G., Kononova O. Conceptual Approach to Express Tacit Knowledge by Human-Machine Interactions. *Digital Transformation and New Challenges. Lecture Notes in Information Systems and Organisation*, 2021, vol. 45. Ed. by E. Zaramenskikh, A. Fedorova. N. Y., Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-71397-3_5 (access date: 09.11.2023) (In Russ.)

Kanygin G., Koretskaia V. Analytical Coding: Performing Qualitative Data Analysis Based on Programming Principles. *The Qualitative Report*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 316–333.

Latour B. On the actor-network theory. Some clarifications, supplemented by even greater complications. *LOGOS*, 2017, 27, no. 1, pp. 173–200. (In Russ.)

Maltseva D. V. *Network approach in sociology: genesis of ideas and application: monograph*. Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, 2017. (In Russ.)

Noy N. F., McGuinness D. L. *Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology*. 2000. URL: http://protege.stanford.edu/publications/ontology_development/ontology101.html. (access date: 02.11.2021).

Maltseva D. V. Network approach as a phenomenon of sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018, no. 4, pp. 3–14. (In Russ.)

Markina I. V. Relational Sociology by Pierpaolo Donati. Nauchnyy rezul'tat. *Sotsiologiya i upravleniye*, 2015, no 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/relyatsionnaya-sotsiologiya-pierpaolo-donati> (access date: 06.30.2023). (In Russ.)

Metody setevogo analiza. IT company Help IT.me. Smart service. 08.20.2020. URL: <https://helpit.me/articles/methody-setevogo-analiza> (access date: 08.02.2023). (In Russ.)

Pierre E. St., Jackson A. Y. Qualitative Data Analysis after Coding. *Qualitative Inquiry*, 2014, vol. 20, no. 6, pp. 715–719.

Setevoy analiz: metody dlya resheniya aktual'nykh zadach. Higher School of Economics. 2017. URL: <https://www.hse.ru/news/admission/207895702.html> (access date: 02.08.2023). (In Russ.)

Thompson R. Reporting the Results of Computer-assisted Analysis of Qualitative Research Data. 42 paragraphs. Forum Qualitative Sozialforschung. *Forum: Qualitative Social Research*. On-line Journal, 2002, May, vol. 3, no. 2. Retrieved 20.10.2020 from <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/864/1878> (access date: 02.11.2021).

UML: Unified Modeling Language 2.5. 2015. URL: <https://clck.ru/SMAJH> (access date: 01.11.2021).

Каныгин Геннадий Викторович, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник.

Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,

Санкт-Петербург, Россия.

g.kanygin@gmail.com

Kanygin Gennady V., Doctor of Sociology,

Leading Researcher. Sociological Institute,

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,

Russian Academy of Sciences,

St. Petersburg, Russian Federation.

g.kanygin@gmail.com



С. И. Бояркина, В. И. Титов

ПРАКТИКИ ЧТЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В статье рассматриваются современные тенденции динамики читательских практик, описываются традиции теоретических и эмпирических исследований, проводимых в данной области. Результаты репрезентативных опросов свидетельствуют о появлении возрастных различий в практиках чтения, касающиеся не только прагматических оснований выбора формата чтения (цифровой / бумажный), но и установок субъекта, предопределяющих возникновение интереса к книге, оценку ее содержания и дальнейшую трансляцию воспринятых смыслов. В числе наиболее веских причин наблюдаемых возрастных дифференциаций оказываются не только технико-технологические последствия развития информационно-коммуникационной сферы, но и глубокие трансформации социокультурного контекста, мировоззренческих установок и индивидуальных ценностных ориентаций представителей разных поколений. Пилотажное исследование, проведенное авторами методом онлайн-опроса, позволило обозначить перспективные направления дальнейших исследований, главным из которых является анализ возрастных и демографических различий в способах взаимодействия с социальным окружением, вовлеченности близкородственных связей в процессы селекции, интерпретации и трансляции литературного наследия.

Ключевые слова: культура, постмодернизм, чтение, цифровизация, возрастные группы, молодежь.

SANIYA I. BOYARKINA, VADIM I. TITOV

READING PRACTICES IN THE CONTEXT OF COMMUNICATION PROCESSES TRANSFORMATION

The article dwells on current trends in the dynamics of reading practices and describes the traditions of theoretical and empirical research conducted in this area. The results of representative surveys indicate the emergence of age-related differences in reading practices, concerning not only the pragmatic reasons for

choosing a reading format (digital / paper), but also the subject's attitudes that predetermine the emergence of interest in a book, evaluation of its content and further translation of perceived meanings. Among the most compelling reasons for the observed age differentiation are not only the technical and technological consequences of the information and communication sphere development, but also profound transformations of the sociocultural context, worldviews and individual value orientations of different generations representatives. A pilot study conducted with an online survey allowed us to identify promising directions for further research, the main of which is the analysis of age and demographic differences in the ways of interaction with the social environment, the involvement of closely related ties in the processes of selection, interpretation and translation of literary heritage.

Keywords: culture, postmodernity, reading, digitalization, age groups, youth.

Введение

Изменения социального макроконтекста, происходившие с конца XX столетия и обусловленные распадом советского общества, реорганизацией нормативных оснований функционирования социума и форматов коммуникативных процессов, привели к возникновению ряда социокультурных проблем, в том числе в структуре и содержании практик чтения, активно изучаемых российскими исследователями. По данным всероссийского репрезентативного опроса, проведенного сотрудниками Левада-центра, на протяжении периода с 1990 по 2008 г. происходило постепенное сокращение количества «читающих» россиян, не менее двух третей населения обходились без печатной литературы, 46% жителей России не читали вообще, еще 36% ограничивались случайным чтением. По собственным оценкам взрослых россиян, за обозначенный период относительное большинство из них стали меньше читать (64%), причем основная доля респондентов, снизивших активность чтения, принадлежит к возрастной группе 40–54 лет, с имеющимся высшим образованием. Изменялось и содержание чтения, люди переходили на серийную жанровую литературу (детектив и боевик, любовная проза, историко-авантюрный или историко-патриотический роман), которые чаще не покупали в магазинах, а брали на время у друзей и знакомых (Дубинин, Зоркая 2008: 67–69).

Трансформации информационно-коммуникационного пространства, начавшиеся с конца 80-х — начала 90-х гг., связанные с повсеместным распространением цифровых гаджетов и сети Интернет, привели к изменению повседневных коммуникационных практик, способов

потребления информационного контента, в том числе литературных текстов. На рынке книгоиздания постепенно возрастала доля электронной литературы, составившей конкуренцию традиционным бумажным книгам. В середине прошедшего десятилетия исследователи отмечали общемировые тенденции к сокращению числа книжных магазинов, библиотечных абонементов, росту выпуска электронных книг, в отдельных странах наблюдалось уменьшение длительности чтения (Wilson 2014).

В России специалисты также наблюдали снижение тиражей издаваемых книг, спад интереса к чтению в целом, хотя и не всегда соглашались с определением ситуации как кризисной, указывая на многовекторность наблюдаемых тенденций в разных возрастных, гендерных, статусных (в первую очередь речь идет о профессиональных и образовательных различиях) группах (Баринов 2014; Артамонов 2015; Соколов и др. 2016).

Опрос, проведенный ВЦИОМ в 2019 г., продемонстрировал некоторое изменение количественных показателей за период с 2014 по 2019 г. В 2019 г. чтение книг практиковал каждый второй россиянин (53%), что в целом больше, чем в 2014 г. (45%), но несколько ниже показателя предыдущего (2018) года (55%) (Книголюб... 2019).

В последние, 2020-е гг., ситуация мало изменялась, по-прежнему происходит сокращение числа книжных магазинов, снижение покупательской активности, связанной с кризисами, вызванными пандемией, а после нее — глобальным политическим конфликтом, с ростом цен на печатную продукцию, исчезновением из продажи произведений отдельных популярных зарубежных авторов, отказавшихся работать с российскими издательствами (Книжный рынок 2022).

Эти же факторы привели к изменению жанровых предпочтений читателей, нон-фикшн (non-fiction) постепенно вытеснялся с первого места по популярности беллетристикой. Во время пандемии люди предпочитали досуговое чтение, и наиболее существенный прирост наблюдался в сегменте художественной литературы. Существенно вырос спрос на японскую и корейскую литературу, любовные романы, фэнтези. Если в 2019 г. доля продаваемой нехудожественной (non-fiction) литературы приближалась к 50%, а художественной — к 30%, то к 2023 г. сложилась противоположная ситуация. При этом значимую долю прироста в сегменте художественной литературы обеспечили комиксы и манга, на чтение которых ориентируется в первую очередь молодежная аудитория (Там же). Вместе с тем развитие цифровых технологий, активно использовавшихся во время пандемии, привело к активному

распространению цифровых книг, реализуемых в интернет-магазинах наряду с продажами традиционных бумажных тиражей.

По данным компании MediaScore, в 2022 г. 43% населения России читали книги онлайн, из них 23% платили за контент, 33% россиян слушали аудиокниги (платно — 26% из этого числа). В топе книжных ресурсов оказались «ЛитРес» (15 млн пользователей, или 12,8%), «Лабиринт» (8,2%), LiveLib (5,7%), «Читай-город» (5,3%) (Исследование MediaScore... 2022).

Причины происходящих трансформаций специалисты усматривают в изменении не только ситуативного контекста, когда в условиях кризиса люди хотели оторваться от пугающей реальности, погрузиться в вымышленные миры художественных произведений, но и базовых социокультурных оснований функционирования глобального общества, принципов организации и функционирования коммуникативного пространства, ценностных ориентации людей.

Геополитические процессы, происходившие во второй половине XX в., «...создали атмосферу стихийного постмодернизма общественной жизни с ее нестабильностью, непредсказуемостью, риском обратимости...» (Маньковская 1995: 4).

Распространившееся в конце XX в. специфическое мировоззрение — постмодернизм — возводит в абсолют идею плюрализма, крах всего универсального (Ратникова 2013). М. Н. Эпштейн приводит перечень терминов, которыми чаще всего характеризуется культура постмодернизма, в том числе: «означающие без означаемых», «симулякр» (подобие без подлинника), «интертекстуальность», «цитатность», «деконструкция», «игра следов», «исчезновение реальности», «смерть автора», «гибель сверхповествований» (обобщающих моделей мироздания), «антиутопизм и постутопизм», «крах рационализма и универсализма», «фрагментарность», «эклექтика», «плюрализм», «релятивизм», «рассеивание значений», «крах двоичных оппозиций», «различение», «многокультурность», «скептицизм», «ирония», «пародия» и др. (Эпштейн 2000: 6).

Ранние отечественные исследователи нового социокультурного феномена описывают постмодернизм как порождение информационно-коммуникационной революции. Н. Б. Маньковская в своей монографии «Париж со змеями» пишет: «...постмодернизм во многом обязан своим возникновением развитию новейших технических средств массовых коммуникаций — телевидению, видеотехнике, информатике, компьютерной технике... Популистская ориентация, отвергающая

любые эстетические табу, способствовала превращению всей культуры прошлого, одновременно в музей и питомник постмодернистской эстетики» (Маньковская 1995: 6).

Постмодернизм можно описать как «энтропийную культуру», отмеченную эстетическими мутациями, диффузией больших стилей, эклектическим смешением художественных языков (Там же).

Начало XXI в., ознаменовавшееся «цифровой революцией», резким преобразованием информационно-коммуникационных структур и процессов, сопровождалось разработкой новых теоретических моделей информационного общества. Критикуя постмодернизм как неактуальную, «умершую» схему (Кравченко 2018), авторы предлагают философско-культурную концепцию постпостмодернизма, в рамках которой обосновывают существование ряда течений, в том числе и таких, в которых акцент ставится на трансформациях культуры, свершившихся под влиянием цифровизации (автомодернизм, диджиталмодернизм). Автор концепции диджиталмодернизма, А. Кирби, отмечает исключительную роль технико-технологических усовершенствований, полагая, что цифровые гаджеты позволяют человеку создавать свою собственную «вселенную», со своими правилами коммуникации и своими «текстами», своими условиями для (не)социализации и (не)коммуникации (Kirby 2009).

Активным действующим субъектом нового мира провозглашается «цифровая молодежь», для которой наиболее комфортным пространством для реализации потребительских практик (в первую очередь культурных) становится виртуальная реальность (Павлов 2018а, Павлов 2018б). В фокус внимания исследователей помещаются образы искусства, архитектуры, литературы, возникающие в условиях цифровизации сферы культурного производства и потребления, специфика аудитории и детерминанты ее выбора.

В результате произошедших изменений информационно-коммуникационного и социокультурного пространств литература и современные читатели оказались в новых обстоятельствах: чтение перестало быть основным каналом получения информации, литература больше не делится на «элитную» и «низкосортную», фигура читателя, выбирающего, интерпретирующего и транслирующего литературные объекты и заключенные в них смыслы, становится ключевой. Именно поэтому изучение читательских практик не утрачивает своей актуальности, несмотря на относительно немалое количество уже проведенных в этой области исследований.

Обзор эмпирических исследований практик чтения

В начале 2000-х гг. социологическим научно-исследовательским центром был проведен опрос петербуржцев, направленный на выявление поведенческих особенностей горожан в отношении практик чтения художественной литературы. В нем приняли участие 1002 респондента в возрасте от 18 лет и старше (исследование репрезентативное по полу и возрасту). В результате было обнаружено, что 43% всех опрошенных вообще не читают, а 53% из тех, кто читает, не покупают художественную литературу. Среди тех, кто покупает книги, 61,7% выбирают современную русскую литературу, чаще детективы, однако из них только 15,9% готовы платить за книгу более 100 рублей (Илле 2004).

В конце первого десятилетия двадцатого столетия произошли кардинальные сдвиги в системе массмедиа, сопровождавшиеся распространением цифровых носителей информации, используемых в том числе и для чтения. Это не осталось незамеченным исследователями, изучающими культурные явления и процессы, в том числе на больших выборках.

В уже упомянутом исследовании Левада-центра 2008 г. исследователи пришли к выводу о том, что особенности выбора каналов получения информации о книгах, среди которых наименьшим влиянием пользуются система образования, библиотека, а также печатные СМИ, привели к утрате этими институтами книжной культуры своего авторитета и роли в структурировании процессов массового чтения. Вопросы о способах приобретения книг и их дальнейшем хранении / передаче свидетельствовали о том, что происходил постепенный отказ от традиции создания домашних библиотек, обладание книгами переставало быть признаком определенного социального статуса. Расширяющиеся возможности поиска и скачивания книг из сети позволили людям иначе организовывать свой досуг, свои траты на приобретение литературы и отчасти предопределили наполнение книжного рынка доступными «массовыми» книгами популярных жанров. В то же время использование Интернета для поиска и скачивания книг не было широко распространенной практикой: его использовали не более 15% россиян, аудитория сегмента аудиокниг еще меньше — всего 4% от опрошенных, причем лидерами обращения к интернет-каналам является молодежь. Полученные результаты позволили экспертам заключить, что на момент проведения исследования Интернет мало влиял на практики чтения, поскольку по преимуществу был локализован среди молодежи, жителей крупнейших городов, россиян с высоким потребительским статусом (Дубинин, Зоркая 2008).

М. М. Назаров с соавторами провели серию опросов в 2010 и 2014 гг., в которых приняли участие в совокупности более 5000 россиян, использующих и бумажные, и электронные носители. Было выявлено, что приверженцы «цифрового» чтения — это преимущественно молодые люди в возрасте до 34 лет, пик читательской активности приходился на возраст 20–21 года, что по результатам регрессионного анализа оказалось связано с технической оснащённостью и частотой использования Интернета в повседневной жизни (Назаров 2017).

Специфика молодежных практик чтения представляет собой отдельный исследовательский вопрос. Интересные результаты о динамике читательских практик современной молодежи были получены в исследовании, проведенном Е. В. Каргополовой и ее коллегами. Авторский коллектив провел опрос в две волны — в 2016 и 2019 гг., в котором приняли участие всего 3760 представителей студенческой молодежи Москвы, Астрахани и Волгограда. Вопросы о выборе носителя позволили выявить, что примерно половина опрошенных читает художественную литературу на бумажном носителе, около трети — на электронном. При чтении академических сложных текстов предпочитают бумажный носитель, короткие развлекательные — читают в цифровом формате. Ключевые каналы получения информации о новых книгах — Интернет (в среднем по городам около 70% в 2016 г. (опрошены студенты городов Астрахани и Волгограда) и около 85% — в 2019 г. (опрошены студенты городов Москвы, Астрахани, Волгограда)), друзья (порядка 35 и 56% соответственно) и преподаватели (около 21 и 30%). Интернет является и основным каналом получения самих текстов, в 2 раза опережая по частоте использования покупку книг и в три раза — получение по абонементу в библиотеке (Каргополова и др. 2022).

На протяжении последних полных пяти лет наиболее систематические срезовые исследования практик чтения проводились Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2017, 2018, 2019 и 2022 гг. Доля опрошенных, называющих себя читающими, несколько изменялась: если в 2017 г. читающими себя назвали 60% россиян, то в 2018 г. таких было 55%, а в 2019 г. — 53%. Традиционно самая читающая возрастная группа — молодежь до 18–24 лет, эта же группа является основным пользователем электронного формата книг (по данным за 2018 г., 60% молодежи читают профессиональную литературу с экранов). В 2017 г. треть россиян скачивает и / или читает цифровые книги (в 2009 г. этот показатель, по данным ВЦИОМ, составлял 5%),

хотя старшее поколение 60+ предпочитает бумажные книги художественных жанров. Эти же возрастные группы прочитывают самое большое количество книг (по данным за 2019 г. — до 7 книг, а те, кто не пользуется Интернетом, — до 9 книг за три месяца). В среднем в 2017 г. респонденты читали 6,49 книг (в 2011 г. это количество составляло 3,94 единицы). Интересно, что покупка книг больше распространена, чем их чтение. Если в 2019 г. назвали себя читающими 53%, то покупающими книги — 88%, хотя при ограничении временного периода совершения покупки одним годом число купивших книгу оказалось гораздо ниже — 50% (Читать или не читать? 2017; Бумага против экрана 2018; Книголюб... 2019).

Один из последних опросов ВЦИОМ, проведенный в 2022 г. в рамках совместного проекта с сайтом «Комсомольской правды», позволил констатировать, что россияне стали меньше читать, в то время как современный книжный рынок характеризуется разнообразием и авторов, и жанров. В отличие от данных более ранних опросов, сегодня говорят, что читают книги уже 92% респондентов. В числе наиболее часто выбираемых жанров — художественная литература (61%), специализированная (33%) и научно-популярная литература (31%). Дифференциация жанрово-тематических предпочтений особенно выражена по полу, возрасту и образованию, в меньшей степени — по потребительским возможностям и урбанизации. Массовое книжное чтение заменяется широким разнообразием форматов: аудиокниги, бумажные, электронные книги, приложения на экране компьютера или мобильных гаджетов. Бумажные книги остаются востребованными читателями всех возрастов. И хотя цифровое чтение, как и прежде, остается прерогативой молодежи, более старшие группы постепенно вовлекаются в способы чтения, альтернативные бумажным. Чаще других со смартфонов читают те, кто вовлечен в активные интернет-практики: молодые люди, люди активного трудоспособного возраста. Однако различия невелики: особенность нынешнего состояния практик чтения заключается в том, что выделить социально-демографическую группу «лидеров книжного чтения» практически невозможно: ни показатели урбанизации территорий, ни принадлежность к тому или иному поколению, ни социальный статус не определяют читательский профиль, что авторы опроса объясняют глобализацией информационного пространства. Так, отвечая на вопрос о том, какими носителями пользовались читатели в последнее время, респонденты в 58% случаев указали бумажные книги и 71% — компьютеры и мобильные электронные гаджеты (Книжная культура... 2022).

По данным Mediascope, в 2022 г. доля «цифровых читателей» сократилась по отношению к 2020-му с 67,5 до 59%. Любопытно, что существуют определенные возрастные различия в интернет-поиске книг. Молодые читатели чаще ищут конкретные названия. Люди в возрасте от 35 до 54 лет, зная, что жанров не так много, а сюжетов вообще считаное число, ищут жанры. Читатели старше 55 лет предпочитают конкретных авторов (Исследование Mediascope... 2022).

В целом, как показал обзор эмпирических исследований, набор индикаторов, отражающих специфику практик чтения, достаточно устойчив и воспроизводится в работах по крайней мере последних 20 лет. Это частота и продолжительность чтения, предпочитаемые жанры и авторы, частота покупки книг и средние ежемесячные затраты, используемый тип носителя — бумажный / электронный. Отдельный блок вопросов может быть посвящен коммуникациям по поводу книг и прочитанного: каналы получения информации о книгах, каналы получения и дальнейшей передачи книг (или их отсутствие и хранение в домашних библиотеках), практики обсуждения книг с ближайшим социальным окружением.

Результаты эмпирического исследования

Опрос проводился с использованием online-анкеты среди жителей Санкт-Петербурга. Общее количество респондентов, принявших участие в пилотажном исследовании, — 104 человека, распределенных на две возрастные группы: группа 1 — молодежь 18–30 лет (63 человека) и группа 2 — представители более старших возрастных групп — 31–60 лет (41 человек). Такое разделение обусловлено намерением проверки существующих представлений о том, что родившиеся после 1990 г. — поколение «интернет-жителей» — в большей степени привержены практикам использования цифровых носителей информации. В первой группе 53,9% женщин и 46,1% мужчин, во второй группе — 60,9 и 39,1% соответственно.

Основные места чтения для опрошенных всех возрастов — дома (84,1% молодежи и 90,2% представителей старших возрастов), в общественном транспорте (53,8 и 46,3% соответственно), в парке, на улице (41,3 и 41,4% соответственно). Около четверти респондентов читают на работе (28,6% молодежи и 26,8% в более старших группах). Молодые люди практически не посещают библиотеки, тогда как пятая часть респондентов старших возрастных групп (21,9%) предпочитают читать в библиотечной тишине.

Частота чтения / прослушивания книг в группе молодежи 18–30 лет в 44,4% случаев составляет раз в неделю, 19,0% опрошенных читают ежедневно и почти ежедневно, 15,8% — реже раза в месяц и почти никогда не читают. В группе опрошенных представителей старших возрастов ежедневно читают 51,2% респондентов, 19,5% — раз в неделю, 7,3% респондентов отнесли себя к редко читающим — менее раза в месяц и почти никогда (рис. 1).

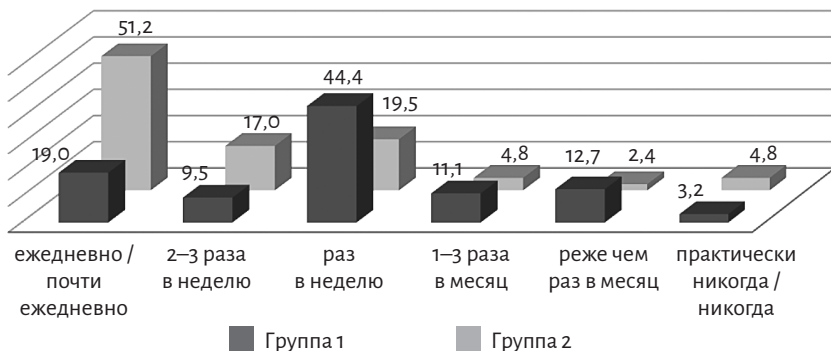


Рис. 1. Частота чтения / прослушивания книг в возрастных группах 18–30 лет (группа 1) и 31–60 (группа 2) (% от числа опрошенных в каждой группе)

Для оценки продолжительности чтения респондентам предлагалось поставить цифру по шкале от одного до пяти, где 1 — «наименьшая», а цифра 5 — «наибольшая», в результате оказалось, что в первой группе большинство респондентов (61,9%) выбрали вариант ответа 1 и 2 (посвящают чтению наименьшую часть дня), а во второй группе (68,3%) — варианты — 4 и 5 (посвящают чтению наибольшую часть дня). Таким образом, опрошенные нами респонденты более старших возрастов читают чаще и дольше, чем молодые люди.

Заслуживающим отдельного исследования является вопрос о степени воздействия возрастного и образовательного факторов на частоту и продолжительности чтения. Мы не исключаем того, что возрастные и гендерные особенности групп могут в большей степени предопределять частоту чтения, чем образовательные, учитывая, что в числе представителей второй группы больше женщин, чем мужчин, и существенно меньше людей с уровнем образования выше среднего. В группе молодежи большинство опрошенных имеют высшее образование (рис. 2).

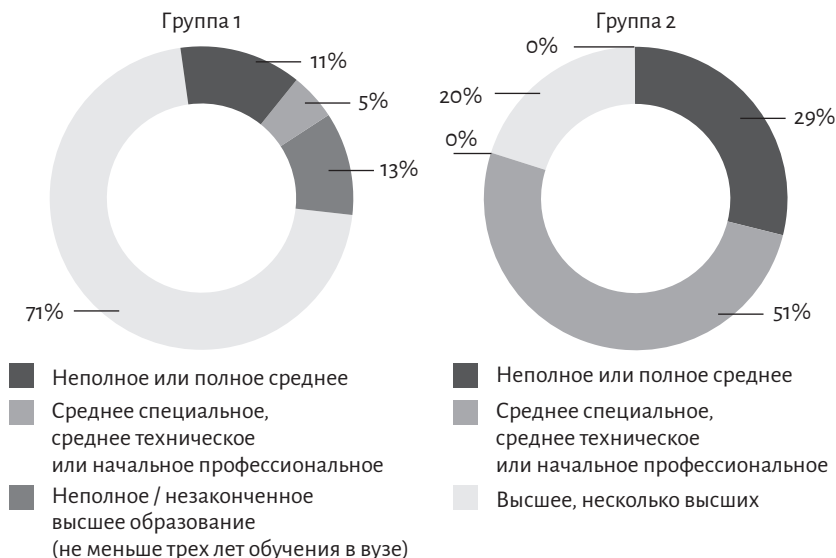


Рис. 2. Уровень образования респондентов в возрастных группах 18–30 лет (группа 1) и 31–60 (группа 2) (% от числа опрошенных в каждой группе)

В то же время наличие в первой группе студентов вузов, продолжающих обучение, и молодых специалистов объясняет спрос на учебную и справочную (49,1%) литературу, менее популярна художественная литература (30,2%), научная и научно-популярная литература (23,8% опрошенной молодежи), документальная проза (19,0%). Представители этой группы практически не читают мемуарную прозу и техническую литературу — эти жанры указали в качестве предпочитаемых по 9,5% респондентов. В группе людей 31–60 лет обычно читают художественную (60,9%) и мемуарную (56,1%) литературу, более трети опрошенных указали техническую литературу (34,1%) (рис. 3), что отчасти может объясняться существенным количеством людей со средним специальным образованием.

Почти треть респондентов (26,8%) — представителей старших возрастов — состоят в читательских сообществах (в группе молодежи — 9,5%), однако, как и более молодые читатели, о новинках, как правило, узнают от друзей и знакомых и из социальных сетей¹. Мнение литературных критиков и «книжных» блогеров оказывается

¹ Респондентам предлагалось выбрать не более трех вариантов ответа, поэтому сумма долей в каждой группе превышает 100%.

для читателей практически не важно (рис. 4). Для большинства молодежи (87,3%) имя автора тоже не является фактором, определяющим выбор книги. В группе старших возрастов ситуация иная: в 58,5% читатели покупают книги конкретных авторов.

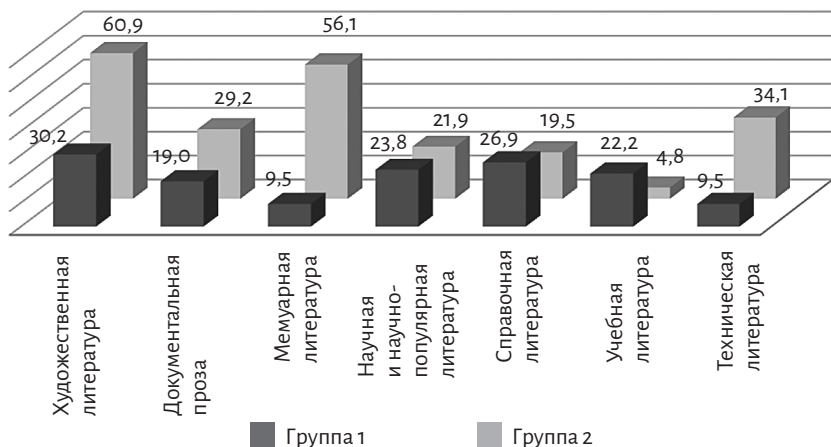


Рис. 3. Предпочитаемые литературные жанры
(% от числа опрошенных в каждой группе)

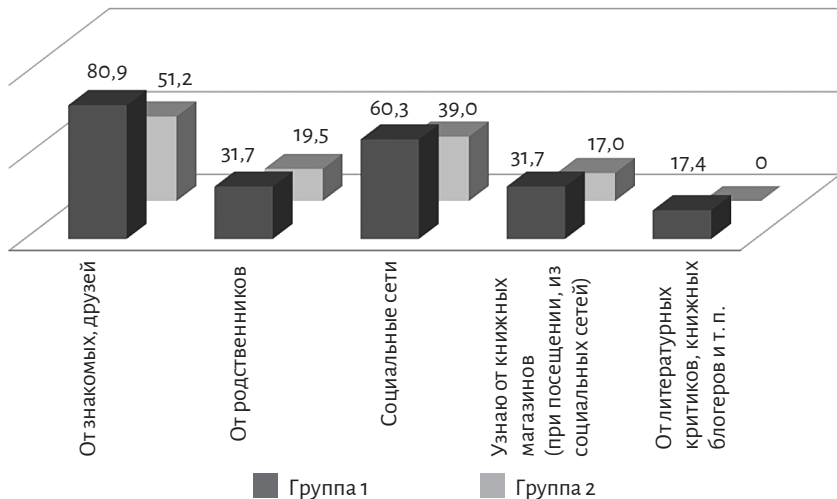


Рис. 4. Источники информации о книжных новинках
(% от числа опрошенных в каждой группе)

В качестве носителя литературного текста молодежь чаще использует цифровые устройства (58,73%), предпочитая экранное чтение или прослушивание аудиокниг. Вторая группа читателей предпочитает традиционные бумажные книги (70,7%), значительно реже использует электронные устройства и практически не слушает аудиокниги (рис. 5).

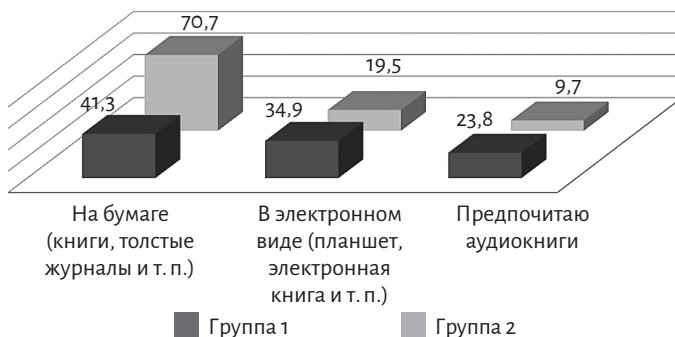


Рис. 5. Предпочитаемые носители литературных текстов (% от числа опрошенных в каждой группе)

Как правило, читатели покупают книги в магазинах (95,2% представителей первой группы и 85,4% — второй). Для группы молодежи более свойственно использовать цифровые сервисы (и покупка книг на сайтах издательств и на электронных торговых площадках, и безвозмездное скачивание). Более старшие читатели используют дружеские сети для получения книг (60,9%), использование цифровых сервисов оказывается значительно менее популярным во второй группе, чем получение книг через непосредственный контакт с их обладателем (рис. 6)¹.

Основная масса опрошенных за последние полгода купили не более 1–2 книг (49,2% в группе молодежи и 65,8% представителей более старших возрастов), значительно меньше тех, кто приобрел 3–4 книги (26,9 и 14,6% соответственно). Большинство читателей в группе молодежи (84,1%) готовы тратить на покупку одной книги до 800 рублей, для представителей старших возрастов такая стоимость кажется высокой, в 63,4% случаев опрошенные из второй возрастной группы считают приемлемой цену до 600 рублей за книгу.

После прочтения книги большинство всех респондентов предпочитают оставить книгу себе, сохранив в домашней библиотеке, представители

¹ Респондентам предлагалось выбрать не более трех вариантов ответа, поэтому сумма долей в каждой группе превышает 100%.

старших возрастов могут отдавать книги родственникам, друзьям (21,9%), передавать в библиотеки (21,9%). Молодежь практически не обращается в библиотеки, оставляя прочитанную литературу в буккроссинге (рис. 7).

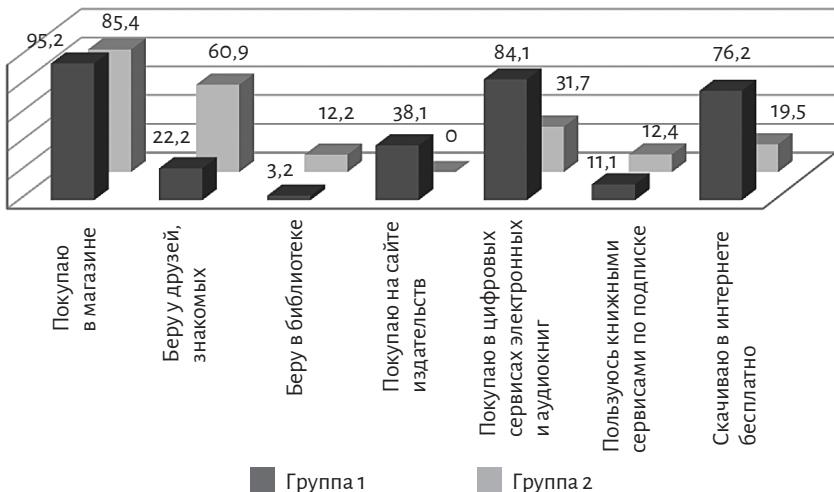


Рис. 6. Источники получения книг
(% от числа опрошенных в каждой группе)

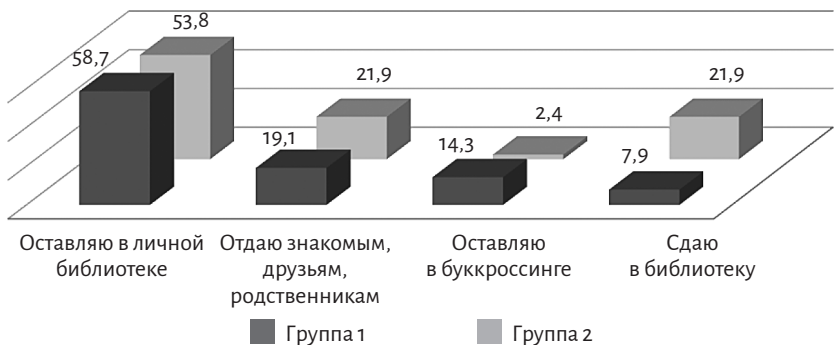


Рис. 7. Судьба прочитанных книг
(% от числа опрошенных в каждой группе)

Содержание книг большинством опрошенной молодежи (53,9%) ни с кем не обсуждается, треть всех респондентов делятся впечатлениями с друзьями. Интересно, что более старшие читатели обсуждают книги

с родственниками (29,3%), тогда как молодежь не включает близких в число тех, с кем они готовы делиться впечатлениями (рис. 8). Вероятно, это обусловлено возрастной спецификой жанровых предпочтений, хотя возможны и другие причины, заслуживающие дальнейшего исследования.

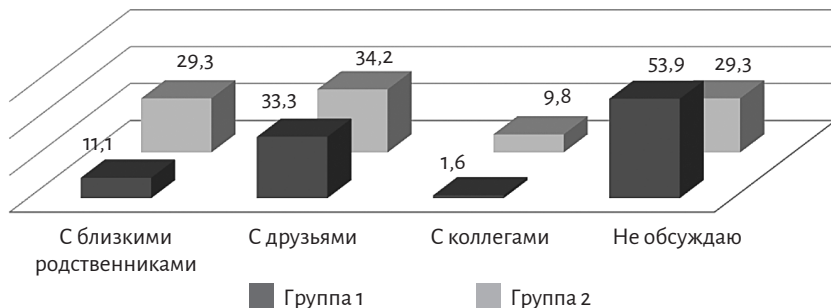


Рис. 8. С кем читатели обсуждают прочитанные книги
(% от числа опрошенных в каждой группе)

В целом проведенное пилотажное исследование позволило обозначить перспективы для дальнейшей работы. В частности, остается неясной степень влияния гендерных, возрастных, образовательных факторов на структурирование практик чтения, их частоту, жанровые предпочтения читателей. Не менее интересны для последующего изучения и особенности выявленных стратегий взаимодействия с социальным окружением (представителями субкультурного сообщества читателей), практики включения / исключения членов родственных сообществ из процессов трансляции полученной информации, их зависимость от специфики межпоколенных отношений. Важнейшим направлением может стать и разработка практических рекомендаций (адаптированных к текущей информационно-коммуникационной реальности) для библиотечных комплексов, в задачи которых входят сохранение и передача культурного наследия последующим поколениям.

Заключение

Информационно-коммуникационная революция привела к значительным изменениям в практиках чтения. Распространение цифровой литературы позволило неизмеримо преумножить ее количество, увеличить доступность образцов мирового литературного наследия. Вместе с тем радикальные, революционные изменения произошли и в мировоззрении

людей, и в способах освоения измененной реальности. Современный читатель стал мерой успешности авторов, экспертом и ретранслятором смыслов, предлагаемых на его суд.

Изменения социокультурного пространства обостряют восприятие межпоколенных различий, обусловленных разницей в условиях социализации и способностях / возможностях / желании дальнейшей адаптации к переменам, к новым конфигурациям культуры, ее технологических и коммуникативных оснований. Возникает ряд социальных проблем, обусловленных «инаковостью» молодежи, появлением новой «нормальности» ее бытия и коммуникативных разрывов с реальностью.

Активное обсуждение этих проблем происходит в рамках двух основных подходов — философско-культурологического, для которого не характерен поиск эмпирических референтов и дальнейших путей практического применения теоретических моделей, и прагматико-прикладного — как правило, сводимого к описанию существующих тенденций культурного потребления, не ставящего перед собой задачи концептуального обоснования, проецирования и обобщения полученных результатов на теоретических уровнях. Именно поэтому продолжение исследований читательских практик, безусловно, имеет дальнейшие перспективы, в том числе и в предлагаемых нами направлениях.

Источники

Артамонов В. Сужающееся пространство книг [Электронный ресурс] // Литературная газета. — 2015. — 17–23 дек. — URL: <https://lgz.ru/article/-50-6536-17-12-2015/suzhayushcheesya-prostranstvo-knig/> (дата обращения: 28.08.2023).

Баринов Д. Н. Трансформация читательских практик в современном российском обществе // Культура и искусство. — 2014. — Т. 6, № 24. — С. 660–667. — DOI: 10.7256/2222-1956.2014.6.13212.

Бумага против экрана // ВЦИОМ [сайт]. — URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=9343> (дата обращения: 28.08.2023).

Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Чтение в России — 2008. Тенденции и проблемы. — М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. — 80 с.

Илле М. Книжный рынок Петербурга // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. — 2004. — № 1. — С. 1–9.

Исследование Mediascope: поиск книг в интернете [Электронный ресурс]. — 2022. — URL: <https://mediascope.net/news/1478588/> (дата обращения: 28.08.2023).

Каргаполова Е. В., Давыдова Ю. А., Дьякова В. В., Симоненко М. А. Динамика читательских практик современного российского студенчества:

социологический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2022. — Т. 15, № 1. — С. 258–275. — DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.14.

Маньковская Н. Б. Париж со змеями. (Введение в эстетику постмодернизма). — М.: ИФРАН, 1995. — 220 с.

Назаров М. М., Ковалев П. А. Изменение медиасреды и современные практики чтения // Социологические исследования. — 2017. — № 2. — С. 84–95.

Книжный рынок — 2022: смена приоритетов [Электронный ресурс] // Университетская книга. — 2022. — № 8, окт. — С. 28–34. — URL: <http://www.unkniga.ru/bookrinok/knigniy-rinok/14010-knizhnyy-rynok-2022-smena-prioritetov.html> (дата обращения: 28.08.2023).

Книголюб — 2019 // ВЦИОМ [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knigolyub-2019> (дата обращения: 09.11.2023).

Книжная культура — 2022 // ВЦИОМ [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knizhnaya-kultura-2022> (дата обращения: 09.11.2023).

Красавченко Т. Н. Постмодернизм мертв? Дискуссии в англоязычной критике. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение: Реферативный журнал. — 2018. — № 3. — С. 207–217.

Павлов А. В. (а). Образы современности в XXI веке: автомодернизм // Философские науки. — 2018. — № 10. — С. 97–113.

Павлов А. В. (б). Образы современности в XXI веке: диджимодернизм: рецензия на книгу Алана Кирби // Философия. Журнал высшей школы экономики. — 2018. — № 2. — С. 197–212.

Ратникова Е. А. Об истоках и особенностях постмодернистского плюрализма // Вестник Томского гос. ун-та. — 2013. — № 372. — С. 67–71.

Рост без развития: итоги года от лидеров рынка [Электронный ресурс] // Университетская книга. — 2023. — № 3, апр. — С. 28–31. — URL: <http://www.unkniga.ru/bookrinok/knigniy-rinok/14947-rost-bez-razvitiya-itogi-goda-ot-liderov.html> (дата обращения: 28.08.2023).

Соколов М. М., Соколова Н. А., Сафонова М. А. Статусные культуры, биографические циклы и поколенческие изменения в литературных вкусах читателей петербургских библиотек // ЖССА. — 2016. — № 3. — С. 116–135.

Читать или не читать? // ВЦИОМ [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chitat-ili-ne-chitat> (дата обращения: 28.08.2023).

Энштейн М. Н. Постмодерн в России: литература и теория. — М.: Литературно-издательское агентство Р. Элинина, 2000. — 386 с.

Kirby A. Digimodernism. How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture. — New York; London: Continuum, 2009.

Wilson T. D. The e-book phenomenon: a disruptive technology // Libellarium Journal for the Research of Writing Books and Cultural Heritage Institutions. — 2014. — Vol. 6, no. 1–2. — P. 1–19. — DOI:10.15291/libellarium.v6i1-2.180.

References

- Artamonov V. Suzhayushcheesya prostranstvo knig [Narrowing book' space]. *Literaturnaya gazeta*, 2015, 17–23 dek. URL: <https://lgz.ru/article/-50-6536-17-12-2015/suzhayushcheesya-prostranstvo-knig/> (access date: 28.08.2023). (In Russ.)
- Barinov D. N. Transformatsiya chitatel'skikh praktik v sovremennom rossijskom obshchestve [Transformation of reading practices in the contemporary Russian society]. *Culture and art*, 2014, vol. 6, no. 24, pp. 660–667. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.6.13212. (In Russ.)
- Bumaga protiv ekrana [Paper vs Screen]. VCIOM. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=9343> (access date: 28.08.2023). (In Russ.)
- Chitat' ili ne chitat'? [To read or not to read?]. VCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chitat-ili-ne-chitat> (access date: 28.08.2023). (In Russ.)
- Dubin B. V., Zorkaya N. A. *Chtenie v Rossii — 2008. Tendencii i problemy* [Reading in Russia]. Moscow, Mezhrregional'nyj centr bibliotechnogo sotrudnichestva, 2008, 80 p. (In Russ.)
- Epshtejn M. N. *Postmodernizm v Rossii: literatura i teoriya* [Postmodernity in Russia: literature and theory]. Moscow, Literaturno-izdatel'skoe agentsvo R. Elinina, 2000, 386 p. (In Russ.)
- Ille M. Knizhnyj rynek Peterburga [Saint-Petersburg' Book market]. *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoj zhizn'yu peterburzhcev*, 2004, no. 1, pp. 1–9. (In Russ.)
- Issledovanie Mediascope: poisk knig v internete [Mediascope research: Web-search of books]. 2022. URL: <https://mediascope.net/news/1478588/> (access date: 09.11.2023). (In Russ.)
- Kargapolova E. V., Davydova Yu. A., D'yakova V. V., Simonenko M. A. Dinamika chitatel'skikh praktik sovremennogo rossijskogo studentchestva: sociologicheskij analiz [Dynamics of reading practices of modern Russian students: sociological analysis]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 258–275. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.14. (In Russ.)
- Man'kovskaya N. B. *Parizh so zmejami. (Vvedenie v estetiku postmodernizma)* [Paris with snakes (Introduction to Postmodern Aesthetics)]. Moscow, IFRAN, 1995, 220 p. (In Russ.)
- Nazarov M. M., Kovalev P. A. Izmenenie mediasredy i sovremennye praktiki chteniya [Media environment changes and the contemporary reading practices]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2017, no. 2, pp. 84–95. (In Russ.)
- Kirby A. *Digimodernism. How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture*. New York, London, Continuum, 2009.
- Knizhnyj rynek — 2022: smena prioritetov [Book Market — 2022: changing priorities]. *Universitetskaya kniga*, 2022, no. 8, pp. 28–34. URL: <http://www.unkniga.ru/bookrinok/kniginyrinok/14010-knizhnyj-rynok-2022-smena-prioritetov.html> (access date: 28.08.2023). (In Russ.)
- Knigolyub — 2019. [Bibliophile — 2019]. VCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knigolyub-2019> (access date: 28.08.2023). (In Russ.)
- Knizhnaya kul'tura — 2022. [Book culture]. VCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knizhnaja-kultura-2022> (access date: 28.08.2023). (In Russ.)
- Krasavchenko T. N. Postmodernizm mertv? Diskussii v angloyazychnoj kritike. (Obzor) [Is postmodernism died? Discussions in the English-speaking critic]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7, Literaturovedenie: Referativnyj zhurnal*, 2018, no. 3, pp. 207–217. (In Russ.)
- Pavlov A. V. (a). Obrazy sovremennosti v XXI veke: avtomodernizm [Images of modernity in the 21st century: automodernism]. *Filosofskie nauki*, 2018, no. 10, pp. 97–113. (In Russ.)
- Pavlov A. V. (b). Obrazy sovremennosti v XXI veke: didzhimodernizm: recenziya na knigu Alana Kirbi [Images of modernity in the 21st century: digimodernism: review of the book by Alan Kirby]. *Filosofiya. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki*, 2018, no. 2, pp. 197–212. (In Russ.)

Ratnikova E. A. Ob istokah i osobennostyakh postmodernistskogo plyuralizma [On the origins and features of postmodern pluralism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 372, pp. 67–71. (In Russ.)

Rost bez razvitiya: itogi goda ot liderov rynka [Growth without development: results of the year from market leaders]. *Universitetskaya kniga*, 2023, no. 3, April, pp. 28–31 URL: <http://www.unkniga.ru/bookrinok/knigniy-rinok/14947-rost-bez-razvitiya-itogi-goda-ot-liderov.html> (access date: 28.08.2023). (In Russ.)

Sokolov M. M., Sokolova N. A., Safonova M. A. Statusnye kul'tury, biograficheskie cikly i pokolencheskie izmeneniya v literaturnykh vkusakh chitatelej peterburgskih bibliotek [Status cultures, biographical cycles and generational changes in the literary tastes of readers of St. Petersburg libraries]. *ZHSSA*, 2016, no. 3, pp. 116–135. (In Russ.)

Wilson T. D. The e-book phenomenon: a disruptive technology. *Libellarium. Journal for the Research of Writing Books and Cultural Heritage Institutions*, 2014, vol. 6, no. 1–2, pp. 1–19. DOI: 10.15291/libellarium.v6i1-2.180.

Бояркина Саня Исааковна, кандидат социологических наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ), старший научный сотрудник СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.
s.boyarkina@mail.ru

Титов Вадим Игоревич, магистрант Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.
Vadique_t@mail.ru

Boyarkina Saniya I., Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Higher School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU), Senior Researcher of the SI RAS — branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.
s.boyarkina@mail.ru

Titov Vadim I., magister program student at the Higher School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation.
Vadique_t@mail.ru



С. В. ШАПИРО

ИНТЕРЕСЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Статья посвящена студенческим предпочтениям по социальной и гуманитарной проблематике, представленным в учебной активности на занятиях. Автор рассматривает содержание докладов студентов на семинарах по «человековедческим» дисциплинам. В результате анализа эмпирического материала выявлены основные группы важных для учащейся молодежи тем в сфере обществоведения. Представлена попытка типологизации этих интересов. Установлено, что приоритетная область — это экзистенциальные вопросы о сущности человека, о его месте в мире, смысле жизни, смерти и идеи бессмертия. Охарактеризованы некоторые новые, появившиеся в последнее время, тенденции в тематических блоках, субъективно и эмоционально актуальных для студентов. Показано, что в сложной стремительно меняющейся реальности актуальной задачей взросления является потребность в социальной и личностной идентичности.

Ключевые слова: студенчество, молодежь, обществоведение, интересы, самоопределение, идентичность.

SVETLANA V. SHAPIRO

INTERESTS OF STUDENTS IN THE FIELD OF SOCIAL AND HUMANITARIAN PROBLEMS

The article is devoted to student preferences in social and humanitarian issues, presented in the educational activity in the classroom. The author examines the content of students reports at seminars on human science disciplines. As a result of the analysis of empirical material, the main groups of topics in the field of social science that are important for young students have been identified. An attempt is made to typify these interests. It has been established that the priority area is existential questions about the essence of man, his place in the world, the meaning of life, death and the idea of immortality. Some new, recent trends in thematic blocks that are subjectively and emotionally relevant for students are characterized. It is shown that in a complex rapidly changing reality, the actual task of growing up is the need for social and personal identity.

Keywords: students, youth, social science, interests, self-determination, identity.

Введение

Молодежь как социальный феномен — относительно недавний, но важный объект интереса социологических исследований. По мнению А. Г. Щёлкина, следует с осторожностью оценивать потенциал «„молодого поколения“ как демографического и социального фактора» (Щёлкин 2022: 9). В целом новые поколения вливаются в мир, выстроенный старшими, тем не менее от них ожидают инноваций и социальных изменений, и предыдущее поколение стремится понять свою смену. В условиях стремительной динамики общего уклада современной жизни (связанной прежде всего с развитием информационных технологий) и нестабильной обстановки в экономической, социальной и политической сферах студенты отечественных вузов испытывают серьезные личностно-эмоциональные нагрузки, что может сказываться на характере их жизненного самоопределения. Поэтому изучение ценностей и интересов студентов имеет большую практическую значимость.

Отечественный социолог М. А. Ядова считает, что жизнь в ситуации социальной неопределенности существенным образом влияет на мнения и поведение молодых людей. «В XXI в. выбор современным человеком жизненного пути и образа жизни становится максимально открытым и уникальным» (Ядова 2022: 84). Общество не предлагает людям готовых, однозначных, «единственно правильных» жизненных сценариев. Особой характеристикой этого поколения является «отсроченное» взросление, молодым людям приходится самостоятельно формировать индивидуальные биографические маршруты.

Основной задачей данной работы было выявление и типологизация осознаваемых и артикулируемых интересов студентов в области социально-гуманитарной проблематики (допускающих публичное обсуждение в учебном процессе). В ходе эмпирического исследования автор исходил из двухчастного предположения: 1) большое значение для современной молодежи имеет цифровая реальность и предоставляемые ею возможности; 2) на жизненные ценности студентов повлияла пандемия коронавируса, пришедшаяся на эмоционально насыщенный период перехода от подросткового к юношескому возрасту, что могло вызвать интерес к здоровому образу жизни и экологической проблематике в целом.

Методология исследования

Эмпирическим материалом для проверки исследовательской гипотезы послужили сведения об учебной активности студентов технического вуза на занятиях по гуманитарным предметам. Общественно-правовые учебные предметы составляют значительную долю учебного плана в высшей школе даже на технических направлениях обучения. Этот социально-гуманитарный блок включает такие дисциплины, как «Социальное взаимодействие», «Психология», «Социология», «Философия», «Правовое обеспечение профессиональной деятельности» и другие. Также учитывается профиль вуза, его специфика и история. Так, в Петербургском государственном университете путей сообщения Императора Александра I, старейшем транспортном вузе России, преподается предмет «История транспорта».

Одна из форм работы на семинарах по учебным дисциплинам социально-гуманитарного блока — доклады и иные сообщения студентов на занятиях. При объяснении этого задания подчеркивалось, что доклады — только одна из возможных форм учебной активности, не обязательная, по желанию самого учащегося. Предлагались другие способы «проявиться», зарекомендовать себя в течение учебного семестра (контрольные работы, тесты, решение типовых задач). Данная составляющая инструкции преследовала цель достичь добровольности при принятии студентом решения о выступлении, чтобы это решение основывалось на личном интересе и внутренней мотивации.

Согласно методическим документам (Фортунатов 2019) допускается самостоятельное определение темы сообщения учащимся при согласовании с преподавателем. При формулировке задания особое внимание уделялось тому, что возможны и даже желательны самостоятельно сформулированные, авторские, оригинальные темы по проблематике, актуальной и интересной для самого докладчика. Также студентам предлагается список типовых тем по предмету в случае, если учащийся затрудняется с самостоятельным выбором содержания доклада.

Основным исходным материалом для данной статьи послужили самобытные темы студенческих выступлений за период 2021–2023 гг. Использование готовых формулировок типовых тем трудно интерпретировать. Подобный выбор может отвечать действительным интересам учащегося, но может быть обусловлен случайными обстоятельствами (по теме еще не было сообщения в учебной группе или более доступные соответствующие материалы). В связи с тем, что выступление на

семинаре не являлось обязательным требованием к студенту, не все учащиеся осуществляли подготовку докладов.

Результаты исследования

Участники эмпирического исследования — студенты Петербургского государственного университета путей сообщения 1–4 курсов в количестве 191 человека. Общий массив тем — 144 (100%), из них оригинальных тем, сформулированных самими докладчиками, — 53 (37%). Докладов оказалось меньше, чем участников исследования, так как допускалась работа малыми группами (диадами и триадами). Автор считает самостоятельно сформулированные темы проявлением (проекцией) личных увлечений молодых людей в сфере обществоведения, учитывая свободу выбора проблематики сообщения. Эти предпочтения студенческой молодежи и выделяются автором как предмет данной статьи. Автором был использован собственный опыт включенного наблюдения (Шапиро 2020), позволивший осуществить типологизацию обществоведческой проблематики, актуальной для учащихся высшей школы.

Как отмечено выше, типовые варианты не рассматривались, например, такие работы студентов, как: «Система права», «Трудовой договор» (по правоведению); «Античная философия», «Биосоциальная природа человека» (по философии); «Методы социологии», «Социометрия» (по социологии); «Темперамент», «Конфликт и конкуренция» (по психологии) и т. п. Основной фокус исследования делался на проблематике, предложенной самими студентами. Например: «Виртуальная реальность (моделирование перцептивных впечатлений)», «Киберпреступность», «Анализ конформизма в фильме „Я и другие“» и т. д.

Некоторые из развернутых студентами сюжетов носят единичный характер, уникальны и с трудом поддаются типологизации. К таким темам относятся: «Секты в современной России», «Организованная преступность в России 90-х», «Охрана памятников архитектуры», «Образ самурая и дух Бусидо в японской кинематографии и драматургии», «История концерна „Фольксваген“», «Малая Октябрьская железная дорога в Санкт-Петербурге», «Алкоголь в традициях питания», «Профессиограмма экономиста» и другие. Таких сообщений 13, то есть их доля равна 9% от всего количества выступлений и 25% от авторских тем. Имея возможность, студенты поделились своими увлечениями и даже впечатлениями из личного опыта (включая детский).

Относительно же других докладов можно провести определенное обобщение и обсуждение. Анализ полученных данных позволяет выявить несколько тенденций, в том числе неожиданных для автора. Удалось выделить несколько групп студенческих интересов.

Мировоззренческое, жизненное, социальное самоопределение личности, когда студенты фокусируются на проблемах самоидентификации, идентичности, поиска себя в этом мире. По мнению исследователей, эти вопросы соответствуют задачам юношеского возраста (Ильясова, Синельникова 2022) и могут рассматриваться как ожидаемые, тем не менее важно отметить самостоятельность и искренность студентов при их написании. Иной тип образуют работы: «Анализ конформизма в фильме „Я и другие“», «Философия игры», «Художественная культура личности», «Проблема смерти» и (в противовес?) «Бессмертие как научная и мировоззренческая проблема», «Философия счастья», «Проблема смысла жизни», «Философия абсурда», «Философия дома», «Философия музыки», «Ценности современной молодежи», «Общество потребления» и т. д. Это довольно разнообразный спектр мировоззренческой проблематики, связанной с социальными ценностями и личностным самоопределением. Даже имеется сообщение, посвященное информационным технологиям, «Возможности искусственного интеллекта по написанию текстов по запросу „дилемма вагонетки“», выстроенное на этическом материале. Данная группа докладов самая представительная — 25 выступлений, т. е. 17% от всего количества выступлений и 47% (практически половина) от авторских тем. Таким образом, подтверждается, что для молодежи важны и интересны общественные процессы, а также экзистенциальные страхи и вопросы. Автор предполагал, что будет представлена и тема профессиональных ожиданий, однако подобная тематика не стала предметом обсуждения. Это может свидетельствовать, что современное юношество не готово к ранней профессионализации и откладывает ее; жизненные и трудовые ценности находятся на стадии формирования. Общее личностно-социальное самоопределение — эмоционально более актуальная задача.

Следующий тип работ посвящен прогрессивным информационным технологиям: «Виртуальная реальность (моделирование перцептивных впечатлений)», «Киберпреступность», «Социальные сети», «Гуманизм НТП», «Компьютерные игры и их развивающий потенциал», «Возможности искусственного интеллекта по написанию текстов по запросу „дилемма вагонетки“». Можно отметить, что эта тематика вызывает у учащихся энтузиазм, они с воодушевлением осмысливают

новые возможности, обеспечиваемые техническим прогрессом, а также вопросы безопасности в цифровой среде и появляющиеся новые риски. Таких сообщений немного, всего 7, т. е. 5% от всего количества выступлений и 13% от авторских тем. Можно было ожидать более выраженного интереса к современным технологиям и их социальным эффектам. «Современная молодежь — это прежде всего поколение миллениалов, которое отличается от предшественников глубокой вовлеченностью в цифровые технологии: они намного активнее предыдущих поколений пользуются Интернетом, компьютером, гаджетами, проводят время в социальных сетях» (Ядова 2022: 84). Возможно, поколение, родившееся в мире «цифровой продвинутой», воспринимает его как естественную среду обитания, не требующую специальной рефлексии.

Проявилось два блока новой проблематики, ранее не фигурировавшей в студенческих сообщениях (по крайней мере, в практике автора). Это тема войны как социокультурного феномена: «Философия войны в романе „Война и мир“», «Этические аспекты военных действий на примере ядерной бомбардировки Японии», самая лаконичная формулировка — «Философия войны». Подобных выступлений всего 5, их доля невелика, здесь важно отметить появление новой тенденции.

И еще одно неожиданное устремление студентов — обращение к «корням» своего народа. Эта тема также ранее не раскрывалась в докладах. В предыдущие годы подобная проблематика была представлена скорее этнографически: ребята с удовольствием рассказывали о своеобразии своей малой родины. В настоящее время акцент более теоретический, обращенный к глубинному мирозерцанию, присущему родному этносу. Такие сообщения делали представители малых народов Севера и Дальнего Востока и иностранные студенты из Средней Азии. Темы: «Шаманизм», «Мусульманская философия», «Средневековая восточная философия», «Мудрость Востока». Здесь так же, как и в предыдущем блоке, докладов немного, тоже 5. Свидетельствует ли это о возрождении национального самосознания, об эмоциональной актуальности чувства своей этнической принадлежности, о попытках формирования индивидуальной и коллективной идентичности через историю своего народа? «Распространение компьютерных технологий, когда информация и средства ее получения и хранения становятся главными условиями обеспечения жизнедеятельности человека, общественного благополучия, возрастание значения электронных устройств всё более отдаляют человека от его родовой сущности» (Самылов 2019: 186–187).

Эмоциональный протест против этого процесса может проявляться в антиглобалистских настроениях, в обращении к культурным традициям своей родной общности. Попытка осмысления современности и поиск идентичности своего народа могут быть проявлениями «рационализации реальности» (Селиверстова 2020: 74).

Появление последних двух тематических блоков студенческих докладов может рассматриваться как свидетельство определенной тревожности и социальной напряженности, о беспокойстве и даже о неблагоприятной атмосфере в обществе.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования были выявлены и охарактеризованы актуальные для студентов технического вуза научные темы докладов. В результате анализа эмпирического материала выявлены основные группы важных для учащейся молодежи тем в сфере обществоведения и представлена попытка типологизации этих интересов. Гипотеза автора подтвердилась лишь частично. Установлено, что приоритетная область — это экзистенциальные вопросы о сущности человека, о его месте в мире, смысле жизни, смерти и идее бессмертия. Охарактеризованы некоторые новые, появившиеся в последнее время, тенденции в тематических блоках, субъективно и эмоционально актуальных для студентов технического вуза. Показано, что в сложной стремительно меняющейся реальности актуальной задачей взросления является потребность в социальной и личностной идентичности. Выявлено, что прогрессивные информационные технологии остаются важной сферой жизни, вызывающей эмоциональную вовлеченность. Однако опыт пережитой пандемии не отразился в представленных интересах (это не значит, что он не оставил следа, но студенты предпочли не обсуждать эти темы).

Несмотря на существенные трансформации социальной реальности, в которой взрослеет современное поколение, основные личностные задачи, с которыми сталкивается молодой человек, остаются традиционными — поиск своего места в этом мире. Общее социально-личностное самоопределение является наиболее актуальной задачей, и уже для ее решения используется осмысление потенциала информационных технологий, а именно вопрос о том, что цифровая реальность может предложить для формирования идентичности. В этой связи самоопределение выступает как финальная цель, а цифровое пространство трактуется как инструментальная ценность.

Источники

Ильясова М. А., Синельникова Е. С. Самоотношение и психологическое благополучие в юношеском возрасте // Труды XIII евразийского научного форума: Сборник статей. — СПб.: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС», 2022. — С. 42–47.

Самылов О. В. Историческое познание и историзм в XX веке // Россия и мир в новое и новейшее время — из прошлого в будущее / Материалы XXV юбилейной ежегодной международной научной конференции: в 4 т. Т. 2; под ред. В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. — СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2019. — С. 186–190.

Селиверстова Н. А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // Социологические исследования. — 2020. — № 3. — С. 71–77. — DOI: 10.31857/S013216250008802-5.

Фортунатов В. В. Трудный путь к истине: проблемы преподавания социально-гуманитарных дисциплин // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра / Материалы международной научной конференции; под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина. — СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2019. — С. 549–556.

Шапиро С. В. Мотивационная сфера учащихся высшей школы // Творчество в современном мире: человек, общество, технологии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Я. А. Пономарева. — М., 2020. — С. 63–64.

Щёлкин А. Г. «Отцы и дети» — социологический портрет поколений в онтологическом интерьере // Петербургская социология сегодня. — 2022. — № 18. — С. 5–34. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18.http8-1j56.

Ядова М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности // Социологические исследования. — 2022. — № 2. — С. 83–93. — DOI: 10.31857/S013216250011067-6.

References

Fortunatov V. V. Difficult path to truth: problems of teaching social and humanitarian disciplines. *Gumanitarnyye nauki v sovremennom vuze: vchera, segodnya, zavtra*. Materialy mezhduнародnoy nauchnoy konferentsii; pod red. S. I. Bugasheva, A. S. Minina [Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow. Proceedings of the international scientific conference; ed. S. I. Bugasheva, A. S. Minina]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2019, pp. 549–556. (In Russ.)

Ilyasova M. A., Sinelnikova E. S. Self-attitude and psychological well-being in youth. *Trudy XIII yevraziyskogo nauchnogo foruma*. Sbornik statey [Proceedings of the XIII Eurasian Scientific Forum. Collection of articles]. St. Petersburg, Autonomous non-profit organization

of higher education “University under the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC”, 2022, pp. 42–47. (In Russ.)

Samylov O. V. Historical knowledge and historicism in the XX century. *Rossiya i mir v novoye i noveysheye vremya — iz proshlogo v budushcheye*. Materialy XXV yubileynoy yezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. V 4 t. T. 2; pod red. V. M. Dobroshtana, S. I. Bugasheva, A. S. Minina, T. V. Rabush [Russia and the world in modern and modern times — from the past to the future. Proceedings of the XXV Anniversary Annual International Scientific Conference, in 4 vol. Vol. 2; ed. by V. M. Dobroshtan, S. I. Bugashev, A. S. Minin, T. V. Rabush]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2019, pp. 186–190. (In Russ.)

Seliverstova N. A. Imitation of educational practices in the field of higher education. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020, no. 3, pp. 71–77. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008802-5.

Shapiro S. V. Motivational sphere of higher school students. *Tvorchestvo v sovremennom mire: chelovek, obshchestvo, tekhnologii*. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Ya. A. Ponomareva [Creativity in the modern world: man, society, technology. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Ya. A. Ponomarev]. Moscow, 2020, pp. 63–64. (In Russ.)

Shchelkin A. G. “Fathers and Children” — a sociological portrait of generations in an ontological interior. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, 2022, no. 18, pp. 5–34. (In Russ.). DOI: 10.25990/socinstras.pss-18.http8-1j56.

Yadova M. A. Life trajectories of youth in the 21st century: risks and opportunities. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022, no. 2, pp. 83–93. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250011067-6.

Шапи́ро Светла́на Викто́ровна, кандидат философских наук, доцент кафедры «История, философия, политология и социология», Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия.
svetlan.shapiro@gmail.com

Shapiro Svetlana V., candidate of philosophical sciences, associate professor of the department of history, philosophy, political science and sociology, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russia.
svetlan.shapiro@gmail.com



Е. В. Кудрина

ЦИФРОВАЯ МОДА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одна из сфер в современном обществе, сильно изменяющаяся в связи с цифровизацией, — индустрия моды. Развитие новых технологий, пандемия коронавируса и закрытие физических магазинов привели к появлению феномена цифровой моды. Данный феномен является частью более обширного направления под названием Fashion Tech.

Fashion Tech — это новая индустрия, созданная на стыке моды и современных инновационных технологий. В данной работе описаны изменения на рынке профессий и требований к работе дизайнеров, а также выявлены особенности взаимодействия социального пространства с виртуальной реальностью, что потребовало введения понятия «гибридной реальности». Эмпирическое исследование мнений дизайнеров позволило определить универсальные и узконаправленные практики взаимодействия с цифровой модой. Описаны проблемные аспекты в развитии и популяризации цифровой моды, такие как недостаточная техническая оснащенность и отсутствие единой платформы для использования виртуальных предметов гардероба, а также низкий уровень информированности людей о данном феномене. Цифровая мода определяется как феномен, который может стать источником вдохновения и диктатором тенденций для дизайнеров физического мира, создавать перспективы для самореализации и коммерциализации в виртуальном пространстве. Автор старался дать как можно более полное представление о феномене цифровой моды и его влиянии на современное общество, а также определить возможные направления его развития.

Ключевые слова: цифровые технологии, интернет, виртуальная реальность, социология, цифровая мода, Fashion Tech, гибридная реальность.

EKATERINA V. KUDRINA

DIGITAL FASHION: SOCIOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCH

Modern society is characterized by the development of computer information technology and telecommunications systems. One of the areas changing due to digitalization is the fashion industry. The development of new technologies, the coronavirus pandemic and the closure of physical stores have led to the phenomenon

of digital fashion. This phenomenon is part of a larger trend called Fashion Tech. Fashion Tech is a new industry created at the intersection of fashion and modern innovative technology. This paper describes changes in the market of professions and requirements for designers' work, and also reveals the peculiarities of interaction between social space and virtual reality. The concept of hybrid reality is introduced. The empirical study of designers' opinions allowed to determine universal and narrowly focused practices of interaction with digital fashion. The problematic aspects in the development and popularization of digital fashion, such as the lack of technical equipment and the absence of a unified platform for the use of virtual closet items, as well as the low level of people's awareness of this phenomenon, were described. Digital fashion is defined as a phenomenon that can become a source of inspiration and dictators of trends for designers of the physical world, creating prospects for self-realization and commercialization in the virtual space. A complete understanding of the phenomenon of digital fashion and its impact on modern society is given, and possible directions of its development are defined.

Keywords: digital technology, internet, virtual reality, sociology, digital fashion, Fashion Tech, hybrid reality.

Возникновение цифровой моды

Цифровая мода начала свою историю с возможности изменения внешнего вида персонажа в компьютерных играх, таких как *The Sims* или *Second Life*. Пользователи активно покупали для игровых персонажей дополнительную одежду, обувь, аксессуары и даже платили за возможность изменить цвет волос или макияж. CGI-технологии¹ и компьютерные игры, а также прочие взаимодействия реального мира с виртуальным проявились, например, в том, что в 2016 г. компанией Brud был создан виртуальный аватар Лил Микела, демонстрирующий одежду от таких брендов, как Prada, Moncler и Marine Serre. В то время цифровые художники перерисовывали для Лил Микелы уже существующую в реальности одежду, таким образом привлекая внимание к коллекциям и увеличивая продажи.

Масштабное внимание общественности цифровая мода привлекла в период всемирной пандемии коронавируса. На переход брендов к виртуальным коллекциям оказали влияние закрытие физических магазинов, задержка онлайн-доставки одежды, а также пребывание в замкнутом пространстве. Из-за приостановления работы физических магазинов и снижения общей покупательской способности населения многие

¹ GTI (англ. *computer-generated imagery*) — букв.: «изображения, сгенерированные компьютером».

производители понесли значительные убытки. Из-за закрытия границ и, как следствие, отсутствия импорта фурнитуры и тканей многие бренды не смогли выпустить новые коллекции. Цифровая мода дала возможность продемонстрировать их в 3D и отшить только те модели, которые точно купят. Большая заинтересованность брендов в создании виртуальных экземпляров с целью сохранения взаимодействия с клиентами поспособствовала развитию и популяризации цифровой моды в целом. Все это привело к развитию целой индустрии и перестало быть лишь частью элемента компьютерных игр. Одним из важнейших аспектов для потребителя становится интерактивность, которую все чаще добавляют бренды во время презентации новых моделей и коллекций. Мода становится частью игры, в которой проявляет себя в полной мере. Создание одежды для аватаров, магазинов одежды от брендов и дизайнеров — все это позволяет брендам взаимодействовать с потребителями и дизайнерами 3D, создавая совершенно новый продукт. Новые платформы, например Decentraland, Roblox, AltspaceVR и др., позволяют создавать новую форму активности для потребителей, побуждая интерес к виртуальной моде еще больше. На таких площадках бренды могут самостоятельно создать виртуальный магазин своей одежды, где пользователи могут ее приобрести, выиграть в мини-играх и примерить на свой аватар.

Распространение заинтересованности цифровой модой также связано с появлением новых технологий и приложений для создания одежды. Интернет-платформы CLO 3D² или Marvelous Designer³ позволяют дизайнерам самостоятельно создать эскиз одежды в трехмерном пространстве и заранее увидеть, как одежда может смотреться на человеке. Данную одежду можно надевать как на цифровые манекены, так и на живого человека, воспользовавшись фотошопом и перенеся образ на фотографию. Физически таких вещей не существует, что, по мнению некоторых исследователей, считается экологичным и приводит к более осознанному потреблению одежды людьми (Сахарова 2021: 61–66). В большинстве случаев цифровая одежда воспринимается как инновация. Создание диджитал-коллекций позволяет воплотить в жизнь любые идеи, помогающие самовыражению нового поколения (Обетковская 2022: 169–172). Интерес к цифровым предметам одежды в том числе связан с популяризацией NFT (non-fungible tokens). Цифровая мода становится новым веянием и затрагивает работу большинства крупных

² CLO: 3D Fashion Design Software [официальный сайт]. — URL: <https://www.clo3d.com/en/> (дата обращения: 28.11.2022).

³ Marvelous: best realistic cloth making program for 3D artists [официальный сайт]. — URL: <https://www.marvelousdesigner.com/product/overview> (дата обращения: 28.11.2022).

брендов. Так, например, бренд Gucci разработал и выпустил в продажу виртуальную пару кроссовок под названием Gucci Virtual 25, предназначенную для потребления в виртуальной реальности. Цифровая мода становится не просто краткосрочным трендом, но развивается с каждым годом, а в перспективе станет неотъемлемой частью нашей жизни (Обетковская 2022: 169–172). Об этом все больше говорят современные дизайнеры, следящие за движением данного феномена.

Таким образом, развитие феномена цифровой моды связано не только с технической оснащенностью и периодом цифровизации, но и с заинтересованностью брендов в сохранении коммуникации с потребителями будущего. Стремительное развитие тренда прежде всего связано с компьютеризацией большинства производственных процессов и с обстоятельствами пандемии.

Определение цифровой моды в междисциплинарном научном поле

В современном обществе Интернет стал неотъемлемой частью повседневной жизни каждого человека. В настоящее время новые предметы одежды представляют собой дополнение к образу или способ создания образа, а не просто объекты первой необходимости. В медиапространстве все больше говорят о значимости появления цифровой моды для привлечения потребителей к своему бренду, особенно представителей поколения Z. В подтверждение можно привести слова Гоши Карцева — российского модельера и инфлюенсера в одном из подкастов. По его мнению, в современном мире «зумеров невозможно привлечь к покупке люкса»¹, именно поэтому бренды, идущие на эксперимент с созданием цифровой коллекции одежды или отдельных вещей, заинтересовывают новое поколение своей открытостью к новому. Более того, подобная мода позволяет инфлюенсерам распространять интересную информацию о себе; как итог, цифровые технологии стимулируют потребление и внутри разнообразных виртуальных сред (Bertola 2018: 352–369). Особое значение в наше время уделяется уникальности продукта, его способности к адаптации для привлечения все большего количества молодежи, которая коммуницирует в цифровой среде. В большинстве своем люди, следящие за развитием данного феномена, считают, что вскоре цифровые предметы

¹ Музыка с нейросетями, цифровая мода, digital art, метавселенная // YouTube [сайт]. — 2022. — Dec. 10. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2LVF-uuAp3E> (дата обращения: 10.01.2023).

одежды появятся в коллекции каждого бренда и будут продолжать свое развитие в будущем (Лабутина 2021: 9).

Образ жизни людей в современном мире претерпевает изменения в связи с процессами глобализации, демографическими изменениями и все большей развитостью технологий, что влияет и на рынок одежды (Долженко 2020: 68–73). Причины появления цифровой моды рассматривают в своих работах А. С. Булатов, Н. А. Сахарова, К. Али и И. Б. Долженко с точки зрения тенденций развития общества. Авторы говорят о невозможности сохранения традиционной модели моды в связи с масштабностью технического прогресса. Цифровая мода не только повышает эффективность развития индустрии, но и создает перспективы для самореализации и коммерциализации в виртуальном пространстве. Переход к виртуальному оставляет предпосылки для изучения изменений антропологии человека. Л. Н. Соловьева считает, что именно данный переход приводит к изменениям человека исключительно как плотского субъекта, наделяя его цифровым компонентом (Соловьева 2022: 51–55).

Разработка предметов цифровой моды на основе эмпирических данных

Данная статья знакомит с одним из явлений современной реальности — с функционированием цифровой моды, разбирая практики, в которых реализуется цифровая мода у профессионалов и потребителей. Обращение к данной теме актуально как для уточнения самого понятия, так и для дальнейшего практического изучения социальных последствий, связанных со все более тесным пересечением виртуального и реального. Цифровизация производственных процессов преобразовывает специальность дизайнеров, требуя особых навыков и типа мышления, но главным образом является примером изменения и объединения реальности как таковой и цифрового мира. Результаты эмпирического исследования помогли проследить, каким образом происходит расширение виртуального пространства в цифровом формате, которое создает новые возможности для пользователей, меняя их.

Исследование проводилось на основе двух типов эмпирических данных: 1) интервью с дизайнерами цифровой моды; 2) серии лекций аналитиков цифрового искусства, посвященных цифровой моде². Для проведения исследования была выбрана качественная методология.

² Простор. Цифровая мода [Электронный ресурс]. — 2023. — 10 марта. — URL: https://vk.com/video/@prostor_digitalfashion (дата обращения: 07.04.2023).

В данном случае это обусловлено тем, что от каждого информанта требовалась многосторонняя оценка роли цифровой моды в изменениях индустрии и формировании новых практик среди потребителей. Помимо этого, требовалось проанализировать личный опыт дизайнеров в работе с новым инструментом развития моды. В качестве метода общения с дизайнерами было выбрано глубинное полуструктурированное интервью. Так как дизайн цифровой моды является новой практикой, поиск информантов производился посредством изучения профессиональных локализованных сообществ и форумов ВКонтакте. Интервью проводилось с участниками группы магистерской программы Fashion Tech, в списке подписчиков которой были найдены студенты-дизайнеры с разных направлений, но так или иначе связанные с цифровой модой. Информантами в данном исследовании стали пять девушек в возрасте от 19 до 22 лет, плюс одна из информанток пожелала оставить анонимной информацию о своем возрасте. Интервью проводились в офлайн- и онлайн-форматах. Анализ транскриптов сделан посредством процедуры открытого кодирования.

Практики взаимодействия с виртуальной средой и действия в гибридной реальности

Цифровая мода в первую очередь определяется информантами как вспомогательный инструмент для дизайнера. Одним из важных факторов является ускорение производственных процессов, возникающее благодаря появлению новых программ, сокращающих количество выполняемых дизайнером действий и используемых материалов.

«Потом это направление, которое связано скорее с промышленностью, вот с этой нашей промышленной революцией четвертой, которая сейчас происходит, это компьютеризация производств, в этом направлении работают конструкторы, которым программы виртуальной примерки помогают в качестве помощника. Ну, это ускорение производственного процесса» [жен., изучает историю моды].

Иначе говоря, с помощью digital сократить количество материалов для пошива экспериментальных моделей. Феномен цифровой моды часто рассматривается с точки зрения его функциональности. Важно обратить внимание на возможность реконструкции исторических объектов, возникающую благодаря внедрению новых технологий. Данные технологии хорошо соотносят цифровую моду с новым понятием реконструкции, которая может послужить опорной точкой для развития деятельности музеев в том числе.

«И третье направление — это историческая конструкция, цифровизация музейных экспонатов. Тут есть проблема, потому что музейный текстиль отвратительно хранится. <...> В Эрмитаже все исторические платья хранятся в очень жестких соблюдаемых условиях, там температура, влажность и т. д. А цифровая мода тут могла бы помочь, ну, короче, сделать историческую моду более доступной» [жен., изучает историю моды].

«Вообще, моя мечта — поработать с музеями. Например, поработать с моделями, которые уже не выставишь. Со временем ткань рассыпается. И то, что мы сейчас здесь видим, это про то, к чему хотелось бы стремиться, это начальная ступень» [жен., 22 года, куратор выставки об исторической реконструкции].

При конкретизации различий между работой в 2D- и 3D-программах дизайнеры выделяют плюсы в работе с 3D, а именно: понимание, как модель будет выглядеть в реальном мире, реалистичность, улучшение конечного результата, простота в работе. Более того, создание физической коллекции одежды является материально и ресурсозатратной деятельностью. Эту проблему можно решить созданием коллекции в виртуальном пространстве, что помогает избежать и затрат материальных ресурсов, и страха совершить ошибку, которая может привести к переделыванию всей коллекции.

Некоторые информанты выделяют особенную важность духа времени, в котором живет современный человек. Интернет и погружение в виртуальное пространство, по их мнению, является неотъемлемой частью нашей жизни. *«Но по факту, мы живем в эпоху интернета, у нас большая часть жизни, особенно у молодых ребят, протекает в сети. Это стало частью, как надстройка над нашей обычной реальностью. [...] Человек как биологическое существо надстраивает всякие штуки над собой с опытом. Все наши инструменты это как надстройка над нашей сущностью. Даже нейросети это как продолжение мозга, но мы психически к этому не готовы»* [жен., изучает историю моды].

Тенденция цифровизации является элементом вдохновения дизайнеров. Влияние цифровой моды происходит и при подборе цветовой палитры в создании коллекций.

«И то есть да, цифровая мода меня вдохновила на создание коллекции, где переплетена природа, то есть биоформы — бабочки, и как раз вот цифра, цифровое направление, то есть такой симбиоз получился» [жен., 22 года, разрабатывает коллекцию для дипломной работы].

«Есть влияние цифровой моды в ярких цветах, приветях, которые больше похожи на компьютерные текстуры, все то, что пришло из компьютерной графики». «Есть тренд на футуристичность, которую нельзя повторить. Там ультрауродские кроссовки или огромные пуховики. Это именно тренд в цифровом пространстве. [...] А Clo3D и Marvelous в принципе очень круто помогают всякие безумные идеи воплощать, эффекты светящиеся, безумные текстуры какие-то. Ну вот и дизайнеры выражают свою уникальную футуристичную идею» [жен., изучает историю моды].

Таким образом, вспомогательные программы не столько ориентированы на работу дизайнеров в виртуальной среде, сколько на взаимодействия с физической средой. Происходит слияние двух направлений, где одно из них, в данном случае цифровое, становится инструментом помощи в работе над физическими коллекциями.

Также дизайнерам было предложено поразмышлять над тем, можно ли считать цифровую моду реальной, или это остается воплощением фантазии, предметами, имеющими значение исключительно в виртуальном пространстве. Чаще всего информанты упоминают о физических свойствах ткани, которые в силу законов природы и физики не могут существовать в реальности. Именно в этом случае цифровая мода приходит на помощь дизайнерам для воплощения их идей. Уникальным для исследования стало выделение эскапизма как важного фактора погружения общества в виртуальную среду. Похожая мысль анализируется А. К. Мамедовым в его статье, где он определяет начало XXI в. как временной промежуток, «отличающийся стремительным „переживанием“ и одновременно осознанием непрерывно возникающих тенденций, все области ранее неизвестной реальности оказались под системным воздействием информационного переворота, который вместе с тем стал и новой онтологической действительностью» (Мамедов 2019: 68–75). Именно эти факторы и способствовали переходу личности в виртуальное пространство. *«Цифровая мода просто очень круто вписывается в тренд на эскапизм. Потому что в XXI веке мы все видим, что мир далеко не идеальный и все сошли с ума местами. Понятно, что части людей хочется просто сбежать в виртуальный мир. У кого-то буквально крыша едет в психическом плане, кто-то в играх зависает, кто-то создает образ нереалистичный, отличный от себя. Все спасаются разными методами. Но тренд на эскапизм определенно очень сильный, иначе не стали бы вкладываться во все эти метавселенные, в виртуальную реальность»* [жен., изучает историю моды].

Компьютеризация и искусственный интеллект

Важным направлением в развитии цифровой моды и создании 3D-экземпляров одежды является развитие компьютерных игр. По мнению информантов, индустрия компьютерных игр, где зачастую пользователям предлагают приобрести одежду для персонажа, уже являлась цифровой модой в другом смысле и стала предпосылкой развитию ее в современном мире. Цифровой модой можно называть виртуальный стиль персонажа, который пользователи могли приобрести в онлайн-пространстве за дополнительные средства.

В процессе разговора с информантами также был поставлен вопрос, касающийся все большего внедрения искусственного интеллекта в творческую среду. Практически каждый из опрошенных пришел к выводу, что искусственный интеллект никогда не вытеснит дизайнеров и в целом живого человека. Одним из главных тезисов было то, что человек обладает определенным образом потребностью в самовыражении, которая не может пропасть в силу его природы.

Связь с видеоиграми выделяет и Алексей Кучма — аналитик рынка моды и создатель telegram-канала про виртуальную одежду Digital-шкаф — в одной из лекций, посвященной развитию цифровой моды. Он видит эту связь в позиционировании людьми себя через цифровой образ. *«Видеоигры — то, что научило нас отождествлять себя с персонажами и сформировало покупательскую способность к покупке виртуальной одежды. Для современного поколения так же важно, как они выглядят и в метавселенной»* [из лекции «Простор. Digital fashion: Популяризация цифровой моды»].

В процессе разговора с информантами также был поставлен вопрос о все большем внедрении искусственного интеллекта в творческую среду. Практически каждый из опрошенных пришел к выводу, что искусственный интеллект никогда не вытеснит дизайнеров и в целом живого человека. *«Не-е, искусственный интеллект никогда не выместит дизайнеров. Будут косяки, понимаешь, творчество все завязано на духовности, культуре, переживаниях автора. У ИИ нет души. Все равно человек создаст лучше с человеческими качествами. Творческие профессии точно нет»* [жен., 22 года, разрабатывает модели для брендов].

Также упоминается существование души, некоторого чувственного опыта, присущего индивиду. Она определяет важность культурных особенностей, которые также влияют на творчество человека и не могут быть вытеснены искусственным интеллектом, так как творчество

завязано на духовности, культуре и переживаниях автора. Произведения искусства, за которыми стоят человеческие качества, всегда выше, занимают выигрышную позицию, по мнению дизайнеров. Упомянется важность «элемента рандома», под которым подразумевается исключительный опыт каждого человека, позволяющий ему создавать что-то уникальное, что не свойственно искусственному интеллекту, обладающему базовыми настройками, на которые он опирается при генерировании изображений и моделей.

Цифровая мода безусловно является продолжением процессов компьютеризации, в связи с чем в индустрию зачастую приходят специалисты из этой среды. Уникальным можно назвать комментарий информантки, которая задумывается о последствиях активного перехода цифровой моды в сферу компьютерного дизайна. По ее мнению, дизайном цифровых предметов одежды начинают заниматься люди, которые не связаны с индустрией моды, что может негативно сказаться на ее развитии. *«Ну, потому что они уже занимались, работали в подобных программах, и вот эти программы часто используют не дизайнеры, не конструкторы, а люди, которые не связаны с модой, не стилисты, и это немножко, знаешь, пугает. Они используют это не для создания именно моды, чтобы найти новые решения в сфере дизайна, а они именно хотят показать свои возможности в 3D, и часто это превращается в антимоду. Ну, то есть это выглядит немножко смешно, там не соблюдены какие-то основы композиции, или же это выглядит просто не ново. Вот эти все нововведения и цифровая мода, она для того, чтобы создавать как раз-таки новые, а тут люди просто вот создают что-то, что уже было, и причем было давно. Вот это немножко напрягает, пугает, раздражает. Это грустно»* [жен., 19 лет, художник по костюмам, разрабатывает виртуальную коллекцию].

Мнения дизайнеров о потреблении и потребителях цифровой моды

Цифровая мода является достаточно новым феноменом на рынке, именно поэтому в данном исследовании было важно проследить особенности раннего развития института в целом. Для этого были проведены полуструктурированные интервью, позволяющие выделить особенности взглядов дизайнеров на то, какую функцию несет в себе данный феномен по отношению к человеку. Удалось выделить основной аспект, встречающийся в размышлении каждого информанта, — использование цифровых моделей в медиапространстве, а именно для фотографии.

Одна из информанток поясняет важность данного аспекта, упоминая саморепрезентацию человека в виртуальном пространстве как одну из центральных составляющих жизни человека в виртуальном пространстве, которое стало частью нашей жизни. Пользователи соцсетей все чаще следят за тенденциями в сфере цифровой моды, чем за обычными коллекциями.

Интересной составляющей также стали мысли некоторых информантов о реальности цифровой моды в контексте социальной жизни человека. Цифровые предметы одежды, по их мнению, не несут в себе той же функции, какой обладает физическая одежда, а являются источником переживания нового эмоционального опыта человека. *«Это в принципе реальная штука. То есть мы увидели себя в виртуальном каком-то платье, но мы получили те же эмоции. Мозг подкинул вполне себе реального дофаминчика в голову. Другие люди увидели наше фото, обалдели от того, какое прикольное футуристичное платье. Обалдели, поставили нам лайки, мы еще больше дофамина получили. Как социальная составляющая, это вполне реальная штука»* [жен., изучает историю моды].

Таким образом, цифровая мода, являющаяся новым феноменом в виртуальной среде и стимулирующая возникновение у людей новых эмоций, становится новым способом наполнения человека опытом взаимодействия с цифровой средой. В связи с этим практически каждая из информанток считает 3D-модели одежды важным дополнением коллекции брендов и дизайнеров, способствующим привлечению внимания и большей заинтересованности потребителя, а именно созданием инфоповодов как рекламы брендов. *«Если говорить об этом как о коммерческой составляющей, то это классная реклама для брендов. Сейчас это большие крутые инфоповоды, потом все-таки, наверное, спад произойдет, это войдет в широкое потребление. Сейчас это рекламный контент, привлекающий внимание. Опять же вот про коммерцию, бренды. [...] Ну то есть как бы это повышение лояльности аудитории и расширение ее»* [жен., изучает историю моды].

В связи с размышлениями о привлечении потребителя автору данного исследования стало интересно определить, на какого потребителя рассчитана цифровая мода и можно ли определить черты потребителя будущего, по мнению информантов. Для этого был задан направляющий вопрос о примерах приобретения цифровых предметов одежды информантами, их знакомыми или друзьями. Одна из информанток выделила отсутствие необходимости в покупке как одну из основных причин отсутствия примеров приобретения цифровой одежды.

Интересным является случай, когда информантка в разговоре упомянула непонимание, на какого потребителя рассчитано данное направление. Было высказано мнение, что цифровая мода направлена на новое поколение, однако так и не удалось определить рамки возраста, рода деятельности и как-то конкретизировать черты будущего потребителя. Результаты ее размышлений подтвердили отсутствие понимания, для кого это. В основном определяется поколение «после нас», которое преимущественно сейчас вовлечено в изучение компьютерных игр. *«Сейчас нужно понимать, для какого поколения это делается, а мы это делаем для поколения после нас, которые сейчас играют в игры. Вот они, наверное, в будущем будут покупать. Они же для своих персонажей в играх покупают все шмотки, прически. Но мне кажется, мы еще не готовы»* [жен., 22 года, куратор выставки об исторической реконструкции].

Интересным является высказывание Алексея Кучмы по поводу того, на кого может быть рассчитана цифровая мода. Аналитик рынка моды считает важным для нового поколения приобретение виртуальных предметов как одежды, так и искусства. *«В видеоиграх вещи могут давать характеристики, определенные скиллы. Психологически цифровая мода — это игра. Дети хотят приобрести те же кроссовки, которые дают им скиллы в играх, виртуальном пространстве». [...] «Детям важнее купить картину и повесить ее в виртуальном мире, показать друзьям, чем купить реальную вещь»* [из лекции «Простор. Digital fashion: Популяризация цифровой моды»].

Таким образом, по словам лектора, ценность виртуального можно приравнять к ценности реального, а для детей иногда даже поставить выше. Такое поколение растет уже в гибридной реальности, именно его представители могут стать основными потребителями цифровой моды в будущем.

Более точно выявилась характеристика потребителя цифровой моды благодаря анализу лекции Анны SOD «Цифровые аксессуары и обувь на модном рынке»:

«Целевая аудитория — поколения Z и Альфа, которые родились после 2010 года, инфлюенсеры, люди из креативной среды, те, кто хочет идти в ногу со временем, и коллекционеры, которые видят потенциал в цифровой моде как в способе отображения искусства, люди с небольшим достатком, которые хотят приобщиться к условной элите общества, ментально стать частью сообщества. Поколение Альфа скоро станет платежеспособным, на что ставят ставку компании. Roblox провели исследование, согласно которому 70% пользователей одевают

своего аватара так же, как одеваются в жизни, 40% пользователей указывают, что самовыражение с помощью одежды и аксессуаров в цифровом мире для них важнее, чем в реальной жизни».

В результате проведенного анализа можно выделить основную функцию потребления цифровой моды. По мнению дизайнеров, это использование цифровых моделей в медиапространстве, а именно в фотографии. Виртуальные предметы одежды определялись чаще всего как социальная функция, являющаяся источником переживания нового эмоционального опыта человека и способом наполнения человека опытом взаимодействия с цифровой средой. Также удалось определить черты потребителя будущего. По словам информантов, цифровая мода направлена на новое поколение, а именно на детей и подростков, родившихся после 2010 г. и воспитывающихся уже в гибридной реальности.

Тенденции организационного оформления практик цифровой моды

Данный раздел статьи посвящен выявлению тенденций в развитии, популяризации и использовании феномена цифровой моды, с которыми дизайнеры и инфлюенсеры сталкиваются в настоящее время. Несмотря на то что цифровая мода набирает свою популярность и становится примером нового использования технологий для узкой аудитории, дизайнеры наблюдают проблему в недостаточной технической оснащенности для проведения виртуальных показов или использования цифровых предметов одежды. Отсутствие единой платформы и более развитых технологий также является одной из тормозящих составляющих для развития данного феномена. Проведение виртуальных показов находится на начальном уровне технической оснащенности, из-за чего возникают проблемы их восприятия зрителями.

О проблемах большей популяризации цифровой моды с технической стороны также говорится в лекции: *«Проблема виртуальной примерки — отсутствие возможности сделать реалистичный продукт из-за технологий трекинга. (Трекинг — механизм прикрепления 3D-объекта к части тела.) На данный момент даже сеть Snapchat требует доработок»* [из лекции «Простор. Digital fashion: Популяризация цифровой моды»].

В процессе анализа проведенных интервью удалось установить, что чаще всего информанты говорят о важности физического взаимодействия с материалами. Практически каждый отмечает ценность

человеческих качеств при создании одежды, которые проявляются в том числе благодаря тактильности.

«Ну мне кажется, тактильно-физическая составляющая часть в создании одежды одна из самых важных. [...] По сравнению с просто картинкой на экране, по-моему, это имеет капец какую ценность. Ты держишь дизайнерскую вещь, в ней есть душа. Это такой труд, где не только идея, но и ручная работа, это дикая ценность» [жен., 22 года, разрабатывает модели для брендов].

«Меня просто по жизни очень сильно вдохновляют разные материалы, ткани и прочее, и мне очень важно иметь тактильный контакт с материалом, из которого я создаю моду, создаю одежду. 3D, конечно, в этом плане мне меньше отзывается» [жен., 19 лет, художник по костюмам, разрабатывает виртуальную коллекцию].

«Виртуальная одежда — это как бы только визуальная часть, что нельзя потрогать, ее нельзя понюхать, а это не так полноценно воздействует на человека. Так что, мне кажется, эта одежда не способна заменить настоящую одежду» [жен., 22 года, разрабатывает коллекцию для дипломной работы].

Таким образом, дизайнеры определяют ценность физического взаимодействия с моделями, которая пропадает в случае с цифровыми предметами одежды, в связи с чем цифровая мода не заменит физический мир индустрии.

Существует мнение, что индустрия не готова к новому витку. Одна из информанток объясняет это тем, что в России уровень развития моды не достиг достаточного уровня для того, чтобы внедрять новые технологии. Она определяет цифровую моду как новый этап в развитии индустрии, к которому стоит обращаться, достигнув определенного уровня в привычной нам физической моде. *«У нас в России еще не до конца развили моду до уровня Европы, например, а уже все кинулись создавать цифровую моду. Ну вы сначала достигните того уровня в плане реальности, а потом уже дополняйте свои коллекции, показы. Пока что я считаю, что в России индустрия моды пока в этом не нуждается. Это такая тема, которую просто подхватили, а что, куда и зачем, не до конца поняли»* [жен., 22 года, разрабатывает модели для брендов].

Для определения уровня популяризации моды было важно выяснить у информантов то, в какой степени выражена тенденция информирования о данном направлении и, как они считают, продолжится ли активное развитие данного феномена, если получится продвинуть значимость цифровой моды в массы. В процессе анализа интервью

была выделена следующая мысль: цифровая мода остается неизведанным феноменом, о котором так мало знают люди, в связи с чем обращают меньшее внимание, нежели при изучении физических коллекций, понятных обществу. Малая информированность людей о данном феномене подтверждается также примерами информантов. Одна из дизайнеров рассказала о том, как она столкнулась с непониманием со стороны преподавателей университета выбора ею направления для дальнейшего изучения: *«Многие на дизайне костюма, например, из преподавателей, вообще не понимают, что это такое. Вот я по-ступила на фэшн тек, и прошлые преподаватели с дизайна костюма такие: „А что это? Что ты делать-то будешь вообще?“ Это уже говорит о том, какой уровень образования сейчас касаето всего этого. Это страшно на самом деле. То, что нам сейчас преподают, уже давно не актуально. А нужно делать современный дизайн»* [жен., 22 года, куратор выставки об исторической реконструкции]. В связи с чем та же информантка определяет важность появления учебных пособий, изучение которых приведет к большей информированности людей и поспособствует дальнейшему развитию цифровой моды. *«Сейчас люди, которые ведут телеграм-каналы, ведут свою хронологию. У меня тоже есть своя хронология, которую изучала лично я. Я думаю, через годика два у нас появятся первые учебники по истории цифровой моды»* [жен., 22 года, куратор выставки об исторической реконструкции].

Заключение

Таким образом, цифровая мода определяется как феномен, который может стать источником вдохновения и диктатором тенденций для дизайнеров физического мира, создавать перспективы для самореализации и коммерциализации в виртуальном пространстве. Именно в этом состоит суть представления о феномене цифровой моды и его влиянии на современное общество, а также определяются возможные направления его развития. Удалось определить универсальные и узконаправленные практики взаимодействия дизайнеров с цифровой модой. К универсальным практикам можно отнести: использование цифровой моды как инструмента, расширяющего возможности работы дизайнера. Все дизайнеры выделяют плюсы в работе с 3D, а именно понимание, как модель будет выглядеть в реальном мире, реалистичность, улучшение конечного результата, простота в работе. Симбиоз, возникающий в практиках создания одежды и работы на

потребителя, происходит за счет ориентира на взаимодействие вспомогательных программ с физической средой. Происходит слияние двух направлений, где одно из них, в данном случае цифровое, становится инструментом помощи в работе над физическими коллекциями. Также удалось выявить узконаправленные практики взаимодействия цифровой моды с физической средой, к которым несколько информантов отнесли возможность исторической реконструкции в работе музеев и разработку одежды для компьютерной среды, а точнее, для игровых персонажей. С точки зрения социальной составляющей также удалось выявить особенности современного общества, связанные с взаимоотношениями реального и виртуального пространств. Виртуальная мода становится надстройкой над миром моды в целом тем же образом, как интернет-платформы и виртуальная реальность надстраиваются над физическим миром. Большая часть тенденций определялась информантами через проблемные аспекты в развитии, популяризации и использовании феномена цифровой моды, а именно через недостаточную техническую оснащенность, отсутствие единой платформы для использования виртуальных предметов гардероба, а также низкий уровень информированности людей о данном феномене. Примечательно, что процесс компьютеризации и появление в индустрии специалистов других специальностей определяется как фактор, который может оказать негативное влияние на развитие цифровой моды. Анализ проведенных интервью показал, что практически каждый респондент отмечает ценность человеческих качеств при создании одежды, которые проявляются в том числе благодаря тактильности.

Источники

Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. — 512 с.

Бондаренко Т. А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Бондаренко Тамара Алексеевна; Юж. федер. ун-т. — Ростов-н/Д., 2007. — 326 с.

Долженко И. Б. Цифровая трансформация и ТНК индустрии моды // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 1–2. — С. 68–73. — DOI: 10.24411/2500-1000-2020-20064.

Загребина С. А. Дигитализация искусства: к вопросу о цифровом репродукции // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека / Отв. ред. Р. В. Ершова. — Коломна: Гос. социально-гуманитарный ун-т, 2016. — С. 138–141.

Иванов Д. В. Виртуализация общества. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. — 96 с.

История цифровой моды // NFT ARTY [сайт]. — URL: <https://nft-arty.com/ru/istoriya-czifrovoj-mody/> (дата обращения: 03.12.2022).

Малышко А. А. Философские проблемы виртуальной реальности (историко-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Малышко Александр Алексеевич; Мурманский гос. технический ун-т. — Мурманск, 2008. — 22 с.

Мамедов А. К. Виртуальная личность: социальный эскапизм или новое поле креативности? // Экономика. Социология. Право. — 2019. — № 1 (13). — С. 68–75.

Обетковская М. А. Цифровая мода и NFT // Инновационное развитие техники и технологий в промышленности: материалы Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием (Москва, 18–20 апреля 2022 г.) / Рос. гос. ун-т им. А. Н. Косыгина. — М.: Интекс-2022, 2022. — С. 169–172.

Сахарова Н. А. Тренды развития цифровой моды в ключевых аспектах устойчивого развития // Физика волокнистых материалов: структура, свойства, наукоемкие технологии и материалы (SMARTEX). — 2021. — № 1. — С. 61–66. — DOI: 10.47367/2413-6514_2021_1_61.

Сахарова Н. А. Цифровая мода — новая траектория развития fashion-индустрии // Наука — Технологии — Производство: материалы Международной научно-технической конференции, посвященной инновационному развитию текстильной и легкой промышленности (Санкт-Петербург; 29–31 марта 2021 г.) / Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна. — СПб., 2021. — С. 33–34.

Соловьева Л. Н. Модусы цифрового бытия человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. — № 4 (96). — С. 51–55.

References

Bart R. *The fashion system. Articles on semiotics of culture*. Moscow, Publishing house named after Sabashnikov, 2003, 512 p. (In Russ.)

Bondarenko T. A. *Virtual reality in the modern social situation*: dis. ... doc. philosophic sciences: 09.00.11. Bondarenko Tamara Alekseevna; South federal univ. Rostov-on-Don, 2007, 326 p. (In Russ.)

Dolzhenko I. B. Digital transformation and TNCs of the fashion industry. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, no. 1–2, pp. 68–73. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-20064. (In Russ.)

From Production to Consumption: The Cultural Industry of Fashion. Oxford, Inter-Disciplinary Press. URL: https://www.academia.edu/2233232/From_Production_to_Consumption_The_Cultural_Industry_of_Fashion (access date: 15.01.2023).

History of digital fashion. NFT ARTY. URL: <https://nft-arty.com/ru/istoriya-czifrovoj-mody/> (access date: 12.03.2022).

Ivanov D. V. *Virtualization of society*. St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies, 2000, 96 p. (In Russ.)

Malyshko A. A. *Philosophical problems of virtual reality (historical and philosophical analysis)*: author's abstract dis. ... cand. philosophic sciences: 09.00.03. Malyshko Alexander Alekseevich; Murmansk State Technical University, Murmansk, 2008, 22 p. (In Russ.)

Mamedov A. K. Virtual personality: social escapism or a new field of creativity? *Economy. Sociology. Right*, 2019, no. 1 (13), pp. 68–75. (In Russ.)

Obetkovskaya M. A. *Digital fashion and NFT. Innovative development of equipment and technologies in industry: materials of the All-Russian scientific conference of young researchers with international participation* (Moscow, April 18–20, 2022), Russian State University named after A. N. Kosygin. Moscow, Intex-2022, 2022, pp. 169–172. (In Russ.)

Sakharova N. A. Trends in the development of digital fashion in key aspects of sustainable development. *Physics of fibrous materials: structure, properties, high technology and materials (SMARTEx)*, 2021, no. 1, pp. 61–66. DOI: 10.47367/2413-6514_2021_1_61. (In Russ.)

Sakharova N. A. Digital fashion — a new trajectory for the development of the fashion industry. *Science — Technology — Production: materials of the International scientific and technical conference dedicated to the innovative development of textile and light industry* (St. Petersburg, March 29–31, 2021). St. Petersburg State University of industrial sciences, technology and design. St. Petersburg, 2021, pp. 33–34. (In Russ.)

Solovyova L. N. Modes of digital existence of a person in the information era. *Society: philosophy, history, culture*, 2022, no. 4 (96), pp. 51–55. (In Russ.)

Zagreбина S. A. Digitalization of art: on the issue of digital reproduction. *Digital society as a cultural and historical context of human development*; resp. ed. R. V. Ershova. Kolomna, State Social and Humanitarian University, 2016, pp. 138–141. (In Russ.)

Кудрина Екатерина Владимировна, независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия.
kud.katerina0207@gmail.com

Kudrina Ekaterina V., independent researcher,
St. Petersburg, Russian Federation.
kud.katerina0207@gmail.com



Е. Н. РАССОЛОВА, К. А. ГАЛКИН

**БУДУЩЕЕ, ИННОВАЦИИ И НОВЫЕ ПРОФЕССИИ.
ОБЗОР НАУЧНОГО СЕМИНАРА
«МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ
ГОРОДОВ И ГОРОДСКОЙ СФЕРЫ ТРУДА»**

23 мая прошел научный семинар «Модернизация и инновационное развитие городов и городской сферы труда», собравший более 30 участников из разных регионов России. Цель мероприятия — актуализация современных тенденций в исследованиях труда и инновационного развития территорий. В рамках семинара была организована работа трех секций: «Образовательные технологии в развитии кадрового потенциала территории», «Прошлое, настоящее, будущее городов», «Методологические и прикладные аспекты занятости и социально-трудовых отношений». Дискуссия затрагивала особенности инновационного развития городов и регионов, а также тему социально-трудовых отношений. Подчеркивалась значимость комплексного исследования сферы труда и занятости в контексте территориальных особенностей и выделения драйверов развития, характерных для тех или иных территорий.

Ключевые слова: развитие городов, городская сфера труда, занятость в городах, перспективы инновационного развития, модернизация.

ELENA N. RASSOLOVA, KONSTANTIN A. GALKIN

**FUTURE, INNOVATION AND NEW PROFESSIONS.
REVIEW OF THE SCIENTIFIC SEMINAR
“MODERNIZATION AND INNOVATIVE DEVELOPMENT
OF CITIES AND THE URBAN SPHERE OF LABOR”**

On May 23, a scientific seminar “Modernization and innovative development of cities and the urban sphere of work” was held. This seminar brought together more than 30 participants from different regions of Russia. The purpose of this event is to update current trends in labor research and innovative development of

territories. The event was held in a hybrid format: online and offline. Three sections were announced in the program: “Educational technologies in the development of the human potential of the territory”, The section was devoted to theoretical and practical issues of the human potential of cities and regions, considered from the standpoint of interdisciplinary dialogue. The topics of the role of vocational education in the training of modern personnel, new technologies in improving the quality of training, etc. were touched upon. “Past, present, future of Cities”, the section was devoted to the issues of understanding urban spaces and urban development in modern conditions. “Methodological and applied aspects of employment and social and labor relations”. The work of this section was built around social and labor relations in various aspects: from applied to philosophical and prognostic. Within the framework of the seminar, it was possible to hold an interesting discussion about the features of innovative development of cities and regions, as well as to consider the topic of social and labor relations. The importance of a comprehensive study of the sphere of labor and employment in the context of territorial features and drivers of development characteristic of certain territories was emphasized.

Keywords: urban development, urban sphere of labor, employment in cities, prospects for innovative development, modernization.

23 мая 2023 г. в Социологическом институте РАН — филиале Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН прошел научный семинар «Модернизация и инновационное развитие городов и городской сферы труда». Организатором данного мероприятия выступил СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Семинар стал своеобразным продолжением мероприятий, посвященных теме социально-трудовых отношений. Последний семинар был проведен в 2021 г. по инициативе Будимира Гвидоновича Тукумцева. В 2022–2023 гг. Центру исследований социально-трудовой сферы СИ РАН было присвоено имя этого легендарного социолога. Текущий семинар вновь обратил внимание на важность темы труда и занятости в современных условиях и возможность будущих изменений. Тема инноваций и новых профессий выделяется своей актуальностью. Поиск новых решений и форм стабилизации сферы труда в локальных экономиках находится в фокусе междисциплинарных исследований: экономики, социологии, педагогики, психологии, информационных технологий. Как известно, в 2014 г. Школой управления «Сколково» и Агентством стратегических инициатив был издан «Атлас новых профессий», в котором отмечено, что к 2030 г. исчезнут около 100 привычных профессий и появятся новые. О необходимости

инновационного развития сфер экономики дискуссии велись достаточно продолжительное время, затрагивая потребность в кадрах, обладающих соответствующими компетенциями для новых видов деятельности. В стратегиях городов и регионов кадровому потенциалу отводится значительное внимание.

Вдохновившись имеющимися наработками в этой области, участники семинара ставили перед собой цель: установить связи между теоретическими изысканиями и прикладными разработками для обеспечения целостности системы «наука — разработка — инновация — технология».

В рамках семинара были рассмотрены тенденции в развитии сферы труда в современных российских городах. Для обсуждения были предложены темы «Инновационные профессии», «Точки пересечения науки и бизнеса», «Ресурсы для развития трудовой сферы в современных городах», «Профессиональная переподготовка кадров и развитие новых сфер занятости», «Перспективы развития трудовой сферы в городах в нестабильном, изменчивом мире», «Цифровизация и цифровое развитие сферы труда в городах», «Новые тенденции в социальных исследованиях современных городов и сферы труда». В работе семинара приняли участие свыше 30 исследователей из разных регионов России: от Санкт-Петербурга и Республики Карелия до Кемеровской области.

Работа семинара была организована в рамках трех секций. Первая секция, «Образовательные технологии в развитии кадрового потенциала территории» (модератор Рассолова Елена Николаевна, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН), была посвящена роли современных образовательных технологий для трудовых ресурсов городов и регионов. Данная секция получилась полидисциплинарной и прикладной, своим опытом поделились не только исследователи, но и практикующие специалисты и методологи. Некоторые выступления вызвали оживленные дискуссии, устанавливались новые связи и контакты, положившие начало будущему сотрудничеству. Фокус секции был смещен в сторону педагогических и образовательных технологий в структуре современных рыночных преобразований. Основными результатами секции стали выводы о необходимости трансформации сферы образования в соответствии с современными тенденциями, сближении теоретических исследований и практических разработок для взаимного развития педагогических технологий в системе «теория и практика», а также выстраивании

полидисциплинарного диалога в целях более качественной подготовки будущих кадров.

Если первая секция касалась кадровой сферы, то вторая секция была посвящена непосредственно городам и их антропологическому осмыслению. Название секции «Прошлое, настоящее и будущее городов» отражает широкий спектр тем, представленных городской тематикой (модератор Галкин Константин Александрович, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН). Секция прошла совместно с постоянно действующим семинаром «Антропология Петербурга» Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)» Российской академии наук (МАЭ РАН). Были затронуты как управленческие и экономические аспекты жилищного строительства, особенности и сложности городов, расположенных в арктических зонах, так и осмысление города в антропологическом измерении. Большинство выступлений было посвящено Санкт-Петербургу. Город был рассмотрен во всем многообразии в условиях современной турбулентности. Ключевым выводом на секции был сделан вывод о необходимости применения различных методов и способов исследования городов, а также рассмотрения города как набора различных символов и смыслов, которые необходимо анализировать и рассматривать в рамках самого исследования.

Секция 3, «Методологические и прикладные аспекты занятости и социально-трудовых отношений» (модератор Лузгина Елена Николаевна, Петрозаводский государственный университет), завершила работу семинара. Секция была посвящена философским и теоретико-методологическим вопросам занятости в современных условиях. Так называемый «интеллектуальный скачок» (стремительный рост научно-технологического развития) актуализировал необходимость изменений в подходах к исследованию современных социально-трудовых отношений. Часть выступлений была посвящена теме монопромышленных (монофункциональных) и малых городов и их устойчивости в современном мире в контексте занятости и социально-трудовой сферы.

Темы, рассмотренные в рамках семинара, позволили проанализировать сферу социально-трудовых отношений в контексте современного инновационного развития города и региона. Определена ведущая роль кадров в модернизации региональной экономики. Комплексное исследование сферы труда и занятости в совокупности

с территориальными особенностями позволило обнаружить новые возможности для устойчивого развития не только на локальном, но и региональном и государственном уровне. Важная роль в процессе формирования инновационного потенциала отводится сфере образования как основному драйверу развития, выраженному в повышении качества подготовки кадров для нужд городских экономик.

Рассолова Елена Николаевна, младший научный сотрудник.

Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

enrassolova@gmail.com

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,

Санкт-Петербург, Россия.

kgalkin1989@mail.ru

Rassolova Elena N., Junior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.

enrassolova@gmail.com

Galkin Konstantin A., PhD in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,

St. Petersburg, Russian Federation.

kgalkin1989@mail.ru

Научное издание

**ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2023**

Выпуск 21

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>
Адрес редакции и издателя: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ком. 526.
Тел.: +7(812)316-24-96
E-mail: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *А. А. Нотик*
Оригинал-макет *С. В. Красильнюк*

Подписано в печать 11.12.2023. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 8,16. Тираж 300 экз.
Заказ № 276РС. Свободная цена.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru